

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 1 (28)

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА : БОИ ЗА АНТРОПОЛОГИЮ

- От редактора рубрики 5
- Асташенкова Е.В., Пискарева Я.Е.**
Акитадзе – археологический памятник
эпохи средневековья Японии 9
- Прокопец С.Д.** Защитное вооружение чжурчжэней ... 22
- Латушко Ю.В.** Минпаку – национальный музей
этнологии Японии 31
- Лю Сяньчжун.** Плюсы и минусы политики
«коренизации» СССР в 1920-е годы 41
- Веремейчик А.С.** Вопросы современной
китайской миграции в Россию в работах учёных КНР ... 50

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

- Лазарева С.И.** Деятельность благотворительных
организаций и обществ по поддержке учебных
заведений в городах Дальнего Востока
во второй половине XIX – начале XX вв. 57
- Бадмаева Л.В., Башкуева Е.Ю.** Трудовые мигранты
в Республике Бурятия:
страны исхода и зоны-аттракторы 66

КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

- Сигидова Е.Ф.** Компьютерные игры как инструмент
формирования межкультурной компетентности 75

ФИЛОСОФСКИЙ МЕРИДИАН

- Ячин С.Е.** Христианская культурная парадигма 87

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ СТРАН АТР

- Журбей Е.В.** «Мозговые центры»
и внешнеполитический процесс Сингапура:
история вопроса 100

НАУКОВЕДЕНИЕ

- Рубан Д.А.** Международная научная активность ВУЗов
в российских регионах:
некоторые географические закономерности 107

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- Ли Суйань.** Имидж России
в глазах общественности КНР 113
- Кажанов О.А.** Кому выгодна земская власть в Сибири:
политико-социологический анализ
соотношения социальных сил в регионе
(на примере работы Д. Илимского) 122

Научная жизнь

- Киреев А.А.** Методологический семинар
«Возможна ли справедливость в международных
отношениях?» (Владивосток, 22 ноября 2013 г.) **128**
- Латушко Ю.В.** О встрече с руководством ФАНО,
помощником Президента А.А. Фурсенко
и руководителем РНФ А.В. Хлуновым **136**

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), В.А. Бурлаков, М.Г. Ганопольский,
А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей (ответственный редактор), И.Н. Золотухин,
М.А. Калугина, В.Н. Караман, А.А. Киреев, Л.И. Кирсанова,
В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Ю.В. Латушко, Д.А. Литошенко,
А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, С.В. Севастьянов, Чой Нак Джун,
О.И. Шестак, С.Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования "Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса".

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман

Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Корректор: Е.В. Абрамова

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77-30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 1 (28)

*scientific-
theoretical
journal*

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME : FIGHTING FOR ANTHROPOLOGY

- From the editor of the heading 5
- Astashenkova E.V., Piskareva Ya.E.**
Akita Castle – archaeological site of medieval Japan 9
- Prokopets S.D.** Jurchen armature 22
- Latushko Yu.V.** Minpaku – national museum
of ethnology, Japan 31
- Liu Xianzhong.** An analysis of the pros and cons
of the localization policy of the Soviet Union in the 1920's 41
- Veremejchik A.S.** Contemporary Chinese migration
to Russia in PRC's researchers works 50

THE SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

- Lazareva S.I.** The activities of charitable organizations
and societies to support educational institutions
in the cities of the Far East
in the second half of XIX – early XX centuries 57
- Badmaeva L.V., Bashkueva E.Yu.** Labor migrants
in the Republic of Buryatia:
outcome countries and zone-attractors 66

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

- Sigidova E.F.** Computer games as an instrument
of formation of intercultural competence 75

PHILOSOPHICAL MERIDIAN

- Yachin S.E.** The Christian cultural paradigm 87

THE ANALYTICAL CENTRES OF APR

- Zhurbey E.V.** «Think tanks» and foreign policy process
of the Singapore: Background 100

STUDY OF SCIENCE

- Ruban D.A.** International scientific activity
of high education institutions in Russian regions:
some geographical regularities 107

SCIENTIFIC MESSAGES

- Li Sujan'.** Image of Russia in the eyes of the public
of the People's Republic of China 113
- Kazhanov O.A.** Who benefits zemskaja power in Siberia:
the political and sociological analysis of the balance
of social forces in the region
(on the example of the article of D. Ilimskij) 122

Kireev A.A. Methodological seminar "Is justice possible in international relations?" (Vladivostok, 22 November 2013)	128
Latushko Yu.V. On the meeting with the leadership of FASO, Assistant to the President A.A. Fursenko and the head of RSF A.V. Khlunov	136

Editorial board:

T.G. Rimskaya (Editor-in-chief), V.A. Burlakov, M.G. Ganopolskij,
A.N. Demyanenko, E.V. Zhurbey (Editor), I.N. Zolotukhin, M.A. Kalugina,
V.N. Karaman, A.A. Kireev, L.I. Kirsanova, V.V. Kozhevnikov, A.M. Kuznetsov,
Yu.V. Latushko, D.A. Litoshenko, A.L. Lukin, Yu.A. Naumov, S.V. Sevastyanov,
Choj Nak Dzhun, O.I. Shestak, S.E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher professional education "Vladivostok state university of Economics and Service".

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.

Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman

Graphic registration: J.A. Barbenko, V. N. Karaman, V.V. Postnikov.

Corrector E.V. Abramova

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77-30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

«Бои за историю» (аллегория, которую первым в оборот ввёл известный французский историк Л. Февр)¹ чаще всего ведутся в тиши рабочих кабинетов или в ходе экспедиций. Всем нам хочется верить в объективность и беспристрастность исследователей, в истину исторического факта, однако давно подмечено, что «факт – сам по себе есть теория», что есть своя истина и у его интерпретации.

Второй тезис состоит в том, что любой исследователь выполняет чей-то «заказ», причём дурной автор делает это в силу прямой ангажированности или собственной ограниченности, тогда как профессионал всегда отдаёт себе отчёт в том, что он действует в условиях той или иной исторической системы ценностей, от которой он никогда не бывает свободен. М. Вебер сформулировал эту мысль предельно чётко – «Выражение "отнесение к ценности" подразумевает только философское истолкование того специфически научного "интереса", который руководит выбором и обработкой объекта эмпирического исследования».² Иными словами, исследователь оперирует «идеальными типами», но все они связаны с «интересом эпохи».

Есть и ещё один уровень понимания гуманитарного дискурса – видение социо-культурного контекста той или иной научной традиции, что отчётливо заметно при взгляде на процесс формирования национальных научных школ.

Зафиксировав данные тезисы, мы обратимся теперь собственно к теме выпуска, который мы в парафраз высказыванию Л. Февра назвали «бои за антропологию». Это бои, если угодно, местного значения, раскрывающие ситуацию на исследовательском поле нашей части ойкумены – Северо-Востоке Азии. Мы живём в удивительно интересном и сложном регионе, как бы банально это ни звучало. Здесь соприкасаются многие этнические и национальные культуры и Россия присутствует в регионе по историческим меркам сравнительно недавно. Не стоит, однако, данный факт драматизировать. В силу не ангажированности в развитии мощных цивилизационных и государственных центров региона – таких как Китай, Япония, Корея – мы можем даже время от времени занимать позицию *arbiter elegantiarum*, хотя важно не забывать, что эта позиция в своё время стоила Гаю Петронию жизни.

И всё-таки, почему антропология? Как известно, у антропологии есть масса определений, равно как и течений внутри неё, но нам ближе всего понимание её как науки об изменчивости человека во времени и пространстве, которая постигается антропологическими методами (помимо работы с текстом, идёт работа с материальным контекстом через анализ разного рода артефактов, получаемых из археологических раскопок, этнографических коллекций, в ходе социологических опросов и т.п.). То есть речь идёт о комплексной науке. К слову сказать, в англосаксонской традиции в корпус антропологии входит и археология, и лингвистика, и этнология в нашем понимании. Подтверждается данная мысль ещё и тем, что в последнее время мы видим устойчивую тенденцию к «антропологизации» всего исторического знания. Данный процесс имеет как инструментальную составляющую, так и смысловую. Всё шире становится круг источников, когда письменного нарратива оказывается недостаточно. Кроме того, устойчиво развивается ряд направлений,

¹ См. Febvre L. *Combats pour l'histoire*. Paris: Armand Colin, 1953. 456 p.

² См. Weber M. *Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre*. Tübingen: Mohr, 1985. p. 497.

таких как история повседневности, которая во многом была продуктом историко-антропологического синтеза.

Несмотря на громкое название рубрики, цель данного выпуска многим скромнее – представить читателю несколько примеров научного анализа ряда актуальных проблем, объединённых регионом исследования, а также продемонстрировать исторически и культурно тесные контакты между народами Северо-Востока Азии в самые разные эпохи на примере археологии, этнологии и истории. Мы также хотели обозначить грани того самого «интереса эпохи» через призму работ отечественных и зарубежных авторов, показать то, как они видят те или иные факты истории и как они их интерпретируют.

Важно и то, что мы попытались рассказать об исследовательских центрах наших соседей (на примере Японии) или же дать слово нашим иностранным коллегам через обзор их работ, либо напрямую. Текст китайского учёного Ли Суйяня – заведующего Сектором истории китайско-российских отношений, помощника директора Института истории Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян (КНР) – об эволюции образа России в глазах китайцев мы приводим в другом разделе нашего журнала.

Начнём же мы с археологии. В работе Е.В. Асташенковой и Я.Е. Пискарёвой речь пойдёт о памятнике эпохи средневековья Акита дзе (префектура Акита, Япония). Чем интересен данный объект? Читатель наверняка хорошо осведомлён о средневековом государстве Бохай (698 – 926 гг.), часть которого располагалась в современных границах юго-западного Приморья. В истории и историографии Бохая есть немало белых пятен. Кроме того, между корейскими, китайскими и японскими историками постоянно ведутся жаркие дискуссии вокруг «бохайского наследия». Нередко, казалось бы сугубо исторические проблемы, вдруг обретают политическое звучание. Одной из важных тем в этой связи является вопрос культурных контактов между Бохайским государством и его соседями.

Рассмотрев планировку, конструктивные особенности вала и зданий крепости Акита, составив краткий обзор керамического материала и результатов палеопаразитологических исследований, а также сравнив всё это с данными, имеющимися у российских археологов, авторы статьи приходят к выводу, что население крепости с большой долей вероятности могло иметь контакты с бохайским государством.

В статье отмечается и ещё один немаловажный факт. Изучение средневековой истории российского Дальнего Востока требует от отечественного исследователя знаний по истории и археологии стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Зачастую это затруднено отсутствием специальной литературы, переведённой на русский язык. Обзор археологического материала средневековых памятников сопредельных территорий способствует определению как общих закономерностей, так и региональных особенностей, а также выявлению в материальной культуре «маркеров», отражающих социально-экономические, политические, и культурные контакты между населением разных регионов Дальнего Востока.

История людей – это по большей части история войн. Потому реконструкция комплекса вооружений сама по себе может рассказать не только о политической истории государств, но и указать нам пути культурных контактов. Кстати, роль кочевых и полукочевых средневековых обществ Евразии в передачи технологий, знаний, обычаев нельзя недооценивать. Это касается не только монгольского времени, но и более ранних периодов истории.

В статье С.Д. Прокопца дан анализ вооружения чжурчжэней – народа тунгусо-маньчжурской группы, создавшего средневековое государство Цзинь. Автор исследует защитное вооружение чжурчжэней на основе археологических находок, сделанных на городищах государства Восточное Ся, расположенных в Приморском крае. Восточное Ся – это осколок «Золотой империи», возникший в период монгольского нашествия. Здесь на территории Маньчжурии и Приморья была предпринята часть цзиньской элиты (выступившей с позиции сепаратизма по отношению к властям империи) последняя попытка сохранить чжурчжэньскую государственность. Попытка не увенчалась успехом и в 1234 г., просуществовав 19 лет, Восточное Ся пало. Кстати, город Кайюань, где было провозглашено создание «Дун Ся» хорошо знаком многим приморцам – это Краснояровское городище под Уссурийском.

Автор приводит реконструкцию самого вооружения, даёт его классификацию, определяет роль в чжурчжэньском обществе. Для выявления местных и заимствованных традиций в элементах доспехов им привлекается как археологический материал, так и письменные источники. В результате автор приходит к выводу, что чжурчжэньские воины эпохи государства Восточное Ся были снабжены современными для того периода доспехами. Комплекс защитного вооружения чжурчжэней имел свои устойчивые традиции, но при этом следовал в русле развития средневекового военного дела государств Дальнего Востока. Совершенство данного комплекса позволило ему просуществовать даже после гибели Золотой империи.

Крушение последней не означало полного исчезновения её создателей. Согласно распространённой точке зрения, с XVII века потомки чжурчжэней фигурируют в китайских летописях под именем маньчжуров. К моменту прихода русских на Дальний Восток на берегах Амура, Сунгари, Усури проживали различные тунгусо-маньчжурские племена, многие из которых могли быть родственны чжурчжэням. Их потомками считают, например, удэгейцев, проживающих сегодня на территории Приморского и Хабаровского краёв. Да и в целом, этническая история тунгусо-маньчжур крайне интересна и запутанна. Специалистам хорошо известна так называемая «тунгусо-маньчжурская проблема», которая укладывается в более широкий комплекс вопросов, известный под именем проблемы «алтайской». Одними из первых её сформулировали лингвисты¹. Главный вопрос здесь был следующим – существовала ли вообще алтайская языковая семья как генетическое единство тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского или даже японского языков. Понятно, что этногенез, происхождение языка и культуры – весьма актуальные исследовательские темы. Но и современные этнические процессы, социальные и культурные проблемы коренных народов в свете процесса глобализации и развития техногенной цивилизации привлекают внимание специалистов не только из России, но и наших соседей.

Чуть больше года назад, осенью 2012 г., учёные из Владивостока, Санкт-Петербурга и их японские коллеги из городов Осака и Токио провели международную экспедицию в местах традиционного проживания хэчжэ КНР (в России хэчжэ известны как нанайцы), пройдя на автомобилях и лодках около двух тысяч километров по китайской части Амура и Усури. Инициатором данного предприятия был профессор Национального музея этнологии (Минпаку) Сасаки Широ (г. Осака). Экспедиция была частью его исследовательского проекта «The Change from Pre-Modern to Modern in the Lower Amur Region» (2012 – 2013). Отталкиваясь

¹ См. Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка / Институт востоковедения АН СССР. М.: Наука, 1991. с. 1.

от данного факта, участник той экспедиции Ю.В. Латушко кратко знакомит читателя с опытом сотрудничества российских и японских этнологов и рассказывает о ведущем этнологическом центре Японии – музее Минпаку. Хотелось бы надеяться, что данный материал будет интересен не только специалистам – этнографам, но и более широкой аудитории.

Большие изменения в жизни коренных народов России (не только малочисленных) произошли после революции 1917 г. Политика властей в их отношении характеризуется сменой стратегии – от русификации к коренизации. Любопытно, что политика Советского Союза в национальном вопросе до сих пор является предметом пристального изучения со стороны китайских учёных. Это не удивительно, так как китайцы считают крайне важным для себя не повторять ошибок своего северного соседа. Именно этому вопросу и посвящена статья китайского учёного Лю Сяньчжуна. Автор приходит к выводу, что в 20-е годы XX в. в СССР главной линией национальной политики стала политика «коренизации». Она была направлена на содействие развитию культур бывших угнетённых народов и должна была показать, что партия уважает традиции и права представителей этнических групп, входящих в состав Союза, а также укрепить большевистскую власть на местах. Однако эта политика вызвала к жизни децентрализаторские тенденции, усилила местный национализм, дискриминацию «неместного» населения (в том числе и русских) на территориях республик. Отметим также, что перевод данной статьи и подготовка комментариев к ней стали возможны усилиями И.В. Ставрова.

Завершает настоящую рубрику обзорная статья А.С. Веремейчика, в которой предпринята попытка анализа китайской историографии по весьма актуальному вопросу о современной китайской миграции на территорию России. Статья тем более интересна, что освещает собственно китайскую оценку данной проблемы. Мы полагаем, что каждый читатель сможет сравнить свои собственные представления о ней с оценками китайских учёных. Здесь не лишним будет напомнить, что именно на стыке «эмик» (внутрикультурного видения) и «этик» (внешнего описания) подходов (в терминах К. Пайка), давно апробированных в антропологии, рождается истинное знание о культуре, человеке и обществе.

Автор приходит к выводам, что основное внимание китайских историков сосредоточено сегодня на изучении факторов трансграничной миграции, анализе причин возникновения и распространения представлений о «китайской угрозе», а также контрмерах по решению «китайского миграционного вопроса».

В заключение хотелось бы поблагодарить участников рубрики за их труд и понимание, а также выразить скромную надежду на интерес к ней со стороны читателей.

Ю.В. Латушко

УДК 930.26 (571.63)

*Асташенкова Е.В., Пискарева Я.Е.
Astashenkova E.V., Piskareva Ya.E.*

Акитадзе – археологический памятник эпохи средневековья Японии

Akita Castle – archaeological site of medieval Japan

В статье дан обзор материальной культуры средневекового городища Акита (префектура Акита). Рассматриваются планировка, конструктивные особенности вала и зданий крепости, приводится краткий обзор керамического материала и результатов палеопаразитологических исследований.

Ключевые слова: *средневековая археология, регион Тохоку, Акитадзе, средневековые крепости, материальная культура*

The article is devoted material culture of medieval walled site Akita jo: features of wall, administrative building and dwellings, the overview of ceramic, the results of paleoparasitology investigations.

Key words: *medieval archaeology, Tohoku region, Akita jo, medieval castle, material culture*

Памятники западного побережья Японии всегда вызывали интерес исследователей в контексте выявления возможных контактов между жителями северной части о. Хонсю и о. Хоккайдо и средневековым населением Приморья. Исследователями отмечается наличие социально-экономических и политических связей между этими регионами [4, с. 531-532; 6, с. 22-23]. Об этом свидетельствуют данные письменных источников [1, с. 201-211] и археологические находки, обнаруженные на средневековых памятниках Приморья. Так, Краскинское городище рассматривается как «последняя точка на сухопутной "дороге в Японию"», здесь был обнаружен фрагмент бохайского сосуда с прочерченными иероглифами, обозначающими, по версии исследователей, имена японских буддийских монахов [2, с. 208-209].

Японскими учёными была предложена гипотеза, что одним из пунктов, куда прибывали делегации государства Бохай, мог быть замок Акита [7, с. 130]. В японской археологической литературе результаты исследования этого памятника представлены достаточно широко, но, к

Работа выполнена при поддержке Гранта для молодых учёных в рамках программы Японо-Российского молодёжного обмена «Приглашение молодых российских исследователей в Японию» (JREXFellowship)

АСТАШЕНКОВА Елена Валентиновна, к.и.н., научный сотрудник Центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** astashenkova@mail.ru

ПИСКАРЕВА Яна Евгеньевна, к.и.н., научный сотрудник Центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** 7уana7@mail.ru

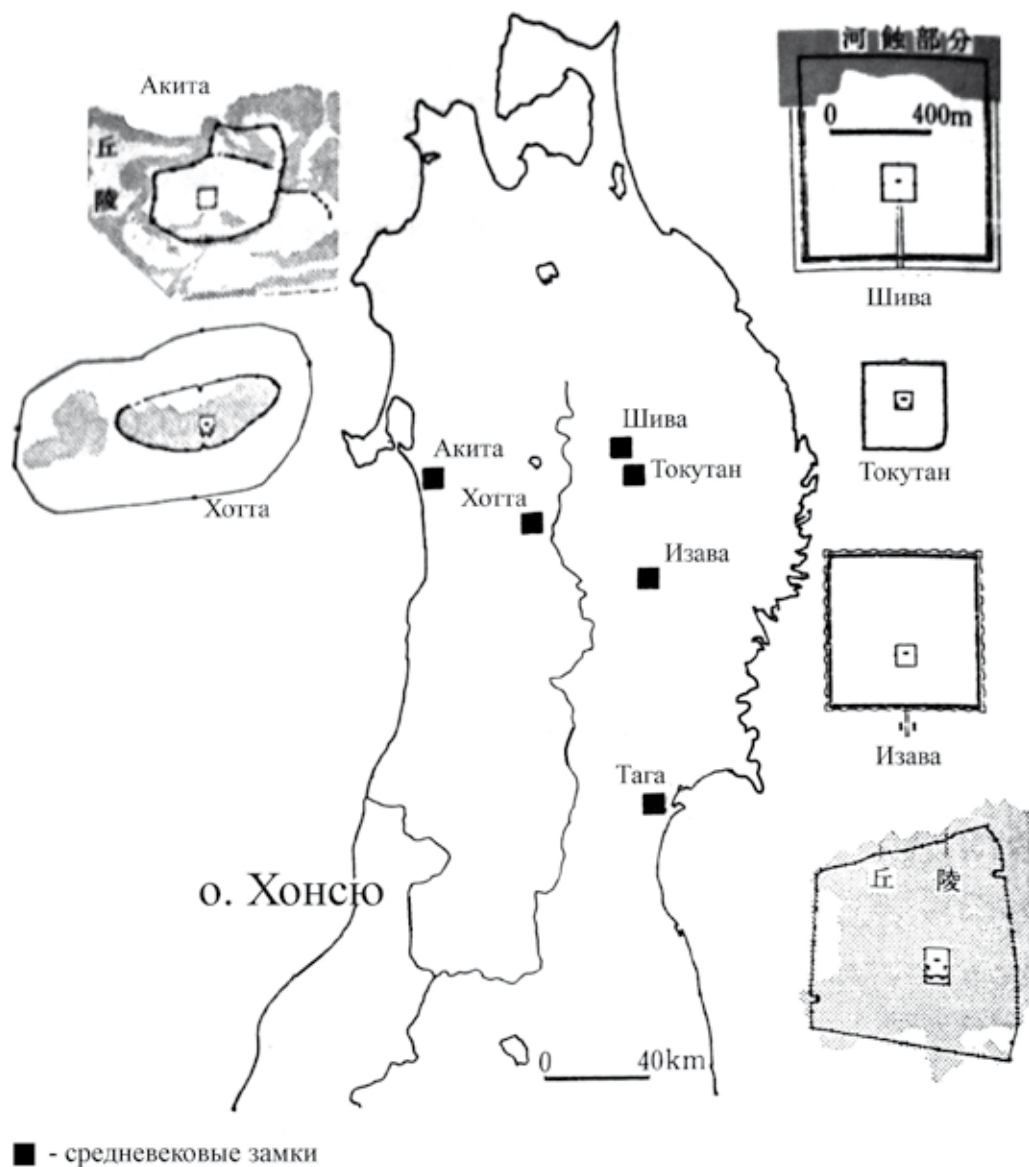

Рис. 1. Расположение памятника Акидадзэ и средневековые замки северной Японии [10, с. 174].

сожалению, для российских исследователей уникальный материал остаётся в большинстве своём неизвестным. Цель данной работы – обзор малоизвестных для отечественных археологов результатов исследования средневековой крепости Акидадзэ.

Памятник Акидадзэ (замок или крепость Акиита) находится на западном побережье Хонсю (префектура Акиита) (рис. 1). Крепость была основана в 733 году и первоначально называлась Дэва, располагаясь в учреждённой в 712 году одноимённой провинции. Начиная с 8 в. государство расширяло свою территорию на север Хонсю [3; 10, с. 175]. В этот период времени центральное правительство предприняло здесь постройку нескольких крепостей, а так же реконструкцию замка Тага (провинция Муцу, северо-восточная часть о. Хонсю), с целью усилить кон-

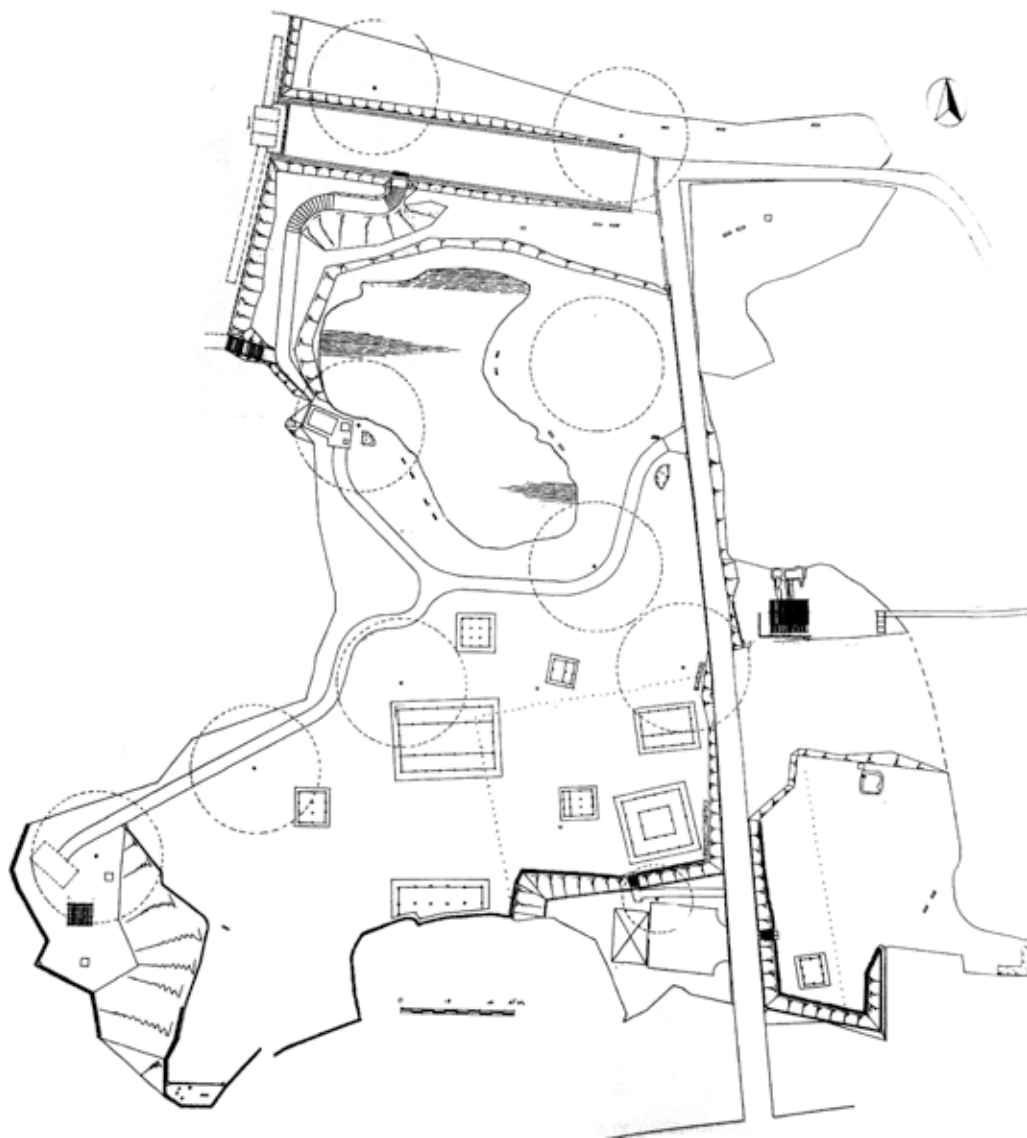

Рис. 2. Городище Акитадзе.

План музейного комплекса с реконструированными объектами [9, с. 12].

троль над районом Тохоку, поскольку из-за своей удалённости регион по-прежнему слабо подчинялся центральным властям [9, с. 6].

Крепость Дэва стала опорной базой для колонизации региона и подчинения народа *эмиси*. Около 760 г. согласно «Сёку нихонги» она была переименована в замок Акита.

Акитадзе упоминается в письменных источниках вплоть до 10 в. Так, в документе, датированном 830 годом, описываются разрушения, которым подверглись во время сильного землетрясения замок, пристроенный храм и административные постройки. В хрониках 878 и 939 гг. есть информация о восстаниях, в результате которых замок и окружающие сооружения сильно пострадали. Однако крепость была восстановлена и функционировала вплоть до середины эпохи Хэйан. С 9 века здесь находилась резиденция управляющего провинцией Дэва. Но начиная с

Рис. 3. Городище Акитадзе. План памятника с нанесёнными объектами [9, с. 47].

10 века, в исторических документах замок практически не упоминается, что говорит о том, что он перестал играть сколько-нибудь значимую роль для центрального правительства [8, с. 27-28].

Большинство северных крепостей, и Акитадзе не исключение, строились на равнинных ландшафтах. При их возведении камни использовались только в качестве фундаментов зданий, в отличие от крепостей на о. Кюсю. Оборонительные сооружения, производственные и хозяйственные постройки, административный центр располагались в одном месте и были окружены валом, который состоял из небольшого фундамента в виде необработанных камней и утрамбованной земли и был трапециевидным в сечении. Почву брали с такой глубины, чтобы избежать попадания в неё каких-либо семян, и на городище она доставлялась в сумках, подвешенных на бамбуковые жерди, которые несли два человека (рис. 4:3). Сначала из шестов возводили несколько секций каркаса, затем в деревянную форму заливали перемешанную с водой землю (при этом в раствор могли добавлять песок и ракушки, что делало стену после высыхания очень прочной), и несколько мужчин начинали её трамбовать (рис. 4:3). Когда один уровень был готов, приступали к возведению следующего, и следы этой последовательной заливки хорошо прослеживаются в сохранившейся части вала. В завершении стену штукатурили и покрывали черепичной крышей.

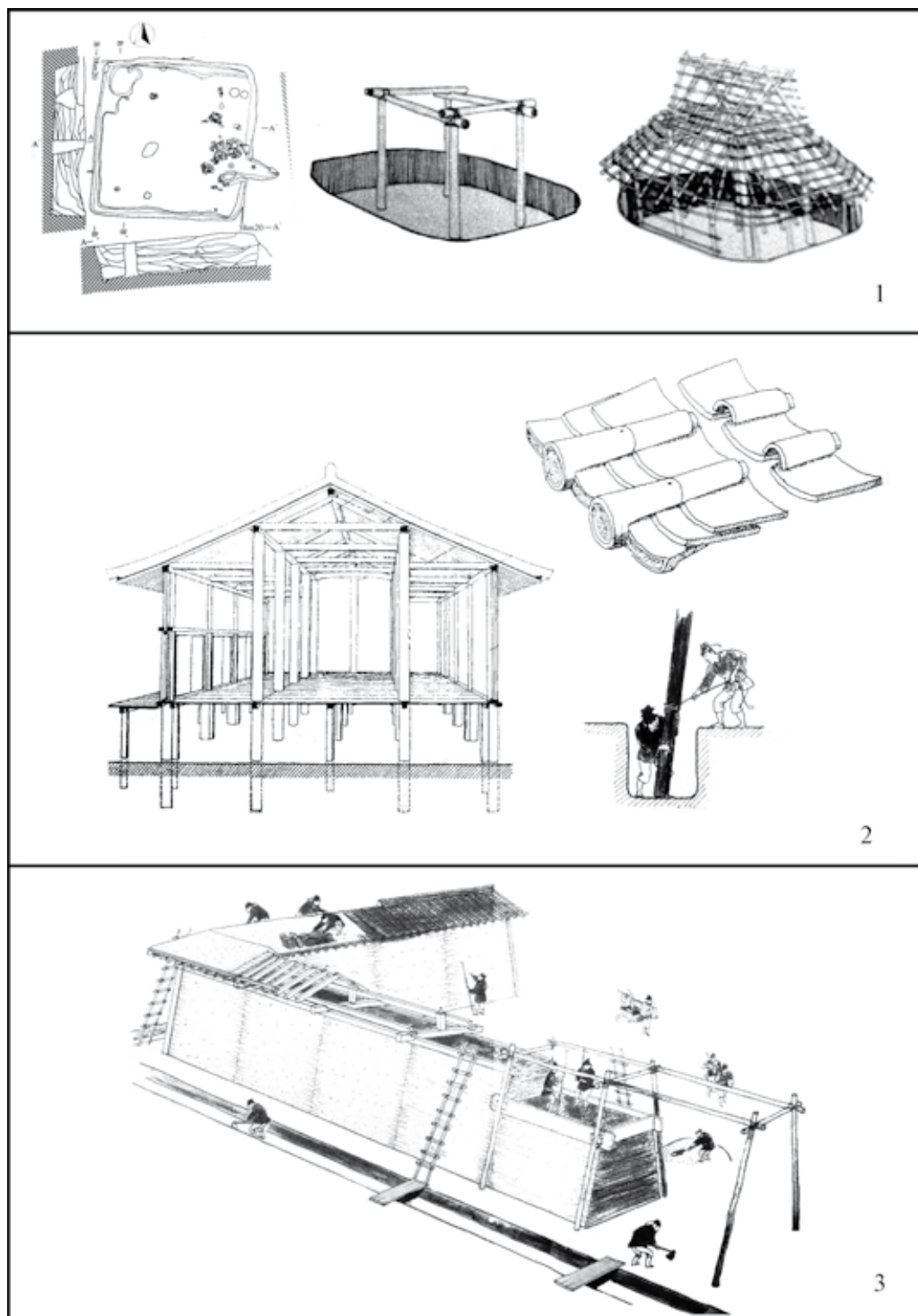

Рис. 4. Городище Акирадзе. Типы построек:

1 – постройка типа *татэана* [9, с. 114].

2 – постройка типа *хотатэбасири*, 3 – постройка стены (реконструкция)
(ил. из экспозиции музея «Замок Акита» преф. Акита, о. Хонсю, Япония).

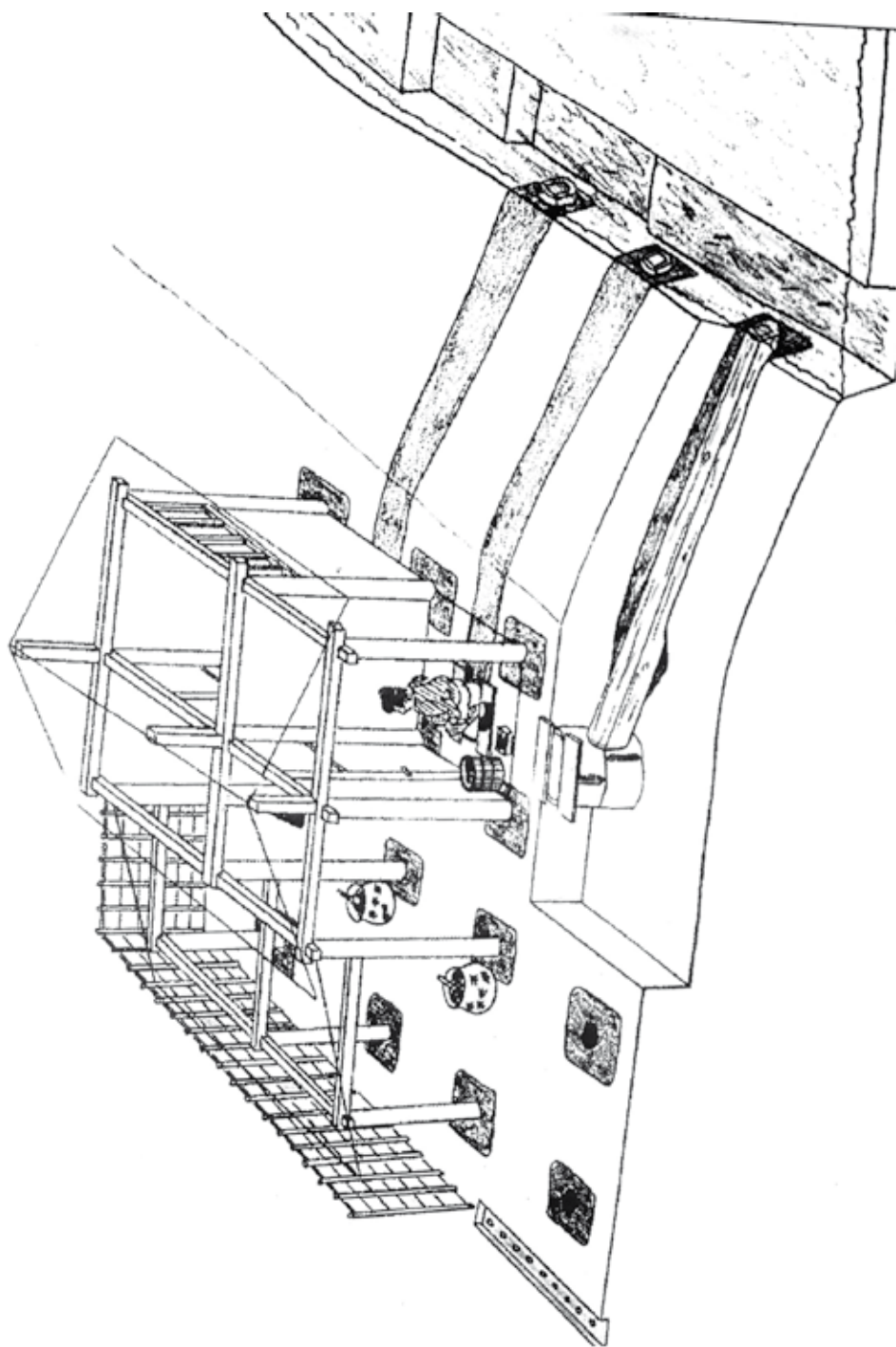

Рис.5. Городище Акитадзе. Реконструкция туалета (иллюстрация из экспозиции музея «Замок Акита» префектуры Акита, о.Хонсю, Япония)

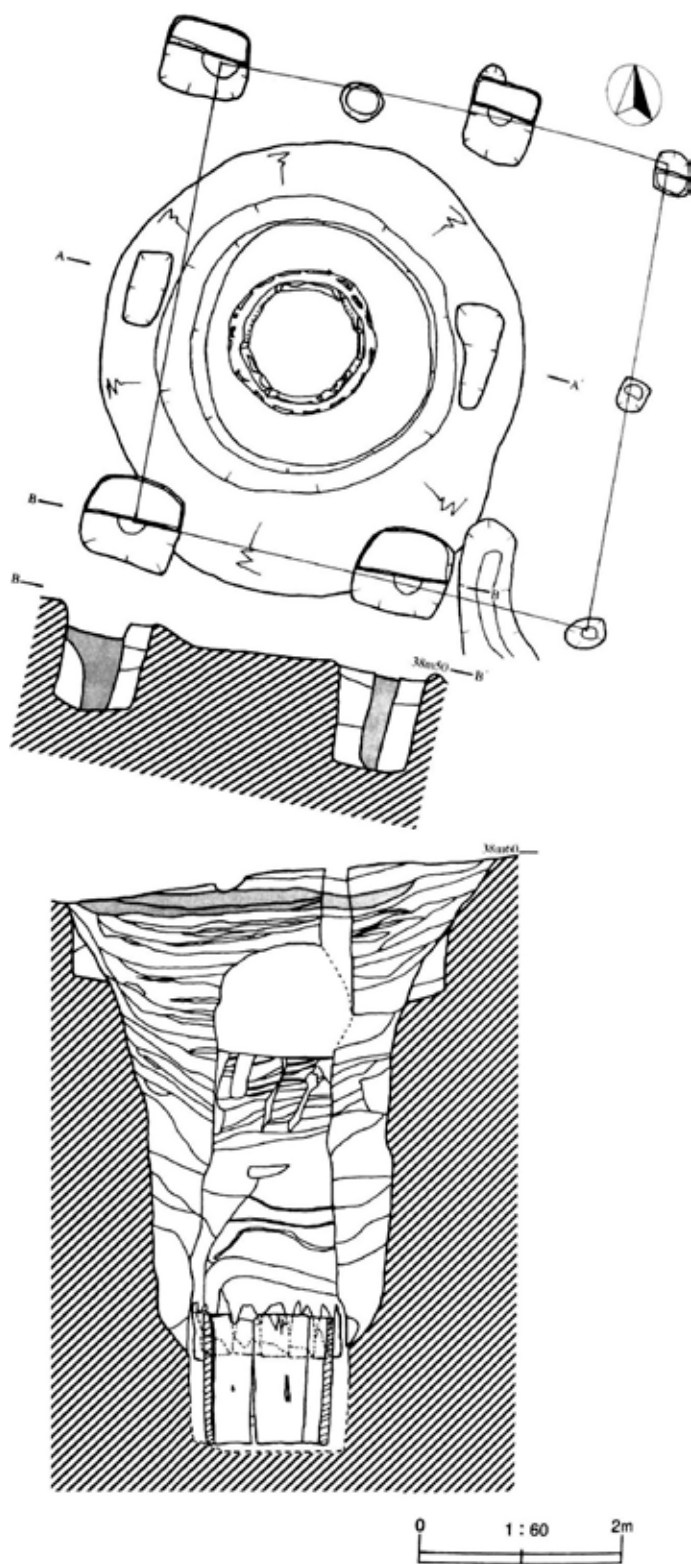

Рис. 6. Городище Акирадзе. План колодца [9, с. 132].

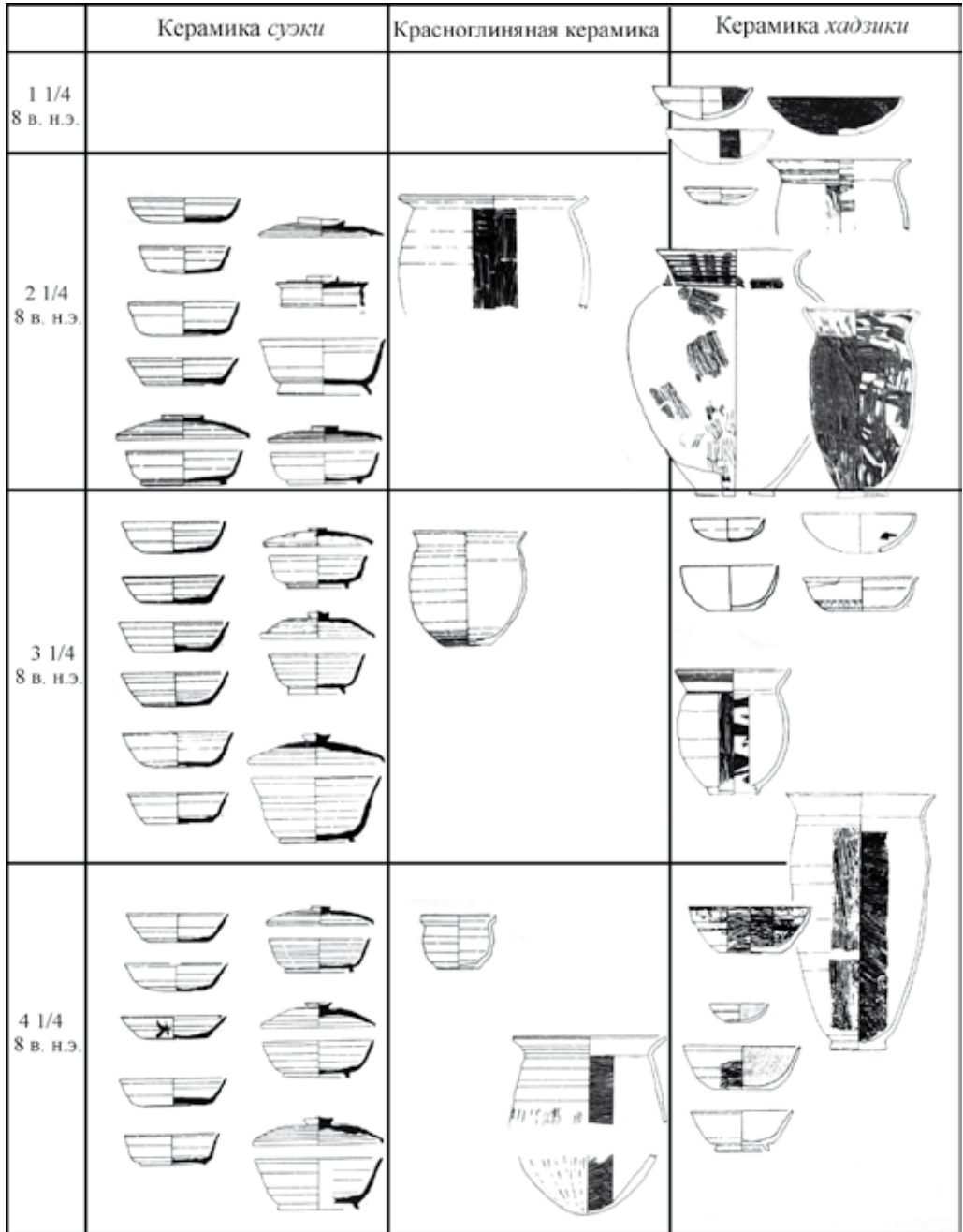

Рис.7. Городище Акитадзе. Типы керамических сосудов 8 в.[9, с. 343].

В центральной части городища, занимая территорию площадью 550 м², была расположена административная часть замка *seicho*, где проходили наиболее важные политические собрания и ритуальные церемонии. Она была дополнительно защищена валом высотой 2,1 м. Исследователи выделяют три периода в строительстве административной части замка (733 – 770 гг., 770 – 800 гг. и 800 – 830 гг.), в течение которых она неоднократно перестраивалась. При этом на первом этапе ещё

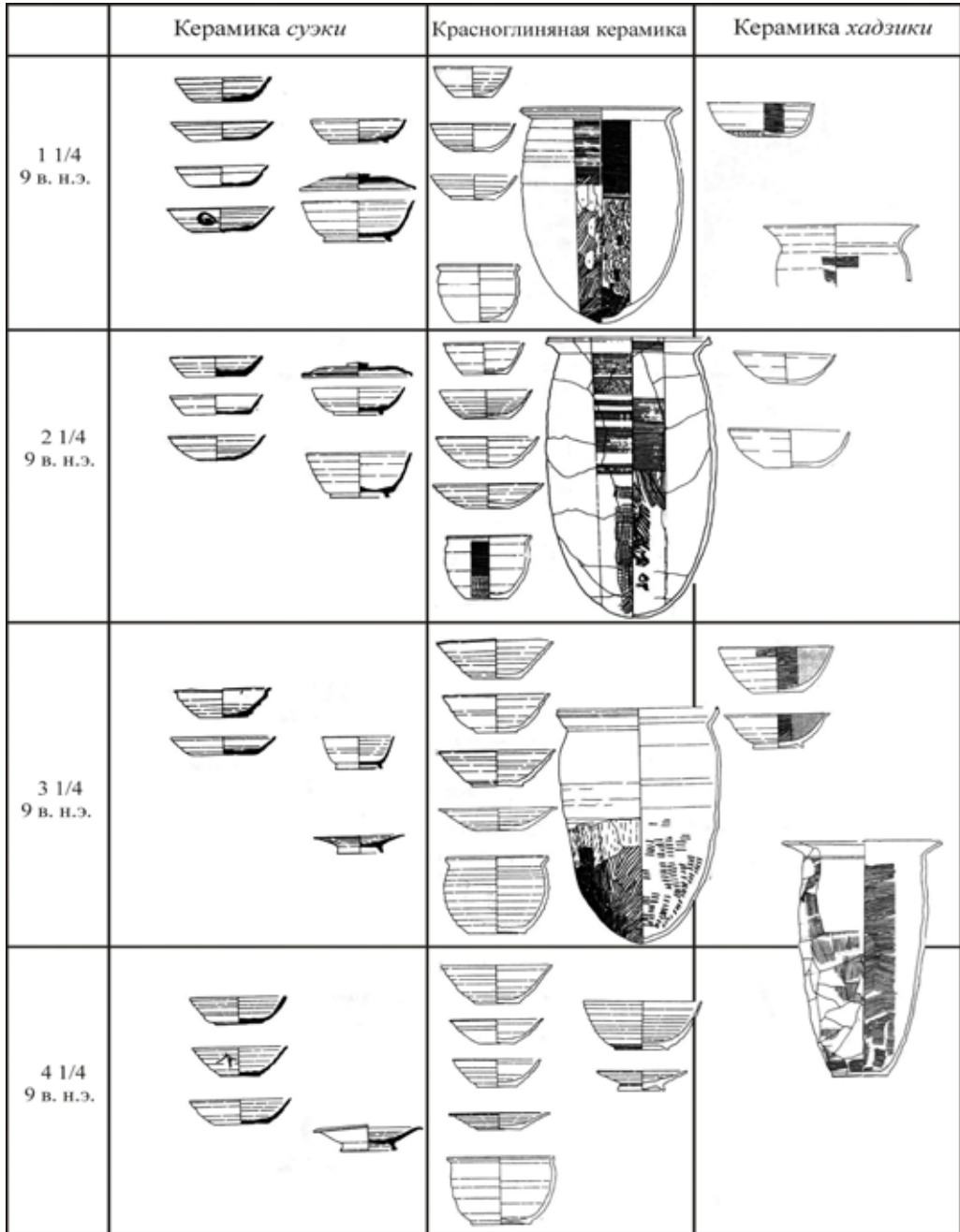

Рис.8. Городище Акирадзе. Типы керамических сосудов 9 в. [9, с. 344].

сильно влияние китайской дворцовой архитектуры, которое постепенно уменьшается [8, с. 29].

На территории крепости было раскопано более 300 жилищ, самое раннее из которых датируется первой половиной 8 века. Большая часть зданий представляют собой типы татэана (竪穴) (рис. 4:1) и хотгатебасира (掘立柱建物) (рис. 4:2).

Постройки типа татэана состоят из котлована, углублённого в землю на 40-50 см, и имеют каркас из столбов-колонн, которые поддерживают

стены и крышу. Подобные жилища обладают значительным сходством с постройками раннесредневекового Приморья. Внутри постройки находилась печь-камадо (竈). Она сооружалась, как правило, в юго-восточной стенке жилища. Корпус печи изготавливался из глины и укреплялся камнями, дымоход выходил за пределы котлована жилища. Иногда в жилищах могло быть две таких печки, при этом не исключалось наличие открытого очага в центре сооружения.

Постройки типа хотатэбасира в отличие от татэана были более крупных размеров и не имели котлована, ямы выкапывались только для установки колонн. Близок к этому типу сооружения тип сосэки (礎石). Он отличается лишь тем, что колонны не углублены, а имеют основания в виде каменных баз. Функции этих типов зданий, отличаются, поскольку здания имели разные размеры: тип татэана использовался для жилых помещений и солдатских казарм, хотатэбасира и сосэки – для административных правительственных построек.

Жизнь в северных крепостях отличалась тем, что солдатам приходилось не только воевать, но и заниматься повседневными делами. Поэтому при раскопках жилищ помимо оружия, археологи находили хозяйственные инструменты (топоры, жатвенные ножи и др.), многочисленные предметы быта (керамику, деревянные изделия, украшения).

Наличие воды в крепости – важное условие её нормального функционирования. На территории Акитадзё раскопано два колодца. Один был построен в 733 году и датируется эпохой Нара, он имеет круглый глубокий (до 5.5 м) котлован, с двумя деревянными обкладками, каждая из которых состоит из отдельных частей (рис. 6) [9, с. 131]. Колодец был защищён крышей, которую поддерживали девять колон, расположенных в три ряда. Территория, примыкающая к колодцу, была вымощена камнями. Наличие крыши и вымостки свидетельствуют о важной роли этого объекта в жизни населения крепости. В колодце было найдено значительное количество артефактов, в том числе деревянные таблички *моккан* (木簡), керамические кирпичи с изображениями [9, с. 135]. Также в колодцы бросали записки с молитвами с просьбами защитить от злых духов или об изобилии воды в крепости.

Второй колодец был построен в эпоху Хэйан. Он квадратной формы и тоже имеет деревянную обкладку. После реставрационных работ, проведённых японскими археологами, в этот колодец и сейчас поступает вода. Это тем более интересно, поскольку сам город расположен на довольно высоком месте. То же можно сказать и об озере, которое, по мнению исследователей, находилось здесь на протяжении всего периода существования городища.

Один из интереснейших объектов, исследованных на территории замка Акита, – туалет. Специальные общественные уборные появляются в крепостях 7 века, в то время как в замках предшествующей эпохи Яёй функцию туалета выполняли фортификационные рвы, окружавшие город, которые очищались от нечистот во время ливней. В Акитадзё – это достаточно большое по площади сооружение, включавшее помещение самой уборной, находившееся за оградой, и систему специальных стоков. Согласно классификации японских исследователей он относится к типу так называемых «смывных» (flushing) туалетов [7, с. 130]. Нечистоты через специальные водостоки стекали в отстойники и затем использовались в качестве удобрения. При идентификации данного строения у исследователей не возникло сомнений о его предназначении, поскольку здесь было много деревянных палочек, которые использовались в качестве туалетной бумаги.

Изучение подобных объектов имеет большое значение для реконструкции системы жизнеобеспечения населения. Благодаря анализу по-

чвы удалось получить массу интересной и важной информации о диете и здоровье жителей городища Акита. В частности, были обнаружены семена дыни, баклажана, акебии пятилистной и др., выявлены многочисленные яйца паразитов. Например, большое количество яиц лёгочной двуустки (*Paragonimus*) говорит о том, что в пищу употреблялись речные крабы. Пища аристократов и простолюдинов, безусловно, отличалась. Первые могли позволить себе молочные продукты, а так же такие деликатесы, как, например, абалон (одностворчатый глубоководный моллюск рода *Naliotis*, обитающий у берегов Японского моря). Исторические документы свидетельствуют, что в день обитатели северных крепостей обычно ели два раза, хотя этого было недостаточно при тяжёлом ежедневном труде или во время военных действий. Сохранившиеся записи на дощечках *моккан* донесли до нас требования жителей Акиты давать больше еды и устраивать между основными приёмами пищи дополнительные [9, с. 49].

Кроме того, палеопаразитологические исследования позволили предположить, что туалет в Акита использовался людьми, не являвшимися выходцами из Тохоку, а скорее всего, приехавшими из центральных регионов Нара или Киото, и даже, возможно, из государства Бохай [7, с. 130].

Самым массовым материалом является керамика. Посуда, найденная при исследовании замка Акита, представлена тремя типами изделий: это керамика типа *суэки*, керамика типа *хадзики* и красноглиняная керамика (рис. 7,8) [9, с. 343-344].

Посуда *суэки* относится к категории престижных изделий. На памятнике Акидадзё она представлена в основном чашами, а также глубокими мисками с крышками. Это сосуды серого цвета, с твёрдым черепком, изготовленные на круге. Обжиг изделий проходил в специальных печах при восстановительном режиме и температуре более 1000 градусов. Такая керамика производилась в нескольких центрах, откуда распространялась по всей Японии. Чаши можно разделить на два подтипа: плоскодонные сосуды и сосуды на поддоне. Как правило, это изделия небольших размеров, диаметр венчика которых составлял от 8 до 15 см. Часто такие ёмкости имели иероглифические надписи тушью на внешней стороне дна или стенки сосуда.

Второй тип посуды – это *хадзики*, повседневная посуда, вероятно местного производства. Поверхность изделий коричневого, светло-коричневого и серо-коричневого цвета, следовательно, обжиг проходил в окислительной среде при невысоких температурах [5, р.303]. Керамика *хадзики* включает много разновидностей ёмкостей. Преобладают вытянутые плавнопрофилированные изделия с покатыми плечиками и сосуды с округлыми плечиками и воронкообразным устьем. Поверхность сосудов выглажена деревянным мелкозубчатым инструментом. В результате внешняя поверхность изделий покрывалась тонкими параллельными бороздами от дна до венчика. Другой подтип сосудов – это чаши. Некоторые чаши отличает плавный, трудноуловимый переход от стенки ко дну и чёрная, задымлённая поверхность изнутри, у других дно плоское или есть невысокий поддон. У ранних для Акидадзё сосудов, соотносимых с первой половиной 8 в.н.э., на днищах присутствуют отпечатки листьев [9, с. 124, рис. 89].

Третий тип посуды, красноглиняная керамика, включает несколько подтипов изделий: приземистые плоскодонные ёмкости с резко отогнутым округлым венчиком, круглодонные сосуды с воронкообразным устьем и миски. Поверхность некоторых изделий, как и у сосудов *хадзики* покрыта «прочесами». На некоторых сосудах присутствуют рисунки, выполненные тушью, – в основном это портретные изображения муж-

чин. Возможно, это связано с ритуальной практикой жителей города. На территории крепости также найдены глиняные сосуды, т.н. «кувшины-плаценты». В эти ёмкости родители клали монеты, кисти для письма, ножи и другие предметы для того, чтобы новорождённый был здоров и успешен в дальнейшей жизни, затем сосуд закапывали.

Многолетние исследования памятника и хорошая сохранность керамики позволили составить подробную периодизацию, в которой для каждой четверти века выделены типы сосудов [9, с. 343-344]. Из таблицы видно (рис. 7, 8), что формы изделий *суэки* были мало подвержены изменениям, в отличие от *хадзики* и красноглиняной керамики.

В целом, Акитадзе крупнейшая крепость 8-10 вв. на западном побережье о. Хонсю. Её многолетнее планомерное изучение японскими учёными даёт возможность детально воспроизвести картину жизнедеятельности населения раннесредневекового японского города. Ведь особенность северных крепостей в том, что они совмещали в себе функции оборонительных сооружений, ремесленных и административных центров, что и нашло отражение в археологическом материале. Высокая степень сохранности как артефактов, так и экофактов позволила реконструировать аспекты как материальной, так и духовной культуры.

Для российских археологов памятники, подобные Акитадзё, представляют значительный интерес, поскольку знакомят с методами и методикой исследования зарубежных коллег и, что крайне важно, с историей и культурой сопредельных территорий в эпоху раннего средневековья.

Литература

1. Ван Чэнли. Чжунгодунбэй-дэ бохайгоюдунбэйя (Государство Бохай на северо-востоке Китая и Северо-восточная Азия). Чаньчунь: Цилинь вэньши, 2000.

2. Гельман Е.И., Болдин В.И., Асташенкова Е.В., Ивлиев А.О., Сергушева Е.А., Лещенко Н.В., Кан Ин Ук, Ким Ын Кук. Отчёт об археологических раскопках на Краскинском городище Приморского края в 2008 г. (The 2008 Excavation Report on the Krakino Site in Primorsky Krai). Сеул: Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2010. 535 с.

3. Кожевников В.В. Очерки истории Японии. VII-XI вв. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2000. 271 с.

4. Никитин Ю.Г. Формирование северо-восточных границ государства Бохай в различные этапы его существования // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 521-541.

5. Aikens, Higuchi. Prehistory of Japan. New-York: Academic Press, 1982. 354 p.

6. Kojima Y. The history of relation between Mohe, Bohai, and Japanese Islands // The first international symposium of Bohai culture. Vladivostok, 1996. p. 22-28.

7. Matsui, A., M. Kanehara, and M. Kanehara 2003 Palaeoparasitology in Japan – Discovery of Toilet Features. Memorias do Instituto Oswaldo Cruz 98 (Suppl. 1). p. 127-136.

8. Turnbull S. Japanese castles. UK: Osprey publishing, 2008. 63 p.

9. 秋田城跡II。一ノ木地区。市教育委員会。秋田城跡調査事務所。2008年3月。(Памятник Акирадзе II. Акита: Издательство комитета образования г. Акиты, 2008. 376 с.)
10. [シリーズ] 日本史のなかの考古学。編集委員。白石太一郎、吉村武彦。(Abe Gihei. Formed history in northern Japan by Emishi and Wagin. Tokyo: Aoki-Shoten Publishing, Co., Ltd.1999. 222 p.)

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Van CHehnli. CHzhungodunbehj-deh bokhajgoyujdunbehjya (Gosudarstvo Bokhaj na severo-vostoke Kitaya i Severo-vostochnaya Aziya). CHan'chun': TSzilin' vehn'shi, 2000. S. 201-211.
2. Gel'man E.I., Boldin V.I., Astashenkova E.V., Ivliev A.O., Sergu-sheva E.A., Leshhenko N.V., Kan In Uk, Kim Yn Kuk. Otchyot ob arkheologicheskikh raskopkakh na Kraskinskom gorodishhe Primorskogo kraya v 2008 g. (The 2008 Excavation Report on the Krakino Site in Primorsky Krai). Seul: Fond izucheniya istorii Severo-Vostochnoj Azii, Institut istorii, arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN, 2010. 535 s.
3. Kozhevnikov V.V. Ocherki istorii YAponii. VII-XI vv. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2000. 271 s.
4. Nikitin YU.G. Formirovanie severo-vostochnykh granits gosudarstva Bokhaj v razlichnye ehtapy ego sushhestvovaniya / Rossijskij Dal'nij Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiya, problemy, gipotezy. Vladivostok: Dal'nauka, 2005. S. 521-541.
5. Aikens, Higuchi. Prehistory of Japan. New-York: Academic Press, 1982. 354 p.
6. Kojima Y. The history of relation between Mohe, Bohai, and Japanese Islands // The first international symposium of Bohai culture. Vladivostok, 1996. p. 22-28.
7. Matsui, A., M. Kanehara, and M. Kanehara 2003 Palaeoparasitology in Japan – Discovery of Toilet Features. Memorias do Instituto Oswaldo Cruz 98 (Suppl. 1). p. 127-136.
8. Turnbull S. Japanese castles. UK: Osprey publishing, 2008. 63 p.
9. 秋田城跡II。一ノ木地区。市教育委員会。秋田城跡調査事務所。2008年3月。(Pamyatnik Akitadze II. Akita: Izdatel'stvo komiteta obrazovaniya g. Akity, 2008. 376 s.)
10. [シリーズ] 日本史のなかの考古学。編集委員。白石太一郎、吉村武彦。(Abe Gihei. Formed history in northern Japan by Emishi and Wagin. Tokyo: Aoki-Shoten Publishing, Co., Ltd.1999. 222 p.)

УДК 902.01

*Проконец С.Д.
Prokopets S.D.*

Защитное вооружение чжурчжэней

Jurchen armature

В статье рассматриваются основные итоги изучения защитного вооружения чжурчжэней по материалам археологических исследований городищ государства Восточное Ся, расположенных в Приморском крае. Приводится реконструкция самого вооружения, классификация, определяется его роль в чжурчжэньском обществе. Выявляются местные и пришлые традиции в элементах доспехов. Для этого привлекается как археологический материал, так и письменные источники.

Ключевые слова: *защитное вооружение, панцирь, шлем, чжурчжэни, Восточное Ся*

The article discusses the main results of the study on the protective arms of the Jurchen the archaeological research settlements Eastern Xia State, located in PrimorskyKrai. We present the reconstruction of the weapons, the classification is determined by its role in Jurchen society. Identifies local and alien elements in the tradition of armor. For this involved as archaeological material, as written sources.

Key words: *defensive armament, armor, helmet, Jurchen, Eastern Xia*

Защитное вооружение – важная составная часть снаряжения средневекового воина. Актуальность изучения защитного вооружения определяется тем, что этот элемент военной культуры свидетельствует об укреплении военной организации государства, его обороноспособности, а также об уровне развития ремесленного производства.

Изучаемые предметы в основном происходят из раскопок средневековых горных городищ Приморья, которые исследователи относят ко времени существования чжурчжэньского государства Восточное Ся (1215 – 1233 гг.) – это Краснояровское, Лазовское, Ананьевское, Екатерининское, Гусевское, Горнохуторское, Шайгинское городища и т.д. На всех перечисленных памятниках археологами найдено огромное количество элементов вооружения, что даёт возможность сейчас заняться его реконструкцией.

Систематизация полученных в результате археологических работ артефактов, относящихся к комплексу вооружения, даёт возможность не только работать с материальной частью, но и реконструировать исторические процессы, которые имели место на юге Дальнего Востока России и смежных зарубежных территориях.

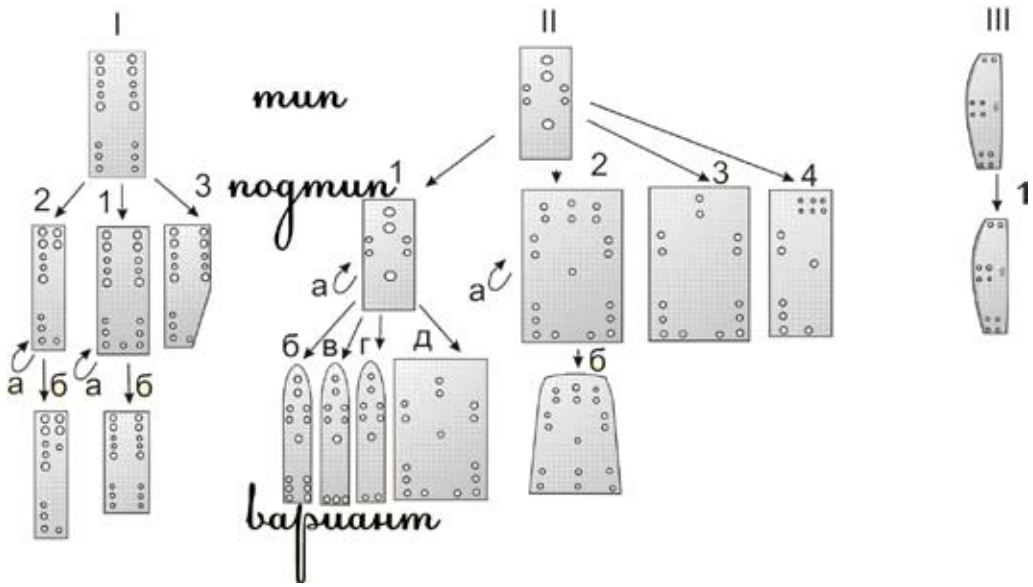

Рис.1. Классификация панцирных пластин по материалам раскопок чжурчжэньских городищ в Приморье

Кроме того, сейчас накоплен большой багаж письменных и изобразительных источников, что даёт возможность решать поставленную задачу, основываясь не только на материальных остатках.

Работа с письменными источниками

При обработке письменных источников мы попытались зафиксировать все упоминания о защитном вооружении чжурчжэней. Для исследования использовались следующие источники:

- 1) «Айсиньгурунисудури» [10];
- 2) «Циданьгочжи» – «История государства киданей» [8];
- 3) «Дайляогурунисудури» – «История великой Железной империи» [9].

Кроме того, рассматривались некоторые отрывки из источников, переведённых А.Г. Малявкиным [13], К.А. Виттфогелем [15], Е.И. Кычановым [11], М.В. Воробьёвым [3;4], В.Е. Ларичевым [12] и т.д.

Анализ источников дал возможность сделать ряд выводов. Во-первых, о высокой значимости защитного вооружения в военно-политической жизни средневекового Дальнего Востока. Правда, стоит отметить, что в политической жизни вооружение фигурирует именно тогда, когда оно связано с наиболее важными персонажами летописей – вождями или императорами. Во-вторых, прослеживается значимость киданьского вооружения в формировании традиций чжурчжэньского защитного комплекса. В-третьих, некоторые моменты, описывающие политику императора Дигуая и связанные с перевооружением армии, косвенно указывают на то, что именно в годы его правления, вероятно, и начинает формироваться чисто чжурчжэньский комплекс вооружения (конец 50-х гг. XII в.). Он вбирает в себя киданьские и китайские традиции производства, но, согласно некоторым источникам, комплекс имеет местную производственную подоснову. Так, например, в некоторых источниках есть свидетельства о том, что в 70-х годах XI века, за

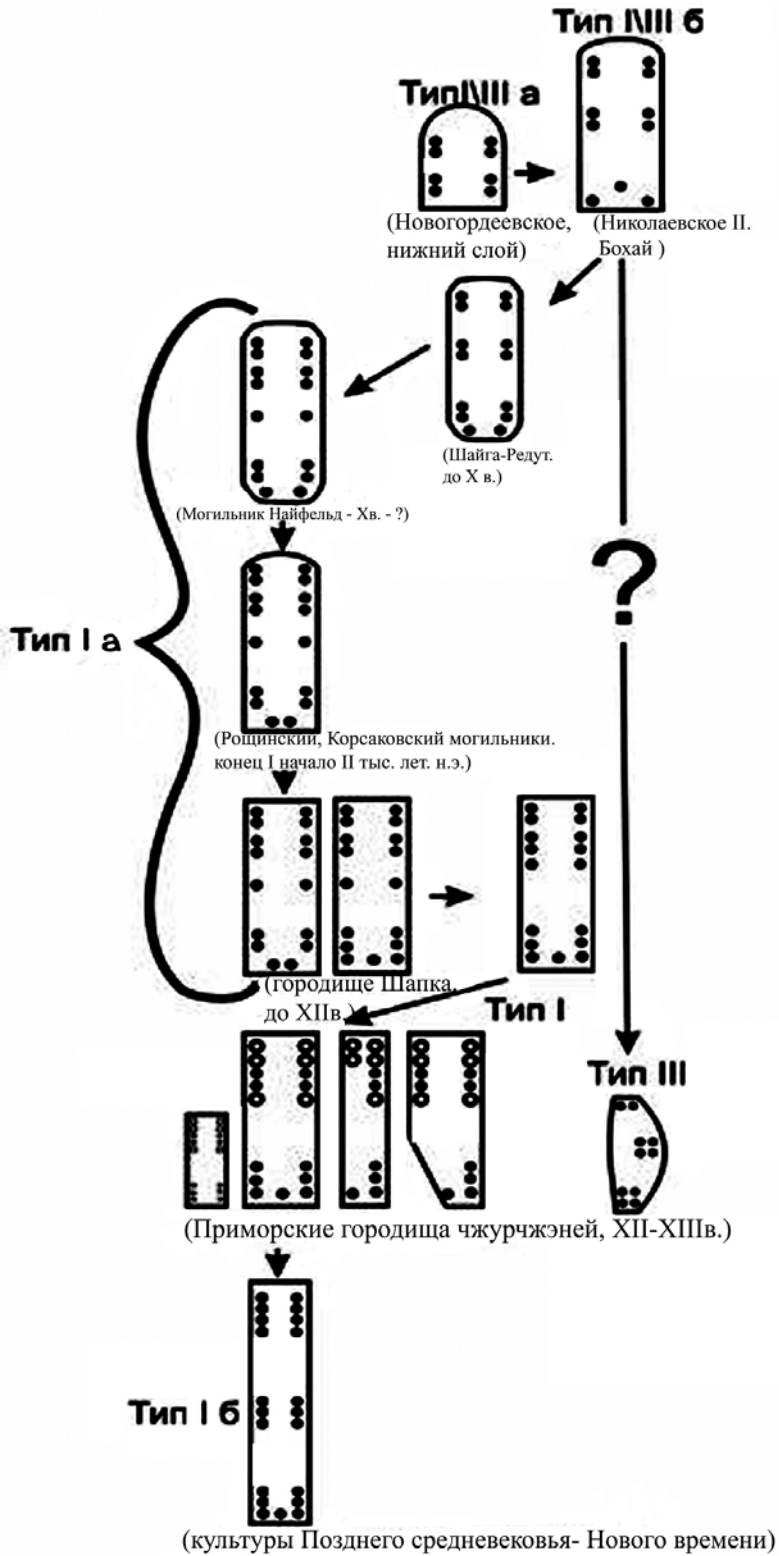

Рис 2. Типологический ряд панцирных пластин тип I и III

Две вертикальные стороны:

1 строка: 大同十一年正月光步

Да-тун ши и пянь чжэнюэ... (чжурчжэньский знак)
1-й месяц 11-го года Да-тун ... (чжурчжэньский знак)

2 строка: 监造官瓦顔回不

цзянь цзао гуань Ваньянь Хуйбу
наблюдавший за изготовлением чиновник Ваньянь Хуйбу
11-й год Да-тун – 1234 год.
1-й месяц приходится на начало года.
Примерно февраль-март.

Рис 3. Панцирная пластина с иероглифами
из Краснояровского городища,
а также их перевод по А.Л. Ивлиеву.

40 лет до образования Золотой империи, чжурчжэни имели кузнецов-оружейников, которые могли ковать доспехи.

В-четвёртых, заметно, что некоторые рассказы несут на себе «клеймо» политических заказов. Поэтому в разных источниках по-разному трактуются одни и те же события.

В-пятых, открываются некоторые технические моменты, которые дополняют или поправляют информацию, полученную при работе с археологическим материалом. Согласно письменным источникам, у чжурчжэней к предметам защитного вооружения относятся панцири (лёгкие, тяжёлые), шлемы, а также защита боевого коня (кожаная, железная).

Панцирная пластина – основной модуль комплекса

Основным материалом, с которым приходится работать археологу при реконструкции защитного вооружения, является панцирная пластина. Нами панцирная пластина рассматривается как своеобразный модуль (сформировавшийся первоначальный узел), который имеет свой определённый набор признаков, характерных только для него (союз определённых характеристик: форма, размеры, расположение отверстий, размеры отверстий). В то же самое время, при сборке этих модулей могут создаваться различные формы. В нашем случае – это формы доспехов. Причём довольно часто одинаковые формы доспехов могут состоять из разных модулей. Скорее всего, эта одинаковость связана с продолжением производства, подражанием или полным копированием уже отработанными в боях универсальными формами. Проблема изменчивости модуля, к сожалению, пока нами точно не установлена. Возможно, она связана с глубокими местными традициями, универсальностью или актуальностью определённого модуля.

Систематизация материала, которая в работе выражена в классификационном и типологическом анализе панцирной пластины, рассматривается здесь именно с этой позиции. Сама классификация (рис. 1)

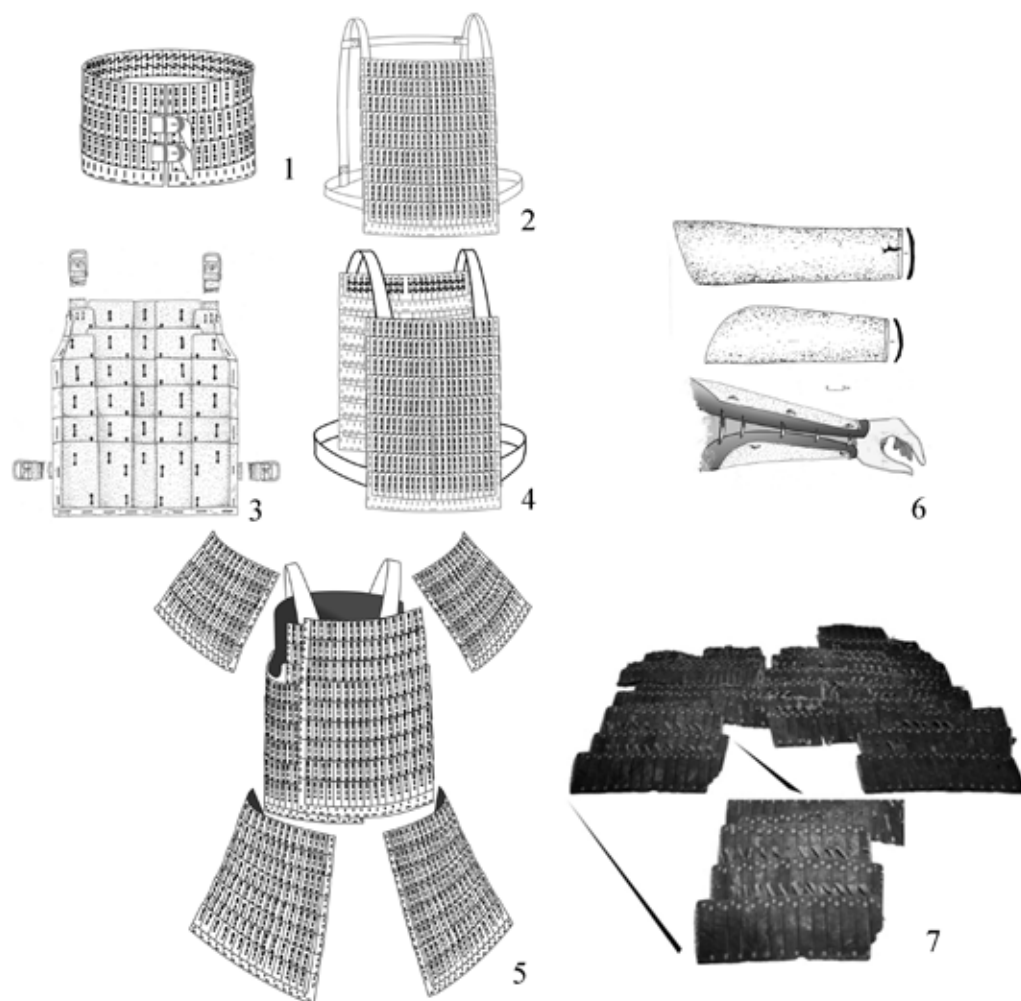

Рис. 4. Типы чжурчжэньских доспехов

была построена на изменчивости признаков несущей части панцирной пластины, а именно на системе связки, выраженной в комплексе отверстий, характерных только для своего типа. Здесь классифицируется материал только с горных приморских городищ чжурчжэней. Всего было выделено три типа панцирных пластин. Некоторые типы имеют подтипы по функциональному назначению в составе панциря (например, боковой, основной центральный, угловой).

Если взять за один из качественных признаков количество, то можно уверенно сказать, что тип I является универсальным модулем для чжурчжэньского комплекса защитного вооружения. Подсчитано, что за время исследований чжурчжэньских городищ в Приморье (Красноярского, Шайгинского, Лазовского, Ананьевского, Горнохуторского, Екатерининского, Гусевского) найдено примерно 6000 панцирных пластин. Из них 138 принадлежат типам II и III, что составляет 2,3% от общего количества пластин (тип II 0,8% , тип III 1,5%). Наибольшее количество пластин принадлежит типу I 97,7%. По частоте нахождения (количеству мест, где были найдены панцирные пластины определённого типа, относительно общего количества мест с находками панцирных пластин), также преобладает тип I, занимая 99%. Оставшийся один процент прак-

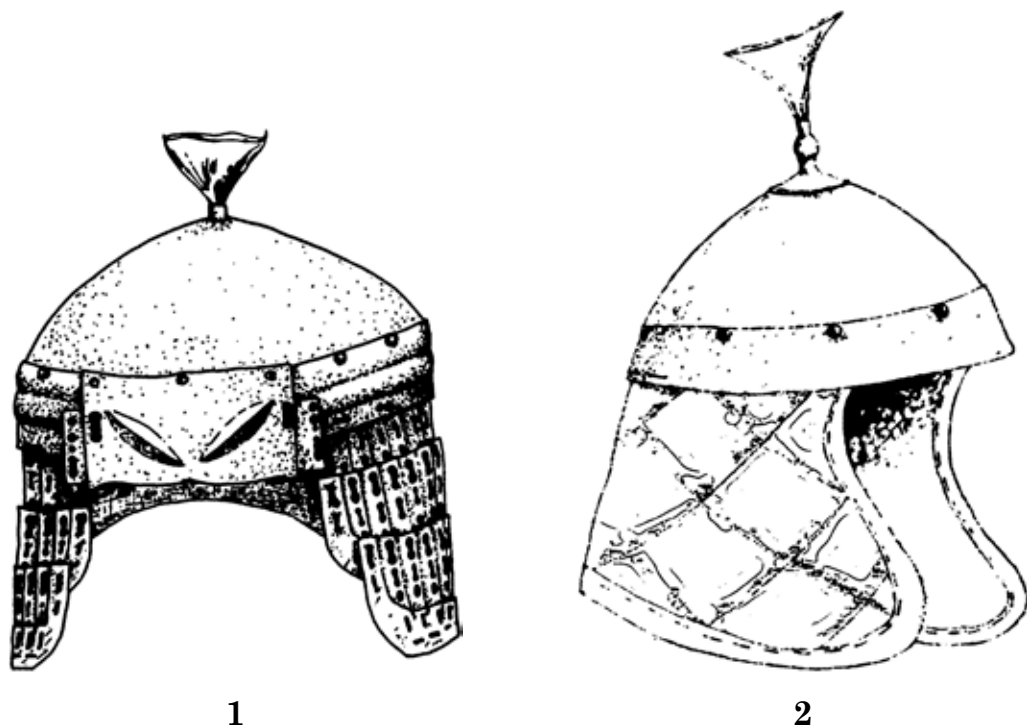

Рис. 5. Типы чжурчжэньских шлемов

тически полностью занимает тип II. Тип III был найден только один раз. Кроме того, тип I – это единственный тип, производство которого удалось археологически установить на территории горных городищ благодаря находкам заготовок, а также панцирной пластины с отчеканенной надписью из Красноярского городища (рис. 3).

Для определения традиций производства панцирных пластин был выстроен типологический ряд (рис. 2), где типы распределяются во временной прямой в соответствии со сходством и различием признаков в порядке их последовательного изменения. Был максимально рассмотрен доступный (опубликованный) материал с амурских и приморских земель, т.е. земель, где непосредственно проживали чжурчжэни, а также их соседи. Хронологических рамок в построении типологического ряда нами установлено не было. Их определили сами панцирные пластины. На данный момент, среди приморского материала самыми ранними панцирными пластинами являются пластины с памятника Синий Гай, который относится к бронзовому веку [1, с. 10]. Систематически, они начинают встречаться, начиная с польцевских памятников железного века [6, с. 48-49, рис. 39; 7, с. 65, таб. Л. XV:7].

Классификация панцирных пластин из чжурчжэньских горных городищ Приморья послужила определённой подосновой создания типологического ряда панцирных пластин.

Приведённые данные показали, что пластины типа I для горных городищ Приморья были основными. Тип имеет глубокие местные традиции производства от Амура и до юга Приморья. Начиная своё существование при мохе, в усовершенствованном виде он доходит до маньчжуров.

Что же касается двух других типов, то все данные говорят об их архаичности и малой распространённости для данного региона. На Даль-

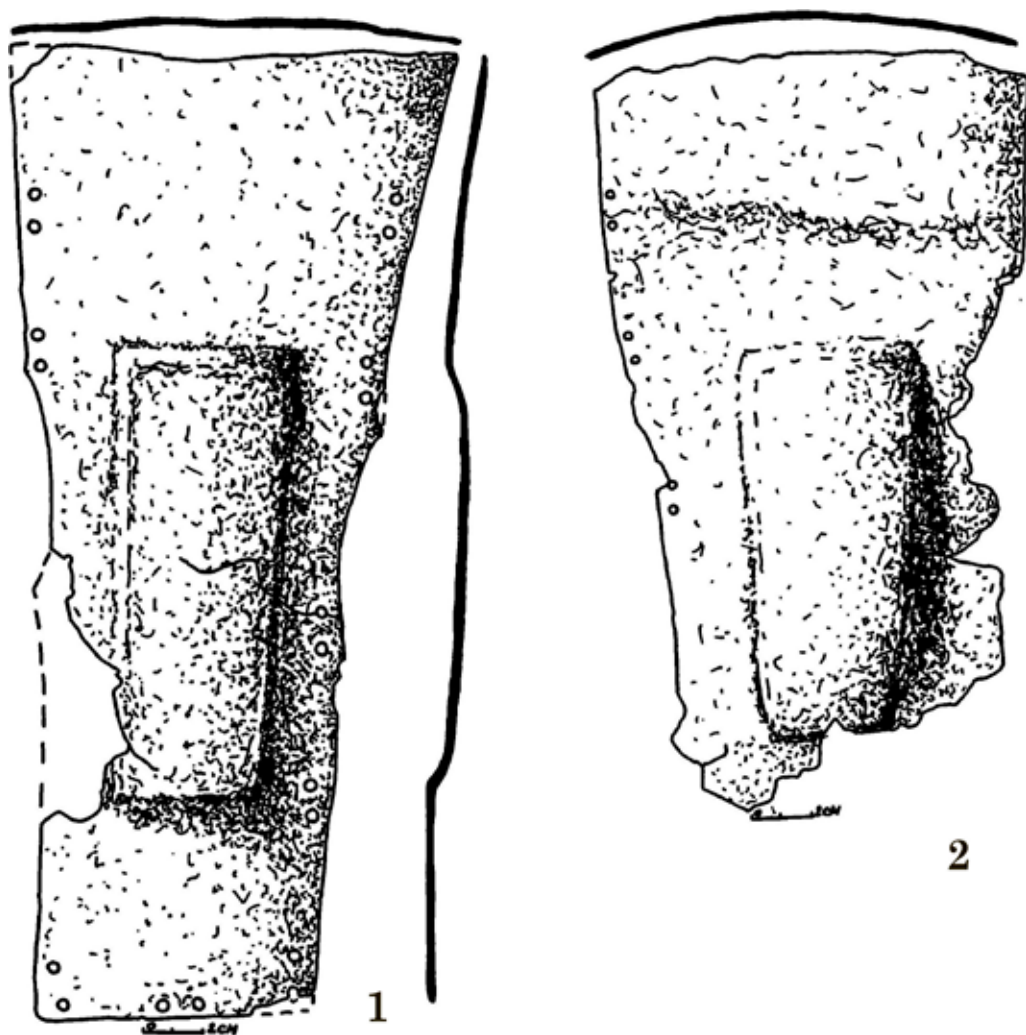

Рис. 6. Конские налобники из Красноярского городища

нем Востоке их история начинается с пальцевских памятников (I – IV вв. н.э.) и доходит до пика своего использования в мохэ-бохайский период (V – X вв. н.э.). Доспехи из пластин типа II и III являлись своеобразным импортом для этого региона.

Реконструкция комплекса защитного вооружения

Благодаря археологическим находкам с территории приморских городищ чжурчжэней периода государства Восточное Ся нам известно, что в арсенале воинов было четыре варианта металлических панцирей, которые использовали чжурчжэни: 1) нагрудник (рис. 4:2), 2) поясной панцирь (рис. 4:1), 3) кираса (пл. тип 1 (рис. 4:4), пл. тип 2 (рис. 4:3), 4) кавалерийский доспех с курткой, подолом и наплечниками (рис. 4:5). Своеобразным открытием стали U-образные подмышечники, которые первоначально считались металлическими обкладками лука седла. Ближайшие аналогии были найдены в Японии, где такие пластины называются *вакибики*. Интересно, что на прорисовках киданьских воинов

с картины «18 жалоб принцессы Цай Вэньчжи» иногда видны такие пластины, выглядывающие из-под панцирей воинов [5, с. 166, рис. 1].

Все известные чжурчжэньские панцири относятся к ламеллярному металлическому вооружению.

Органический панцирь восстановлен гипотетически, благодаря письменным и изобразительным источникам, а также некоторым аналогиям с территории Китая и Кореи, как, например, кожаный панцирь из музея Пуё (рис. 4:7).

Теперь нам известны металлические наручи из Шайгинского городища и некоторые элементы для дополнительной защиты панциря (рис. 4:6).

Известно, что чжурчжэни носили цельнокованные полусферические шлемы двух подтипов:

1) имел налобную пластину с бровями, выпуклый обод, к которому крепилась ламеллярная бармица из пластин типа 1, а также на верхушке шлема находилась трубка для плюмажа (рис. 5:1);

2) имел только расширяющийся спереди обод, на котором находились отверстия для крепления органической бармицы, несколько отверстий наверху шлема для крепления султана [2, с. 129-133] (рис. 5:2).

Известны некоторые элементы шлемов, найденные отдельно.

Чжурчжэньские маски были определены, как элемент специальной формы, который возможно использовался элитарным подразделением войска, например воинами, причастными к охране стен городища. Боевые качества масок были поставлены под вопрос (плохой обзор, слабый крепёж, слабая вентиляция при дыхании, практическая невозможность переговоров во время сражения).

Наконец найдены элементы защиты боевого коня (две наносные пластины) (рис. 6). Саму же реконструкцию защитного вооружения коня в диссертационном исследовании пришлось делать на основе выводов других исследователей [14].

Чжурчжэньские воины эпохи государства ВосточноеСя были снабжены современными для того времени доспехами. Комплекс защитного вооружения чжурчжэней был системой, которая имела свои устойчивые традиции и потребности, но при этом оставалась в русле развития средневекового военного дела государств Дальнего Востока. Совершенство данного комплекса позволило ему просуществовать даже после гибели Золотой империи.

Литература

1. Александров А.В., Арутюнов С.А., Бродянский Д.Л. Палеометалл северо-западной части Тихого океана. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1982. 104 с.
2. Артемьева Н.Г., Прокопец С.Д. Защитное вооружение чжурчжэньского воина // РА. М. 2012. № 1, С. 129-142.
3. Воробьёв М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь. М.: «Наука», 1975. 448 с.
4. Воробьёв М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в.-1234 г.). М.: Наука, 1983. 345 с.
5. Горелик М. В. Ранний монгольской доспех (IX – первая половина XVI вв.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск, 1987. С. 172-198.

6. Деревянко А.П. Приамурье (I тысячелетие до нашей эры). Новосибирск: Наука, 1976. 384 с.
7. Деревянко Е.И. Очерки военного дела племён Приамурья. Новосибирск: Наука, 1987. 225 с.
8. Е Лун-Ли. История государства киданей (циданьгочжи). М. 1979. 608 с.
9. История Железной империи. Новосибирск, 2007.
10. История Золотой империи. Новосибирск, 1998. 288 с.
11. Кычанов Е.И. Чжурчжэни в XI в. Материалы для этнографического исследования // Сибирский этнографический сборник. Древняя Сибирь. Новосибирск, 1966. Вып. 2. С. 79-96.
12. Ларичев В.Е. Наверхие памятника князю Золотой империи // Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь. Новосибирск: Наука, 1974. Вып. 4. С. 205-224.
13. Малявкин А.Г. Цзинь-ши. Глава 1-я. Перевод с китайского // Сборник научных работ пржевальцев. Харбин, 1942. С. 41-58.
14. Прокопец С.Д. К вопросу о защитном снаряжении боевого коня у чжурчжэней // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времён до начала XX века. Владивосток, 2010. Вып 1. С. 44-48.
15. Wittfogel K.A., Feng Chia-Sheng. History of Chinese Society: Liao (907 – 1125) (with Feng Chia-Sheng) // American Philosophical Society: Transactions. Philadelphia. 1949. V. 36. 750 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Aleksandrov A.V., Arutyunov S.A., Brodyanskij D.L. Paleometall severo-zapadnoj chasti Tikhogo okeana. Vladivostok: Izd-vo DVGU, 1982. 104 s.
2. Artem'eva N.G., Prokopets S.D. Zashhitnoe vooruzhenie chzhurchzhehn'skogo voina // RA. M. 2012. № 1, S. 129-142.
3. Vorob'yov M.V. CHzhurchzhehni i gosudarstvo TSzin'. M.: «Nauka», 1975. 448 s.
4. Vorob'yov M.V. Kul'tura chzhurchzhehnej i gosudarstva TSzin' (X v.-1234 g.). M.: Nauka, 1983. 345 s.
5. Gorelik M. V. Rannij mongol'skoj dospekh (IX – pervaya polovina XVI vv.) // Arkheologiya, ehtnografiya i antropologiya Mongolii. Novosibirsk, 1987. S. 172-198.
6. Derevyanko A.P. Priamur'e (I tysyacheletie do nashej ehry). Novosibirsk; Nauka, 1976. 384 s.
7. Derevyanko E.I. Ocherki voennogo dela plemyon Priamur'ya. Novosibirsk: Nauka, 1987. 225 s.
8. E Lun-Li. Istoriya gosudarstva kidanej (tsidan'gochzhi). M. 1979. 608 s.
9. Istoriya ZHeleznoj imperii. Novosibirsk, 2007.
10. Istoriya Zolotoj imperii. Novosibirsk, 1998. 288 s.
11. Kychanov E.I. CHzhurchzhehni v XI v. Materialy dlya ehtnograficheskogo issledovaniya // Sibirskij ehtnograficheskij sbornik. Drevnyaya Sibir'. Novosibirsk, 1966. Vyp. 2. S. 79-96.
12. Larichev V.E. Navershie pamyatnika knyazyu Zolotoj imperii // Bronzovyj i zheleznyj vek Sibiri. Drevnyaya Sibir'. Novosibirsk: Nauka, 1974. Vyp. 4. S. 205-224.
13. Malyavkin A.G. TSzin'-shi. Glava 1-ya. Pervod s kitajskogo // Sbornik nauchnykh rabot przheval'tsev. KHarbin, 1942. S. 41-58.
14. Prokopets S.D. K voprosu o zashhitnom snaryazhenii boevogo konya u chzhurchzhehnej // Voennoe delo v Aziatsko-Tikhookeanskom regione s drevnejshikh vremyon do nachala XX veka. Vladivostok, 2010. Vyp 1. S. 44-48.
15. Wittfogel K.A., Feng Chia-Sheng. History of Chinese Society: Liao (907 – 1125) (with Feng Chia-Sheng) // American Philosophical Society: Transactions. Philadelphia. 1949. V. 36. 750 p.

УДК 069:39(52)

*Латушко Ю.В.
Latushko Yu.V.***Минпаку – национальный музей этнологии Японии****Minpaku – national museum of ethnology, Japan**

В статье рассказывается о ведущем антропологическом учреждении Японии – Национальном музее этнологии (г. Осака). Рассматриваются история его создания, структура, выставки, фонды и основные направления исследований музея. Также анализируются особенности национальных антропологических школ и опыт взаимодействия российских и японских учёных в рамках совместных проектов.

Ключевые слова: *этнология, Япония, музей, коренные народы Дальнего Востока*

The article discusses the establishment of Japan's leading anthropological institute – National Museum of Ethnology (Osaka). Discusses the history of its creation, structure, exhibitions, foundations and major research areas of the museum. Also analyzes the characteristics of national anthropological schools and experience of cooperation between Russian and Japanese scientists in joint projects.

Key words: *Ethnology, Japan, the museum, the indigenous peoples of the Far East*

Свои лекции по истории социальной антропологии я обычно начинаю с рассказа о национальных школах, ибо нюансы становления этих школ крайне важны для понимания предмета этнологической науки. Условно можно выделить англо-саксонскую научную традицию, с подразделением на британскую и американскую, европейскую континентальную с подразделением на немецкую и французскую. Не всё однозначно с российской традицией, ибо становление и распад советского государства стали рубежами, превратившими поле отечественной этнологии в своеобразный салат из различных временных и предметных кусочков. Однако если брать точкой отсчёта советскую этнографию с её центрированием на стержневом понятии «этноса», то, как ни парадоксально, очень близкой ей окажется этнология Китая и отчасти Японии, где понятие «народа» также является центральным.

Одним из ведущих антропологических центров АТР является Национальный музей этнологии (Минпаку) в Осаке (*фото 1*). Данное учреждение хорошо знакомо специалистам-этнологам не только Японии, но и всего мира, и в этом году будет отмечать своё сорокалетие. В настоящем сообщении мне бы хотелось дать краткую информацию о данном учреждении и направлениях его работы.

Работа выполнена при поддержке грантов: JSPS “The Cultural Adaptation in Forest Areas of the Russian Far East”; ДВО РАН №14-III-B-11-232, а также гос. задания Министерства образования и науки РФ 6.8645.2013

ЛАТУШКО Юрий Викторович, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток) **E-mail:** latushko@mail.ru

Фото 1. Национальный музей этнологии Японии. Центральный вход (фото автора)

Национальный музей этнологии объединяет в себе функции музейного и научного учреждения и в этом смысле аналогичен российской Кунсткамере (МАЭ РАН им. Петра Великого). Однако Минпаку, основанный в 1974 году, является ещё и научно-исследовательским межвузовским центром. С апреля 2004 г. учреждение является членом гуманитарной секции сети научной-исследовательских институтов, которая в Японии тесно связана с университетами страны.

У Музея есть прекрасный девиз «На край земли! К глубинам знаний!», смысл которого понятен любому этнологу, ведущему как полевую, так и кабинетную работу. Хотя по сути две эти составляющие труда исследователя тесно связаны между собой. Музей провозглашает своей глобальной целью «постоянный поиск и изучение культур» по всему земному шару. Речь идёт в первую очередь об этнических культурах, хотя на базе Минпаку проходят и другие исследования, например, археологические.

Руководство Музея заявляет также о стремлении к постоянному поиску новых форм сбора и подачи материала, постоянному обновлению фондов и реализации проектов, соответствующих современному уровню развития науки. К слову сказать, помимо классических тем, всё большее внимание уделяется музеем вопросу изучения этнических культур в условиях глобализации. Данный тренд общемировой, характерен для большинства научно-исследовательских организаций в самых разных странах. Развитие средств связи и Интернета, транспорта, СМИ коренным образом изменили жизнь человечества не только в развитых странах, но и в странах догоняющего развития. Последние испытывают на себе огромную нагрузку, связанную с самым широким кругом проблем –

Фото 2. Микронезийская лодка с балансиrom. Зал Океании.
Национальный музей этнологии Японии (фото автора)

от экономики, экологии до психологии транзитных обществ. И если справедливо, что современные технологии сделали более удобной жизнь многих людей, то также справедливо и то, что доминирование современной цивилизации, покоящееся на стандартах массовой культуры потребления (почти исключительно городской культуры) кардинальным образом повлияли на функционирование традиционных культур. Кроме того, технологическое превосходство современного человека часто оказывается преувеличенным на фоне глобальных природных и техногенных катаклизмов. Понимание этого особенно остро переживается сегодня в японском обществе, после известных трагических событий на АЭС в Фукусиме. Это же заставляет обращать ряд исследователей взоры на опыт традиционной адаптации в системе «человек-природа».

Глобализация также ставит перед специалистами, в том числе этнологами, вопросы региональных и этнических конфликтов, межконфессиональных и межкультурных трений и напряжённости. Отсюда, всё большую актуальность приобретают исследования, направленные на лучшее понимание других культур, а посредством этого и своей собственной. По крайней мере, в Музее этнологии данный подход считается крайне важным.

Ещё одной функцией музея является просвещение. В этом смысле Минпаку – современный, с технической и организационной точек зрения, музей. Территория, на которой расположен музей, занимает свыше 40 тысяч кв. м. Общая площадь помещений четырёхэтажного здания превышает 51 тысячу кв. м. На первом и втором этажах расположена различная инфраструктура: хранилище, выставочные залы, зрительный зал (мультимедийный) на 462 человека, книжная лавка и др. Третий и

Фото 3. Фонды библиотеки (фото автора)

четвёртый этажи – место работы исследователей по самым различным направлениям, о которых речь пойдёт ниже [2, с. 6].

Но для начала коротко остановимся на страницах истории музея. Идея создания Музея в Осаке принадлежит известному японскому историку Восточной Азии Сиратори Куракичи и исследователю, финансисту Шибусава Кейзо, было это в 1935 г.

В связи с войной и послевоенными событиями проект оказался не до конца реализованным. Но уже в 1964 г. японское общество этнологии, антропологическое общество, археологическая ассоциация, фольклорное общество и ассоциации этнологии ходатайствовали перед министерством образования Японии о создании национального музея этнологии. Несколько лет заняла подготовка проекта, его технико-экономическое обоснование, разработка концепции музея. В результате, десятью годами позже был основан Национальный музей этнологии, в который тогда входили помимо административного отдела, отделы информации и документации, а также пять научно-исследовательских подразделений. В ноябре 1977 г. Музей открыл двери для посетителей.

Ещё одной вехой в жизни учреждения стала его частичная реорганизация в 2004 г. и образование на его базе межвузовского образовательного центра. С этого времени сложилась координируемая между собой структура высших научных гуманитарных учреждений, куда кроме Минпаку также входят Музей японской истории, Институт японской литературы, Институт японского языка и лингвистики, Международный центр японистики, Исследовательский институт человека и природы [2, с. 3].

Персонал Музея состоит из штатных сотрудников, приглашённых специалистов из других организаций, а также технических работников.

Всего по состоянию на апрель 2013 г. в музее работало 230 человек. Собственно административные должности (генеральный директор, отдел аудита, административный отдел, отдел информации и документации, архив Т. Умесао) составляли 20% от общей численности сотрудников. Профессорские позиции занимали 74 человека (32%), в том числе в исследовательских отделах 18 (8%). Бюджет учреждения в 2012-2013 гг. составлял около 950 млн рублей (2,744 млн. йен) в год. Годовые и шестилетние циклы отчётности связаны со среднесрочными шестилетними планами Министерства образования, культуры, спорта, науки Японии, которое взаимодействует с конкретными учреждениями не напрямую, а через упомянутую Организацию научных учреждений гуманитарного профиля (The National Institutes for the Humanities), которая в свою очередь является частью Межвузовской корпорации научно-исследовательских институтов Японии (The Inter-University Research Institute Corporations) [2, с. 5].

Рассмотрим ниже основные структурные подразделения Музея.

1. Отдел социальных исследований (социальной антропологии) включает в себя такие исследовательские направления как: этнодинамика (пространственное распределение этносов, этнические процессы, этнодемография и др.), экология человека, социальные системы (направление, наиболее близкое к социологии в нашем понимании, с учётом специфики музея, в первую очередь речь идёт об этносоциологии).

2. Отдел культурологии (культурной антропологии): когнитивные особенности этносов, включая народные знания и представления, структура культуры, этническое искусство и технологии.

3. Отдел перспективных исследований: теоретическая антропология, исследования глобальных процессов, социального окружения (социокультурного контекста), динамики культуры, прикладная антропология.

4. Центр методологии: кросс-культурные исследования.

5. Научно-исследовательский центр культурных ресурсов: прикладная антропология и образовательные программы.

6. Центр международного академического обмена.

С 2009 г. исследовательские проекты Музея фокусируются вокруг двух стратегических направлений: антропология интеграции и автономии; и антропология материальности. В рамках данных направлений

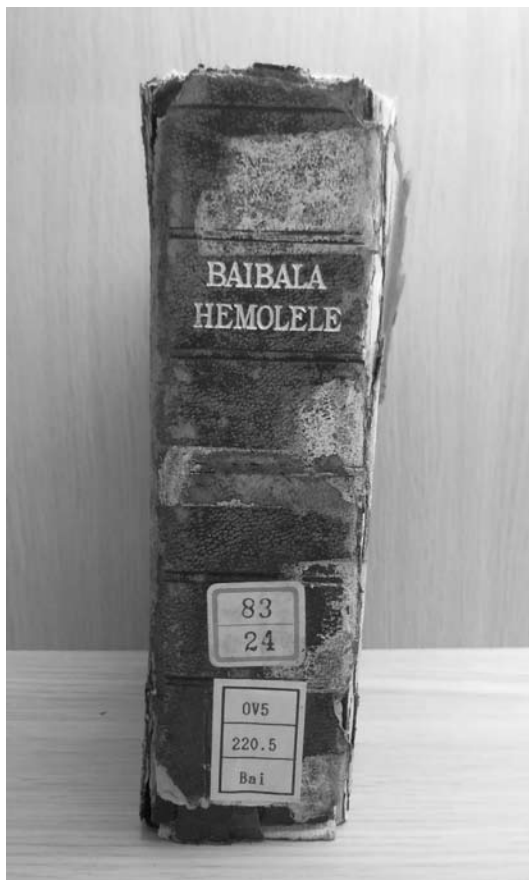

Фото 4. Baibala Hemolele. Одно из первых изданий Библии на гавайском языке (1816) (фото автора)

Фото 5. Члены экспедиции к хэчжэ КНР (сентябрь 2012). Слева направо: А.П. Самар, Сасаки Широ, Сато Хироюки, Ю.В. Латушко (фото С.В. Березницкого)

предпринимаются попытки поиска нового антропологического знания в системах «человек-человек», «человек-материальный мир». За ними не трудно разглядеть контуры всё тех же двух основных течений в антропологии, сформировавшихся в ходе становления науки ещё в 19 веке – культура и общество. С этими понятиями связана невообразимая путаница. Предельно упрощая проблему, выделяют так называемую британскую школу социальной антропологии и американскую культурную антропологию. В своё время сэр Джеймс Фрезер называл антропологию «социологией примитивного общества», по другую сторону Атлантики полагали, что антропология – это прежде всего культурология. Здесь каждый вспомнит историческую школу Франца Боаса, чьим достижением было выделение локальных культур, и последующее развитие из неё такого направления как «культура-и-личность» (психологическая антропология). Однако граница, проведённая по национальным школам, весьма условна. Известно, что работы британца Э.Б. Тэйлора больше отвечали определению культурной антропологии, а американец Л.Г. Морган первым очертил круг вопросов по устройству первобытного (архаического) общества, находящегося в фокусе внимания социальной антропологии и сегодня. Тем не менее, осознанно или нет, данное членение живо и по сей день. Отсюда известное деление, имеющее место, как в российской, так и в японской этнографии/этнологии/антропологии на исследователей материальной культуры и на специалистов по социальной организации традиционных обществ.

Тематика и география отдельных проектов Музея крайне обширна – от Африки и Океании до Дальнего Востока (включая Россию). Данный тезис хорошо подтверждается экспозициями Музея, которые выстроены

Фото 6. Опрос хэчжэ КНР. Пос. Цзецзинькоу, пров. Хэйлунцзян
(фото С.В. Березницкого)

по географическому принципу, и дополнены проблемно-тематическими сюжетами.

Зал Океании (площадь экспозиции 660 кв. м) представлен коллекциями из различных частей «мира тысячи островов» (фото 2). Издревле океанийцы славились искусством мореплавания и навигации, умением выживать в сложнейших условиях Тихого океана. В те времена, когда викинги только начинали свои смелые походы вдоль побережья Европы, или даже к берегам Северной Америки, полинезийцы уже освоили океанические переходы на куда большие расстояния в сотни морских миль, заселив обширные пространства вплоть до Гавайских островов и о. Пасхи. Разделы выставки также подчинены идее освоения островов: заселение Океании, жизнь у моря, жизнь на островах, контакты с внешним миром, специфика самобытности коренных народов Океании. Посетители могут увидеть те простые и одновременно оригинальные вещи, которые позволяли выживать в данных условиях – лодки, вёсла, орудия лова, элементы жилища, утварь, оружие и многое другое. Важной чертой выставки является её интерактивность. На одном из компьютерных стендов можно познакомиться с родством австронезийских языков. Для этого достаточно выбрать слово и нажать на сенсорный экран карты, где на маорийском, гавайском, тонганском или фиджийском языках вы услышите спикеров-носителей своих языков. На другом – вы можете совершить интерактивный переход между островами, где по ходу плавания вам объяснят как управлять лодкой с балансиром, правильно выбрать маршрут, определить по расположению звёзд, направлению морских течений и полёту птиц направление и расстояние до острова и всё это, разумеется, на основе народных знаний океанийцев.

Зал Америки (320 кв.м) даёт представление о жизни людей на просторах Северной и Южной Америки – от полярных территорий до тропических и экваториальных лесов. Аборигенное население разработало различные адаптационные стратегии к природному окружению, а такие народы как майя, ацтеки, инки смогли создать государства или даже империи. Драматической страницей истории стало завоевание Месоамерики испанцами, и дальнейшие контакты американцев с европейцами. Со временем из этих составляющих образовалось то своеобразное латиноамериканское общество, которое известно нам сегодня. Изюминкой выставки является поиск отголосков и пересечения традиций через мир повседневности – одежду, диету, обряды, ремёсла – современных жителей обеих Америк.

Главная идея экспозиции зала Европы (250 кв. м) посвящена народной культуре региона, который с 16 по 20 век был центром христианства и современных политических институтов, технологий и знаний, распространившихся по всему миру. Сегодня ситуация изменилась и иммигранты (в первую очередь из бывших европейских колоний) заявляют о себе как о части европейского общества, что ставит новые вызовы перед «старой Европой». Рубрики выставки: сельское хозяйство и годовой цикл, религия и верования, быт индустриальной Европы, Европа в эпоху трансформаций.

Зал Африки (500 кв. м) тематически распадается на несколько частей: история археологических находок на континенте, отдых, труд, украшения, верования, современная Африка. Регион рассматривается как колыбель человечества со сложной этнической историей. Значительное число экспонатов посвящено традиционной одежде, украшениям, орнаменту и т. п.

Наибольший удельный вес принадлежит азиатским коллекциям. Азия представлена несколькими залами: Западная Азия – преимущественно арабская культура (310 кв.м), Южная Азия – культуры Индостана (600 кв.м), Юго-Восточная Азия (730 кв.м), Центральная и Северная Азия – от Уральских гор и Каспия до Сибири и Монголии (710 кв.м), Восточная Азия с подразделением на культуру Кореи (330 кв.м), Китая (660 кв.м), Японии (1260 кв.м) и айнов (270 кв.м). Выставки дают представления практически о всех сторонах жизни человека – от материальной до духовной культуры.

Кроме того, в музее действуют отдельные выставки. Например, в 2013 г. в Минпаку работа выставка мадагаскарской культуры. Есть в музее и отдельные тематические залы, как то зал посвящённый музыкальной культуре мира (550 кв.м) или зал языков мира (170 кв.м). Мы уже упоминали об интерактивности выставок. В зале музыки можно посмотреть, например, записи различных барабанных ритмов или даже самому сыграть на каком-нибудь экзотическом с нашей точки зрения инструменте [2, с. 34-39].

Библиотека и её фонды содержат большое число редких и ценных для специалистов-этнологов изданий (фото 3). По состоянию на 2012 г. каталогизировано 649785 томов этнологической литературы на 24 языках мира. Есть и уникальные издания. Например, я как специалист по островным обществам Тихого океана был приятно удивлён, обнаружив в хранилище библиотеки одно из первых изданий Библии на гавайском языке. Издание интересно тем, что оно было напечатано в Новой Англии в 1816 г. ещё до основания протестантской миссии на островах зимой 1820 г. (фото 4)

В зале периодики можно обнаружить как ведущие научные журналы по антропологии, истории, краеведению, археологии из разных стран

мира, включая Россию, так и менее известные. С недавнего времени в Музее есть и наш журнал «Ойкумена».

Среди последних по времени проектов Музея с российской стороны можно назвать совместную работу в рамках проекта «Культурная адаптация в лесной зоне Российского Дальнего Востока» (руководитель профессор Сакаки Широ). В сентябре 2012 г. группе российских исследователей из Владивостока (ИИАЭ ДВО РАН) и Петербурга (МАЭ РАН) при поддержке японских коллег из Осаки и Токио удалось принять участие в экспедиции к хэчжэ провинции Хэйлунцзян (КНР) (фото 5). Пройдя свыше 2000 км по местам компактного проживания хэчжэ в районе рек Амур, Сунгари и Уссури, был собран большой фактический материал, в том числе проведено социологическое исследование в гг. Харбин, Цзямусы, шп. Цзецинью, Бача, Сяобеллахун, Аоци, Сыпай (фото 6). Данное исследование было направлено на оценку современного положения хэчжэ (нанайцев) КНР с целью сравнения с аналогичной ситуацией в России. Выводы опубликованы и изложены на этнологических симпозиумах и конгрессах в России и Японии [1, с. 51]. Основным отличием хэчжэ КНР от КМН Дальнего Востока России явился гораздо более высокий уровень удовлетворённости жизнью. Данный тезис, конечно, нуждается в дальнейшей проверке и уточнении. Причины этого могут иметь разную природу. В качестве возможной гипотезы мы полагаем индуцирование общероссийских кризисных тенденций. В последнее время при расчёте реального благосостояния стран стал популярным (достаточно спорный среди специалистов) «индекс счастья». Для расчёта индекса используют три показателя: субъективная удовлетворённость жизнью, ожидаемая продолжительность жизни и так называемый «экологический след» (мера потребления ресурсов и услуг биосферы на душу населения). Согласно данным NEF (New Economic Foundation) в 2012 г. индекс счастья для Китая равнялся 44,7 (60-е место в мире из 151 государства, принято в расчёт индекса), тогда как для России – 34,5 (122 место) [3].

Таким образом, Минпаку является уникальным учреждением, проводящим большую исследовательскую работу по всему земному шару. Значительное внимание уделяется работниками музея сохранению мирового этнического наследия в спектре от материальной культуры до духовной. Кроме того, на базе музея действует межвузовский образовательный центр подготовки специалистов-этнологов. У музея обширные международные связи с учреждениями аналогичного профиля из Китая, Кореи, США, Европы, России и др. стран. Многие музейные выставки интерактивны, нацелены на просвещение самых широких слоёв общества. Действует своего рода социальный контракт, когда музей берёт на себя роль методического сопровождения и организатора большого числа социально значимых мероприятий, например, для детей, стариков.

Литература

1. Латушко Ю.В., Ставров И.В. Два берега одной реки: опыт сравнительного изучения «традиционализма» в «посттрадиционных» социумах малочисленных народов России и Китая // X Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Москва, 2-5 июля 2013 г. / редкол.: М.Ю. Мартынова и др. М.: ИЭА РАН, 2013. 598 с.

2. National museum of Ethnology, Japan: Survey and Guide 2013-14 [Электронный ресурс]. URL: http://www.minpaku.ac.jp/sites/default/files/english/aboutus/youran/pdf/youran2013_en_all.pdf. (дата обращения 20.01.2014).

3. The Happy Planet Index: 2012 Report [Электронный ресурс]. URL: <http://www.happyplanetindex.org/assets/happy-planet-index-report.pdf>. (дата обращения 09.02.2013).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Latushko YU.V., Stavrov I.V. Dva berega odnoj reki: opyt sravnitel'nogo izucheniya «traditsionalizma» v «posttraditsionnykh» sotsiumakh malochislennykh narodov Rossii i Kitaya // X Kongress etnografov i antropologov Rossii: Tezisy dokladov. Moskva, 2-5 iyulya 2013 g. / redkol.: M.YU. Martynova i dr. M.: IEHA RAN, 2013. 598 s.

2. National museum of Ethnology, Japan: Survey and Guide 2013-14 [Электронный ресурс]. URL: http://www.minpaku.ac.jp/sites/default/files/english/aboutus/youran/pdf/youran2013_en_all.pdf. (дата обращения 20.01.2014).

3. The Happy Planet Index: 2012 Report [Электронный ресурс]. URL: <http://www.happyplanetindex.org/assets/happy-planet-index-report.pdf>. (дата обращения 09.02.2013).

УДК 06

Лю Сяньчжун
*Liu Xianzhong***Плюсы и минусы политики «коренизации»
СССР в 1920-е годы****An analysis of the pros and cons of the localization policy
of the Soviet Union in the 1920's**

В 20-е годы XX в. в СССР главной линией национальной политики стала политика «коренизации». Данная политика была направлена на содействие развитию культур бывших угнетённых народов, она должна была показать, что партия уважает традиции и права представителей этнических групп, входящих в состав Союза, а также укрепить большевистскую власть на местах. Однако эта политика вызвала появление децентрализаторских тенденций, усиление местного национализма, дискриминации «неместного» населения (в том числе и русских) на территориях республик.

Ключевые слова: СССР, национальная политика, «коренизация»

In the 1920's, the Soviet regime implemented a localization policy in the ethnic regions in order to win support from them. The localization policy promoted the development of culture and education of the minorities, made the minorities feel that they were highly regarded by the Soviet regime, boosted their trust in the authorities and consolidated the position of the regime in the ethnic regions. But the localization policy also lead to a local nationalism and jeopardized or ignored the interests of the none-natives in the ethnic regions.

Key words: Soviet Union, ethnic policy, localization

Предисловие переводчика

Предлагаемая российскому читателю статья китайского учёного, ведущего научного сотрудника Института России, Восточной Европы и Центральной Азии (г. Пекин) Лю Сяньчжуна посвящена довольно редкой теме – анализу политики «коренизации», проводившейся в СССР в 20-е годы XX в. Интерес этот, однако, вызван тем, что строительство государственного аппарата КНР, концептуальные основы внутренней политики, в т.ч. и национальной, были заимствованы у «старшего брата». Несмотря на то, что автор анализирует политику 20-х годов (Лю Сяньчжун – специалист по советской истории этого периода, и на русском языке уже выходила одна его работа [10]), его интересуют вопросы куда менее отдалённые, а именно причины распада СССР. В Китае вышло немало исследований этой проблемы, некоторые из

Публикация подготовлена при поддержке гранта ОИФН РАН, проект № 12-И-ОИФН-01

Перевод выполнен с небольшими сокращениями по изданию: Лю Сяньчжун. Эршишици-эршиньяндай Сулянь «бэньтухуа» чжэнцэ дэ либифэньси // Элосысюэкань. 2013. № 1. С. 79-84. Переводчик: Ставров Иван Валерьевич.

ЛЮ СЯНЬЧЖУН, ведущий научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии. (г. Пекин, КНР).

них переведены на русский язык [16, 18]. Китайские учёные одной из важнейших причин, вызвавших распад СССР, видят протворечия в национальной сфере, ввиду того, что наша страна, как, впрочем, и ЧССР, СФРЮ были федерациями. Предваряя выводы Лю Сяньжуня, отмечу, что он в целом негативно оценивает советский опыт политики «коренизации» (или «национализации», в литературе встречается оба этих термина). Однако хотел бы обратить внимание читателя, что в КНР реализована в сущности та же политика, и унитарный характер государственного устройства не стал тому помехой. В национальных районах, согласно Конституции и Закону о районной национальной автономии, руководителем местного правительства должен быть представитель национальности, осуществляющей автономию, и доля национальных кадров в них не должна быть ниже 30%. По аналогии с СССР там также возникла проблема «новых меньшинств» [8, 12]. Тем не менее, советский опыт не стал менее поучительным и его актуальность возрастает в связи с ростом этнического сепаратизма в Синьцзяне, Тибете и некоторых других территориях [15], а также в целом китайского национализма. Думаю, у отечественного читателя китайская интерпретация советских реалий вызовет немалый интерес.

И.В. Ставров

Политика «коренизации» проводилась в 1920-е годы Советской властью в национальных районах посредством замещения национальными языками русского, инкорпорирования аборигенов в политику местных властей. Её целью стало исправление проводимой царской Россией политики насильственной русификации, усиление доверия этнических меньшинств к Советской власти, через поощрение местных жителей к активному участию в управлении. Основы концепции коренизации проводились Сталиным на XII съезде РКП(б), на котором он предложил: «принять все меры к тому, чтобы Советская власть в республиках стала понятной и родной, чтобы Советская власть была у нас не только русской, но и междунациональной. Для этого необходимо, чтобы не только школы, но и все учреждения, все органы, как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс, чтобы они функционировали в условиях, соответствующих быту данного народа. Только при этом условии мы получим возможность Советскую власть из русской сделать междунациональной, близкой, понятной и родной для трудящихся масс всех республик, и особенно для тех, которые отстали в хозяйственном и культурном отношении» [3, с. 492]. В резолюции XII съезда чётко записано: «[съезд рекомендует членам партии в качестве практических мер добиться того, чтобы:] д) органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов; е) были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обеспечивающих местное национальное население и национальные меньшинства, – законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав и в особенности прав национальных меньшинств» [3, с. 695-696]. Таким образом, XII съезд РКП(б) официально провозгласил политику «коренизации» в качестве основного курса в разрешении национального вопроса партией большевиков.

1. Положительные результаты политики «коренизации»

По окончании XII съезда, РКП(б) начала реализацию политики «коренизации». В то время партия большевиков внедряла эту политику в двух основных направлениях.

С одной стороны, она проводила «коренизацию» партийного и государственного аппарата. До Октября царское правительство посредством внедрения русских в систему управления национальными районами осуществляла политику принудительной русификации. После взятия власти партией большевиков, национальности, проживающие на своей территории, стали активно вовлекаться в партийные и административные структуры, повысив долю представителей местных народов в органах управления каждой национальной республики. С начала реализации политики «коренизации» в 20-е годы XX в. доля национальных меньшинств в рядах коммунистической партии, партийных и государственных органах очевидно поднялась. С 1922 по 1927 гг. доля русских членов РКП(б) сократилась с 72 до 65% [5, с. 275]. Так, на Украине к концу 1920 г. доля украинцев в общей численности населения составляла 80%. В апреле 1922 г. численность украинцев в РКП(б) составила 23,3%, русских и евреев 53,6 и 13,6% соответственно [9, с. 371]. В то время доля украинцев в правительственном аппарате не превышала 35% [14]. С 1922 по 1932 гг. доля коренного населения в партийных организациях Украины и Белоруссии возросла с 24 и 21 % до 59 и 60% соответственно. В республиках Средней Азии доля коренного населения уже составляла половину в 1932 г. [5, с. 275]. В 1924 г. доля украинцев в ЦК компартии Украины и органах власти провинциальной ступени составило 39,9%; в ЗСФСР¹ численность представителей данной территории в центральном партийном и провинциальном аппарате составило 54,3%, среди них доля грузин свыше 29%, армян 22,5%, других тюркоговорящих народов (главным образом азербайджанцев) составила 1,5%; в различных органах власти Туркменистана численность коренного населения составила 10%, Казахстана – 8,5%. В 1925 г. партийные и государственные структуры Белоруссии включали 42,6% белорусов, ЦИК Башкирии состоял из 50,5% башкир, а ЦИК Якутии – из 16 % якутов. Накануне 1930 г. соотношение коренных кадров в каждой национальной республике было нижеследующим: в Белоруссии – 59,4%, Украине – 36,2 %, ЗСФСР – 29,94%², Казахстане – 12,7 %, Татарстане – 33,8%, Азербайджане – 36,79%, Армении – 93,53%, Грузии – 74,6% [17]³. Но необходимо подчеркнуть, что, несмотря на реализацию политики «коренизации» в Средней Азии, недостаток хорошо образованных кадров привёл к тому, что местные народы по-прежнему оставались в меньшинстве, а русские преобладали, и такое положение вещей серьёзно не менялось.

С другой стороны – РКП(б) строила большое число национальных школ⁴, расширяла использование национальных языков. В царской России правительство проводило политику насильственной русификации, на этнические меньшинства накладывались значительные ограничения

¹ Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика – существовавшее с 1922 по 1937 гг. федеративное объединение Армянской ССР, Азербайджанской ССР и Грузинской ССР. – *Здесь и далее, если не указано иначе, прим. пер.*

² Вероятно, имеется ввиду аппарат ЗСФСР, в то время как доля коренных национальностей в органах власти Армении, Азербайджане и Грузии составляла иные значения.

³ В изданном на Украине учебнике сообщается, что с 1923 по 1927 гг. доля украинцев госаппарате республики возросла с 35 до 54%. См.: [9, с. 374], – *прим. авт.*

⁴ Здесь и далее под национальными школами имеются ввиду учебные заведения, в которых преподавание ведётся на родном языке (民族语学校 миньцзуйсюсяо).

на использование национальных языков, культуры и образования. Что касается Украины, то в 1906 г. министерство народного просвещения России согласилось сделать украинский язык вспомогательным средством «разъяснения ученикам неясного содержания», но в следующем году это решение было отменено. В 1908 г. правительство отказалось принять инициированный некоторыми депутатами Думы законопроект об использовании украинского языка при обучении в начальной школе. В 1911 г. Совет министров подчеркнул, что в связи с тем, что малороссы (ранее именовавшиеся украинцами) и белорусы не могут быть причислены к иноплеменникам, они должны «использовать в обучении русский язык». Министерство внутренних дел в феврале 1914 г. выступало против чествования 100-летия со дня рождения знаменитого украинского поэта Т.Г. Шевченко. Ограничения в области просвещения евреев были ещё более строгими. В августе 1908 г. Совет министров строго определил долю евреев, поступающих в высшие учебные заведения: в административных центрах губерний – 3%, в городах вне зон оседлости – 5 %, в зонах оседлости – 10% [4].

На начальном этапе Советская власть не только отменила ограничения предшествовавшей эпохи в области развития языков и культуры национальных меньшинств, но и повсеместно учреждала национальные школы, распространяла национальные языки, позволяла учащимся обучаться на родном языке, таким образом удовлетворяла требования тех народов, которым в течение многих борьбы не удавалось достичь результата. В начальных школах РСФСР в 20-е годы XX в. преподавание велось на 68 языках [1, с. 41-42]. Народный комиссариат РСФСР по национальным делам даже разрешил местным властям Татарстана открывать религиозные школы, а также в советских училищах в свободное от уроков время по просьбе родителей преподавать религиозные догматы специальными учителями за отдельное вознаграждение [1, с. 47]. К 1927 г. 90% белорусских, 94 % киргизских и почти 96 % татарских учеников на территориях своих республик использовали родной язык при обучении в начальной школе [5, с. 276]. В 1923 г. в СССР насчитывалось 411 польских школ, в которых работало 685 преподавателей и обучалось 16086 учеников. В августе 1924 г. белорусскими и украинскими католиками был поставлен вопрос о польскоязычных учебных заведениях. 17 сентября 1925 г. Политбюро ЦК ВКП(б) по докладу комиссии по пограничье предложило «увеличить сеть национальных школ» [6, с. 121].

Помимо учреждения большого числа национальных школ и популяризации языков этнических меньшинств, Советское правительство требовало вести официальный документооборот и издавать учебную литературу на национальных языках. Например, в ЗСФСР в 1925 г. большинство официальных документов центральных ведомств составлялось на местных языках; ЦИК Белоруссии также вёл документацию на белорусском языке; аналогичная практика сложилась на Украине. Если в 1922 г. на Украине лишь 20% документов составлялось на украинском языке, то в 1927 г. их доля возросла до 70% [9, с. 374]. Несмотря на то, что украинские промышленные районы переходили на использование украинского языка, этот процесс проходил сравнительно медленно. Но, в конце концов, он стал господствующим в официальном документообороте и просвещении. В 1929 г. в Украинской ССР 80 % начальных и средних школ, свыше 60 % профессионально-технических училищ и 30 % вузов вели преподавание на украинском языке. Расширилось издание литературы: на нём стало выходить свыше половины книг, газет и журналов. К 1930 г. соотношение украинских и русских школ составило 10:1, 2/3 ПТУ и 1/3 вузов вело преподавание на украинском языке [14].

В этот период правительство СССР провело большую работу по созданию письменности для не имеющих её народов, в 20-е–30-е годы 46 таких этносов получили свой алфавит.

Эти меры имели целью не только развитие национальных языков и культуры, но и стали важной основой распространения коммунистической идеологии. Политика коренизации сделала так, что каждый народ почувствовал уважение к Советской власти, усилила их доверие к администрации и укрепила новую власть в районах проживания национальных меньшинств. Национальной политике партии большевиков в этот период дали высокую оценку некоторые западные учёные, а также советские диссиденты. Один немецкий историк назвал «золотым веком» советскую национальную политику 20-х годов [5, с. 274].

2. Негативные стороны политики «коренизации».

С помощью политики «коренизации» партия большевиков после Октябрьской революции не урегулировала национальный вопрос раз и навсегда, наоборот реализация этого курса также привнесла некоторые новые проблемы.

Во-первых, претворение политики «коренизации» привело к тому, что были проигнорированы интересы некоренных национальностей (включая и русских). Г.К. Орджоникидзе в 1923 г. на XII съезде РКП(б) высказал мнение относительно того, что в республиках оставляют без внимания нетитульные народы: материалы 1923 г. свидетельствуют, что в Совнаркоме Грузинской ССР не имелось ни одного народного комиссара из русских или армян, такая же ситуация была и в ЦК компартии республики. В Тифлисском совете 2-го созыва (в 1936 г. Тифлис был переименован в Тбилиси) доля грузин составляла 43 % (несмотря на то, что их численность в столице Грузии едва достигла 25%), армян – 17% (свыше 1/3 жителей города) [17, с. 134]. В некоторых национальных районах русские стали новыми «национальными меньшинствами», что пошло им во вред. В августе 1923 г. ЦИК СССР по получении аналитического доклада сразу распорядился: «во многих образованиях Союза ССР интересы русского населения терпят ущерб в пользу коренного населения...» [17, с. 131]. В Горской АССР¹ представители русских жителей обратились с воззванием: «Жизнь русского населения стала ... невыносимой и ведёт к поголовному разорению и выживанию из пределов Горской республики... Полное разорение экономике края несут постоянные и ежедневные грабежи и насилия над русскими...» [17, 131-132]. Некоторые русские, проживавшие в Калмыкии, выдвигали такие требования: «Нам нужно предоставить право наравне с калмыками» [17, с. 132]. Игнорирование интересов русских проявлялось за пределами Российской Федерации в союзных республиках, имеющих свою партийную организацию. На XIV съезде РКП(б) в декабре 1925 г.² партия была переименована в ВКП(б), что стало следствием дискуссии о создании русской коммунистической партии³. Тогда Г.К. Орджоникидзе внёс предложение о формировании русской парторганизации. Это предложение было поддержано М.И. Калининым. К.Е. Ворошилов также считал, что при переименовании партии соответственно названию государства «логически необходимо организовать русскую Коммунистическую партию

¹ Горская АССР (20 января 1921 г. – 7 ноября 1924 г.) – автономная республика в составе РСФСР с центром в г. Владикавказ.

² В цитируемой ниже работе А.И. Вдовина речь идёт о декабрьском Пленуме ЦК 1925 г.

³ По аналогии с КП Украины и других республик СССР.

потому, что в составе СССР имеется РСФСР». Но Сталин возражал на это требование, полагая, что создание особой русской коммунистической партии представляется «величайшей опасностью, ибо могло бы привести к федералистскому раздроблению партии» [2, с. 26].

Во-вторых, политика «коренизации» привела к росту националистических настроений, и ЦК во время корректировки этого курса прибегал к ненормальным методам, в некоторой степени ставшими предлогом для этнических чисток. Например, в начале 1928 г. в Армении была раскрыта так называемая группа «специфистов» («独特性主张者»), которую обвинили в придании слишком большого значения исключительности народов республики. Председатели исполкомов Узбекистана и Туркестана У. Ходжаев и Хыдыралиев были обвинены в «правонационалистическом уклоне», укрывании баев (крупных владельцев пастбищ и помещиков у народов Средней Азии и Синьцзяна). Как бывшие чиновники царского правительства, они проводили националистическую линию до тех пор, пока не были присланы представители Центра для противодействия им. В 1926 г. в Казахстане острой критике были подвергнуты республиканские чиновники С. Садвокасов, С. Хаджанов и Ж. Мунбаев за поддержку «националистического уклона» и группы эксплуататорских элементов аулов (деревня на Кавказе и Средней Азии), мешающих промышленному развитию и предпринимающих энергичные действия по раздлению республики. В 1926 г. известный деятель Т. Раскулов был обвинён в националистических проступках. Выдающейся представитель большевиков Татарстана М.-Х. Султан-Галиев в 1923 г. был исключён из партии, а потом началось длительное расследование дела «Султан-Галиевской группировки» (он был расстрелян в 1940 г.). В условиях отсутствия достоверных данных, репрессии в отношении националистов осуществлялись таким образом, что все народы понесли урон [13, с. 200].

В-третьих, политика «коренизации» преимущественно отменила проводимую вопреки желаниям нетитульных народов политику насильственной русификации, проводимую в царской России. Однако процесс её внедрения в некоторых регионах также продемонстрировал пренебрежение реальной обстановкой и даже шёл в разрез с чаяниями национальных меньшинств посредством административных предписаний принудительного характера. Так на выборах в Белорусской ССР жители примыкающих к РСФСР деревень выступили «против белорусификации школы». Некоторые еврейские деревни Смоленской области в 1927 г. выступали за то, чтобы официальные документы переводились на еврейский язык, однако полагали, что сейчас это невозможно сделать. На Украине тогдашний первый секретарь ЦК КП(б)У Эммануил Квиринг накануне 1 января 1925 г. издал постановление о завершении украинизации государственного аппарата и предприятий, в результате в апреле 1925 г. его заменили Л.М. Кагановичем. Назначенный на пост народного комиссара просвещения СНК Украины А.Я. Шумский с горячностью начал проводить решение ЦК ВКП(б) и правительства на всестороннюю украинизацию. Численность учеников-украинцев в Одессе не достигала и 1/3, однако все школы также были подвергнуты украинизации. Эта политика не получила поддержки среди широких народных масс, однако не только в школах и научных организациях, но и в других органах и в повседневной жизни украинский язык вводился с помощью принуждения и «стахановскими» темпами. В течение нескольких лет в Киеве перестали выходить издания на русском языке, к тому же некоторые пожилые служащие, которые плохо понимали по-украински, жестоко и беспощадно замещались лицами, свободно владеющими языком титульной нации. Основные должности стали занимать украинцы, а в некоторых организациях и все посты. В то время служащие каждого предприятия и

организации, вплоть до последней уборщицы и сантехника подверглись украинизации. Людей, не выдержавших экзамен по украинскому языку, увольняли без права получения пособия по безработице [14].

3. Заключение

Советская политика «коренизации», проводимая в 20-е годы XX в., была направлена на исправление царского курса на русификацию, однако она не обошлась без перегибов и имела негативные последствия, вплоть до того, что через 70 лет привела к распаду СССР. После распада Советского Союза бывший президент Украины написал: «Л. Каганович не знал украинского языка, но ударными темпами освоил его, что послужило примером подчинённым. Он принял в партию большое число украинцев, поднял долю титульного народа в ней, вскоре большинство книг, журналов и газет стали выходить на украинском языке. Некоторые известные деятели науки и культуры, писатели, доверившись коммунистам, возвратились на Украину. Украинский язык стал вводиться в Красной армии и школах командного состава. Вплоть до 1927 г. ПТУ и вузы переходили на преподавание только на украинском языке. В 1930 г. доля школ, использующих родной язык достигла 85 %. Не говоря о ситуации 20-х годов XX в., следует признать, что если бы в то время не осуществляли политику «украинизации» в школах, возможно сегодня мы бы не имели независимости. Массовость украинской школы воспитала множество украинцев...» [7, с. 19; см.: 11, с. 100]. Как показала практика, советский опыт национальной политики не успешен, он отнюдь не нашёл способ, каким образом укрепить и развить многонациональное государство, гарантировать гармоничное сосуществование народов, их совместное процветание. Изучая советскую практику политики «коренизации», мы можем заключить: в национальной политике нельзя впадать в крайности, слепо верить в административную мощь, следует уважать собственный выбор народов; в едином государстве недопустимо опираться на отдельный народ и устанавливать для его представителей особый социальный статус, очень важно воспитывать гражданское равенство и сознательность. Опыт Советского Союза заслуживает изучения и обобщения.

Литература

1. Бурмистрова Т.Ю. Зёрна и плевелы: национальная политика в СССР (1917 – 1984). СПб.: б.и., 1993. 160 с.
2. Вдовин А.И. Национальная политика 30-х годов (об исторических корнях кризиса межнациональных отношений в СССР) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1992. № 4. С. 17-39.
3. Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчёт. М.: Политиздат, 1968. 903 с.
4. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. 1996. № 11-12. С. 39-52.
5. Капеллер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад / Пер. с нем. С. Червонной. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.

6. Костюшко И.И. Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2001. 222 с.
7. Кучма Л.Д. Украина – не Россия. М.: «Время», 2003. 559 с.
8. Лазарева Т.В. Кадровое строительство в национальных районах КНР. 1949 – 1999. М.: ИДВ РАН, 2001. 184 с.
9. Лановик Б.Д. Лазарович М.В. Истоія України. Київ: Знання-прес, 2006. 598 с.
10. Лю Сяньчжун. Китайско-советский конфликт на КВЖД 1929 г. // Тихоокеанская Россия и страны АТР в изменяющемся мире. Сб. ст. / Отв. ред. Ю.В. Латушко и И.В. Ставров. Владивосток: Дальнаука, 2009. С. 78-81.
11. Медведев Р. Расколота́я Украина. М.: Институт экономических стратегий, 2007. 176 с.
12. Москалев А.А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949 – 1999). М.: Памятники исторической мысли, 2001. 224 с.
13. Национальный вопрос на перекрёстке мнений: 20-е годы. Док. и материалы. М.: Наука, 1992. 268 с.
14. Политика украинизации. [Электронный ресурс]. URL: http://revolution.allbest.ru/languages/00001301_0.html (дата обращения: 20.02.2014 г.).
15. Ставров И.В. Национальная политика в системе модернизации Китая (1978 – 2002 гг.) // Россия и АТР. 2006. № 4. С. 94-104.
16. У Эньюань. Причины распада СССР / пер. с кит. В.Г. Булова // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2007. № 4. С. 80-88.
17. Хмара Н.И. Из опыта национально-государственного строительства в СССР (1920-е – 1930-е годы) // Отечественная история. 2006. № 3. С. 126-139.
18. ЧжаоЧанцин. Распад Советского Союза под национальным углом зрения / пер. с кит. и предисл. А.А. Москалева // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 86-95.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Burmistrova T.YU. Zyorra i plevly: natsional'naya politika v SSSR (1917 – 1984). SPb.: b.i., 1993. 160 s.
2. Vdovin A.I. Natsional'naya politika 30-kh godov (ob istoricheskikh kornyakh krizisa mezhnatsional'nykh otnoshenij v SSSR) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya. 1992. № 4. S. 17-39.
3. Dvenadtsat'j s'ezd RKP(b). Stenograficheskiy otchyot. M.: Politizdat, 1968. 903 s.
4. Dyakin V.S. Natsional'nyj vopros vo vnutrennej politike tsarizma (nachalo KHKH v.) // Voprosy istorii. 1996. № 11-12. S. 39-52.
5. Kapeller A. Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya: vzniknovenie, istoriya, raspad / Per. s nem. S. CHervonnoj. M.: Progress-Traditsiya, 2000. 342 s.
6. Kostyushko I.I. Pol'skoe natsional'noe men'shinstvo v SSSR (1920-e gody). M.: In-t slavyanovedeniya RAN, 2001. 222 s.
7. Kuchma L.D. Ukraina – ne Rossiya. M.: «Vremya», 2003. 559 s.
8. Lazareva T.V. Kadrovoe stroitel'stvo v natsional'nykh rajonakh KNR. 1949 – 1999. M.: IDV RAN, 2001. 184 s.
9. Lanovik B.D. Lazarovich M.V. Istoiya Ukraini. Kiiv: Znaniya-press, 2006. 598 s.
10. Lyu Syan'chzhun. Kitajsko-sovetskij konflikt na KVZHD 1929 g. // Tikhookeanskaya Rossiya i strany ATR v izmenyayushhemsya mire. Sb. st. / Otv. red. YU.V. Latushko i I.V. Stavrov. Vladivostok: Dal'nauka, 2009. S. 78-81.
11. Medvedev R. Raskolotaya Ukraina. M.: Institut ehkonomicheskikh strategij, 2007. 176 s.
12. Moskalev A.A. Teoreticheskaya baza natsional'noj politiki KNR (1949 – 1999). M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2001. 224 s.

13. Natsional'nyj vopros na perekryostke mnenij: 20-e gody. Dok. i materialy. M.: Nauka, 1992 . 268 s.
14. Politika ukrainizatsii. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://revolution.allbest.ru/languages/00001301_0.html (data obrashheniya: 20.02.2014 g.).
15. Stavrov I.V. Natsional'naya politika v sisteme modernizatsii Kitaya (1978 – 2002 gg.) // Rossiya i ATR. 2006. № 4. S. 94-104.
16. U EHn'yuan'. Prichiny raspada SSSR / per. s kit. V.G. Burova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 8. Istoriya. 2007. № 4. S. 80-88.
17. KHmara N.I. Iz opyta natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v SSSR (1920-e – 1930-e gody) // Otechestvennaya istoriya. 2006. № 3. S. 126-139.
18. CHzhaoCHantsin. Raspad Sovetskogo Soyuza pod natsional'nym uglom zreniya / per. s kit. i predisl. A.A. Moskaleva // Novaya i novejschaya istoriya. 2004. № 3. S. 86-95.

УДК 314,74 (09) (510)

Веремейчик А.С.
Veremejchik A.S.

Вопросы современной китайской миграции в Россию в работах учёных КНР

Contemporary Chinese migration to Russia in PRC's researchers works

В статье рассматриваются работы исследователей КНР по вопросу современной китайской миграции в Россию. Показано, что основное внимание китайских историков сосредоточено на изучении факторов трансграничной миграции, анализе причин возникновения и распространения представлений о «китайской угрозе», контрмерах по решению «китайского миграционного вопроса».

Ключевые слова: *исследователи КНР, китайско-российская миграция, «китайская угроза», «китайский миграционный вопрос»*

The issues of modern Chinese migration to Russia are discussed by PRC researchers in current article. It shows that Chinese historians mainly pay attention to cross-border migration research, analysis of causes of rise and image expansion about "Chinese threat" as well as countermeasures to solve "Chinese migration problem".

Key words: *PRC researchers, Chinese migration to Russia, "Chinese threat", "Chinese migration problem"*

Массовый наплыв на территорию России китайских мелких торговцев и предпринимателей в начале 1990-х гг., сопровождался появлением многочисленных «нагнетающих страх» материалов в прессе и резкими высказываниями отдельных представителей политической элиты, которые способствовали возрождению в сознании российского общества опасений и тревог, связанных с «китайской угрозой», «демографической экспансией», «жёлтой опасностью». Напряжение стало несколько спадать к середине 1990-х гг. с установлением контроля над миграционным потоками, а также с насыщением информационного пространства работами представителей научного сообщества, призывавшими не нагнетать обстановку, давшими свою оценку, так называемому «китайскому миграционному вопросу».

Данная тема неоднократно привлекала внимание отечественных учёных, позволив рассмотреть китайскую миграцию с самых разных сторон, между тем взгляды исследователей КНР по этому вопросу в российской научной литературе практически не освещались. В настоящей статье мы попытаемся немного восполнить этот пробел, обратившись к

Статья подготовлена при поддержке гранта ОИФН РАН, проект № 12-I-ОИФН-01

ВЕРЕМЕЙЧИК Андрей Сергеевич, младший научный сотрудник Отдела Китаеведения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. (г. Владивосток).

материалам нескольких работ, опубликованных в научных журналах КНР по общественным наукам за последнее десятилетие, специально посвящённых либо затрагивающих вопросы китайской миграции в Россию. Вряд ли можно утверждать, что случайным образом отобранные публикации, выражают мнение всех китайских экспертов, специально исследующих вопросы китайской внешней миграции, либо затрагивающих их в контексте изучения российско-китайских отношений, однако по ним можно судить об имеющихся тенденциях при анализе данной проблемы.

Подробное ознакомление с материалами китайских историков позволяет говорить о наличии интереса преимущественно к трём аспектам: изучению факторов китайско-российской миграции; анализу причин возникновения и распространения представлений о «китайской угрозе», контрмерам по решению «китайского миграционного вопроса».

Среди специальных работ, посвящённых рассмотрению первого аспекта, можно указать совместную публикацию чанчуньских исследователей Чжао Диндуна и Ли Сяошэна [1, с. 61-63]. Авторы, используя положения теории международной миграции, определяют шесть факторов китайско-российской трансграничной миграции: 1) исторический фактор, обусловленный формированием пограничной полосы, что в последующем привело к традиционному пересечению границы населением прилегающих территорий; 2) демографический фактор, связанный с быстрым сокращением населения российских дальневосточных территорий, особенно экономически активной доли, а значит возникновением потребности в иностранной рабочей силе; 3) фактор природных ресурсов, необходимость освоения которых в условиях стремительного сокращения собственных человеческих ресурсов, вынуждает российские власти обратиться к привлечению китайской рабочей силы; 4) институциональный фактор, связанный с действием государственных органов, способных стимулировать, контролировать либо ограничивать миграционные потоки; 5) фактор миграционных сетей, т.е. наличие среди мигрантов тесных родственных и географических связей; 6) фактор глобализации, когда развитие миграции в мировом масштабе отражается на интенсификации локальных трансграничных потоков [1, с. 62-63].

Выделив все эти факторы, авторы стремятся показать соответствие китайско-российских трансграничных потоков мировым тенденциям, указывая одновременно на возможные ограничения, связанные с политикой двух стран.

Аналогичный вопрос в своей работе затронул доктор права Университета Внутренней Монголии Лун Чанхай, подробно остановившись на современных тенденциях роста числа китайских мигрантов в дальневосточных регионах, [2, с. 86-89]. Тенденции роста автор связывает, во-первых, с процессом улучшения китайско-российских двусторонних отношений, совпавшим с переходом России к рыночной экономике и появлением огромного рынка труда. Во-вторых, с внутренней ситуацией в России, когда вследствие трансформации социальной системы, внутренней миграции, высокой смертности, численность населения российских восточных регионов ежегодно сокращалась, обусловив потребность в притоке рабочей силы. В-третьих, с внутренней ситуацией в Китае, а именно, богатыми трудовыми ресурсами, стоимость которых существенно ниже, чем в России [2, с. 88-89].

Из приведённого ряда причин, пожалуй, трудно согласиться с утверждением о существенно низкой стоимости китайского труда по сравнению с российским. Начиная со второй половины 2000-х гг., среднюю заработную плату китайских рабочих и служащих по её покупательной способности уже можно вполне сопоставить со средней зарпла-

той в России с учётом в целом более низких цен на продовольственные и промышленные товары в КНР. Данный тезис подтверждают, как сопоставление официальных статистических данных о среднем доходе на одного члена семьи, так, например, и данные социологического опроса, проведённого ИДВ РАН и Читинским государственным университетом в Забайкальске в 2006 г.

Другой аспект – анализ причин возникновения и распространения представлений о «китайской угрозе», «демографической экспансии», «жёлтой опасности», без преувеличения сказать, вызывает наибольший интерес китайских экспертов, некоторые из которых считают вопросы китайской миграции основным препятствием к развитию российско-китайских отношений [3, с. 26].

В этом ключе одной из наиболее содержательных работ можно считать вышедшую в 2004 г. публикацию докторанта Института мировой истории АОН КНР Ван Сяоцзюй [4, с. 39-42]. На основе детального изучения обширного российского материала автор определяет магистральные направления, с которыми в России ассоциируется «китайская экспансия»: «демографическое», «экономическое» и «военное». В первом случае речь идёт о массовом притоке китайских мигрантов, отражающемся на национальной безопасности; во втором – о контрабандной торговле китайцев, причиняющей ущерб российским экономическим интересам; в третьем – о более боеспособной китайской армии и слабо защищённой российской границе [4, с. 39-40]. Истоки возникновения и распространения этих представлений Ван Сяоцзюй связывает с такими причинами, как изменение в соотношении совокупной мощи Китая и России; резкий контраст в демографической ситуации прилегающих территорий; исторические прения в сфере геополитических отношений; западное провокационное общественное мнение [4, с. 41].

В работе молодого исследователя из Университета Цзинань Дэн Чжитао, вышедшей позднее, частично повторяются вышеизложенные тезисы, но вносятся и новые положения [5, с. 77-80]. Спектр тревог и опасений, сопровождающих китайско-российскую миграцию, исследователь объединяет в формулировку «китайский вопрос миграции». Причины возникновения этого явления, помимо изменения реальных сил двух государств в сторону Китая, ослабления российской экономики, огромного демографического дисбаланса смежных территорий, западного влияния, автор обнаруживает в радикальном русском национализме. По его мнению, именно «ослабление собственной государственной мощи, при виде подъёма и даже превосходства ранее не годившегося в подмётки "младшего брата", задевает чувство собственного достоинства россиян». Другую причину Дэн Чжитао связывает с действиями региональных властей, «намеренно муссирующих проблему» с целью «улучшить свой политический имидж» либо «завуалировать собственную беспомощность в развитии восточного региона». Следующей причиной выступает незаконная деятельность, и неподобающее поведение некоторой части самих китайцев на российской территории, подрывающих имидж китайцев и представляющих лишней повод для «враждебного отношения» к ним [5, с. 78-79].

Дацинская исследователь Ли Минь главным источником «антикитайских суждений» называет «волну китайской миграции на Дальний Восток», связывая распространение теории «жёлтой опасности» исключительно со страхами «угрозы территориальной целостности» и «экономической экспансии» [3, с. 24-26]. Поскольку регион имеет «наибольшую площадь и наименьшую численность населения», то с масштабным наплывом мигрантов, по мнению автора, могут возникать следующие мысли: «с увеличением числа китайцев русские могут превратиться в

национальное меньшинство». Тревоги ещё более усиливаются при «проникновении в жизнь практически каждого россиянина китайских товаров, которые занимают в дальневосточном регионе почти 80% от общего числа предметов широкого потребления [3, с. 24-26].

С течением времени произошло некоторое смещение акцентов в исследовании вопроса «китайской угрозы». Если до первой половины 2000-х гг. все попытки китайских историков были направлены в сторону выявления истоков и распространения опасений, то позже усилия сосредоточились на выяснении их устойчивости в российском обществе.

Профессор Института Северо-Восточной Азии при партийной школе провинции Ляонин Цуй Яопин в своей статье формулирует вопрос следующим образом: «Почему же теория «китайской угрозы» в России по-прежнему актуальна» [6, с. 20-26]. Ответ автор обнаруживает в сохранении либо углублении факторов, возродивших в своё время страхи и опасения. В первую очередь, ввиду «продолжающегося серьёзного демографического кризиса», вызванного сокращением численности постоянного населения и трудовых ресурсов», разрешение которого обнаруживается в «расширенном воспроизводстве и привлечении иммигрантов». Затем в устойчивом динамичном подъёме китайской экономики, свидетельствующем о «тенденциях геополитического ослабления России», что заставляет россиян, в условиях сохранения исторических территориальных прений, опасаться «не вернёт ли Китай силой территорию». И наконец, в национальной психологии, а именно в «свойственной русским сильной этнической ксенофобии», отмечается, что «Россия в целом отрицательно относится к пришлому населению, не только к китайцам, но и к прибывающим из стран СНГ». Продолжает сохраняться, по мнению автора, и воздействие западного общественного мнения, «разжигающего недовольство Китаем», а также региональных властей, «привыкших связывать социальные проблемы на своей территории с китайским присутствием» [6, с. 25-26].

Пагубное влияние антикитайских настроений на экономические связи двух стран заставило китайское научное сообщество задуматься о выработке контрмер, направленных на преодоление негативных тенденций. Некоторые исследователи открыто называют китайскую миграцию основным препятствием к развитию российско-китайских отношений [3, с. 26]. Решение специалисты видят в целом комплексе мер, зачастую с обязательным активным участием двух сторон.

Уже известный нам исследователь Дэн Чжитао в этой связи пишет о необходимости на межгосударственном уровне развивать «реальное бизнес-сотрудничество», обращая внимание на такие моменты, как «управление мигрантами, борьбу с нелегальным пересечением границы и преступностью», а также «совместную координацию в разрешении вопросов мигрантов, что способствовало бы стандартизации и налаживанию управления миграцией». В качестве следующего «профилактического средства» предлагается укреплять «многоплановое сотрудничество и взаимодействие между приграничными территориями», где «придавать значение налаживанию отношений между региональными властями», равно как «усиливать культурный и гуманитарный обмен между различными слоями населения прилегающих территорий». В том числе немалые усилия рекомендуется направить на «усиление пропаганды о дружественной политике в отношении России, о строгом соблюдении Китаем двустороннего пограничного договора, о китайско-российских взаимных выгодах от развития торгово-экономического сотрудничества». Здесь же автор предлагает, используя опыт других стран, показывать важность привлечения мигрантов для экономического развития Даль-

него Востока, указывая на преимущества китайской рабочей силы [5, с. 79-80].

С точки зрения Ли Минь, ключом к решению проблемы китайской миграции может стать усиление сотрудничества и взаимодействия двух стран в пограничной полосе, где необходимо «выстраивать слаженный механизм доверия на региональном уровне, укреплять контакты между народами». Хорошей практикой двустороннего сотрудничества считается проведение мероприятий в рамках «китайского года в России» и «российского года в Китае», призванных благоприятствовать культурному сближению и устранению недопонимания. Ли Минь призывает объединить усилия: с российской стороны, упорядочить региональные программы развития, придерживаться более конструктивных подходов в развитии местной экономики и предоставлении больших возможностей для трудоустройства; с китайской стороны, призывается обратить внимание на имидж рабочей силы, повышать её качество, усиливать предмиграционную подготовку [3, с. 26].

Как справедливо заметил шанхайский исследователь Цзян Хунвэй, исследовавший вопросы отношения российского общества к Китаю, – многое зависит от ситуации в самой России. По его мнению, ослабление государства, ухудшение экономических условий, а также усиление сепаратистских тенденций могут привести к возрождению антикитайских настроений, рост могущества государства, стабилизация экономики, наоборот, способствуют ослаблению страхов в отношении Китая [7, с. 27].

Нельзя не отметить склонность некоторых исследователей к демонстрации выгод, которые приносит и может принести России присутствие китайских мигрантов. К примеру, хэйлунцзянский исследователь Цзян Чжаньмин, исследуя влияние китайских коммерсантов на развитие Дальнего Востока, пишет об их огромном вкладе в экономику региона, в оживление торгового рынка, обеспечение предметами первой необходимости и улучшение условий жизни населения.

Вместе с тем сколько-нибудь значительную иммиграцию китайских коммерсантов на Дальний Восток в ближайшей перспективе автор не прогнозирует. Объясняя это тем, что основную массу мигрантов составляют коммерсанты, нацеленные на получение прибыли, чему не благоприятствует современная экономическая обстановка в регионе. Среди прочих причин, сдерживающих иммиграцию, называют недостаточный уровень общественной безопасности, плохую инвестиционную среду, ксенофобские настроения в российском обществе [8, с. 47].

По представлению упоминаемого ранее профессора Цуй Япина, привлечение китайской рабочей силы является важным каналом интеграции России в АТР. Поскольку Дальний Восток и Сибирь постепенно становятся приоритетными регионами развития, совместное освоение ресурсов этих регионов является благоприятной возможностью придать российско-китайскому стратегическому партнёрству практическое творение [9, с. 36].

В качестве вывода можно отметить, что работы китайских учёных по современной китайской миграции в Россию носят преимущественно прикладной характер, нацелены на изучение динамики факторов миграции, причин распространения и устойчивости представлений о «китайской угрозе», а также выработке соответствующих контрмер. Такой подход предопределён практической направленностью изучаемого вопроса.

Литература

1. 赵定东, 李效生: 历史与现实: 中俄边民跨境流动的社会因素分析. [杂志] // 人口研究. 2003年. 27(3). 页61-63. (Чжао Диндун, Ли Сяошэн. Анализ социальных факторов китайско-российской трансграничной миграции: история и современность // Демографические исследования).
2. 龙长海: 俄罗斯的中国移民: 历史与现状 [杂志] // 绥化学院学报. 2011年. 5. 页86-89. (Лун Чанхай. Китайские мигранты в России: история и современность // Вестник института Суйхуа).
3. 李敏: 俄罗斯远东地区中国移民的发展及现状 [杂志] // 齐齐哈尔大学学报. 2010年. 2. 页 24-26. (Ли Минь. Развитие и современное положение китайской миграции на российском Дальнем Востоке // Вестник Цицикарского университета).
4. 王晓菊: 如何看待近年来俄罗斯的“中国扩张论” [杂志] // 学习与实现. 2004年. 1 (39). 页39-42. (Ван Сяоцзюй. Как относиться к имеющейся в России «теории китайской экспансии» // Изучение и достижение).
5. 邓志涛: 俄境内所谓中国“移民问题”的对策性思考 [杂志] // 世界经济与政治论坛. 2005年. 3. 页77-80. (Дэн Чжитао. Размышления и контрмеры по так называемому китайскому «миграционному вопросу» в российском приграничье // Мировая экономика и политика).
6. 崔亚平: 俄罗斯外贝加尔边疆区的中国劳务 [杂志] // 俄罗斯中亚东欧市场. 2012年. 1. 页20-26. (Цуй Япин. Китайская рабочая сила в Забайкальском крае // Россия, Центральная Азия и Восточная Европа).
7. 江宏伟: 俄国社会如何看待中国 [杂志] // 中国研究. 2005年. 7. 页 25-27. (Цзян Хунвэй. Отношение российского общества к Китаю // Демографические исследования).
8. 姜占民: 当代俄罗斯远东地区的中国移民现象探究 [杂志] // 西伯利亚研究. 2011年. 6. 页45-47. (Цзян Чжаньминь. Углубленное исследование феномена «китайской миграции» на современном российском Дальнем Востоке // Исследования Сибири).
9. 崔亚平: 从历史经济学角度分析俄罗斯远东地区的中国移民 [杂志] // 人口与经济. 2003年. 6. 页32-36. (Цуй Япин. Анализ китайских мигрантов на российском Дальнем Востоке в исторической ретроспективе с экономической точки зрения // Народонаселение и экономика).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. 赵定东, 李效生: 历史与现实: 中俄边民跨境流动的社会因素分析. [杂志] // 人口研究. 2003年. 27(3). 页61-63. (Chzhao Dindun, Li Syaoshehn. Analiz sotsial'nykh faktorov kitajsko-rossijskoj transgranichnoj migratsii: istoriya i sovremennost' // Demograficheskie issledovaniya).
2. 龙长海: 俄罗斯的中国移民: 历史与现状 [杂志] // 绥化学院学报. 2011年. 5. 页86-89. (Lun Chankhaj. Kitajskie migranty v Rossii: istoriya i sovremennost' // Vestnik instituta Sujkhua).
3. 李敏: 俄罗斯远东地区中国移民的发展及现状 [杂志] // 齐齐哈尔大学学报. 2010年. 2. 页 24-26. (Li Min'. Razvitie i sovremennoe polozhenie kitajskoj migratsii na rossijskom Dal'nem Vostoke // Vestnik TSitsikarskogo universiteta).
4. 王晓菊: 如何看待近年来俄罗斯的“中国扩张论” [杂志] // 学习与实现. 2004年. 1 (39). 页39-42. (Van Syaotszyuj. Kak otnosit'sya k imeyushhejsya v Rossii «teorii kitajskoj ehkspansii» // Izuchenie i dostizhenie).
5. 邓志涛: 俄境内所谓中国“移民问题”的对策性思考 [杂志] // 世界经济与政治论坛. 2005年. 3. 页77-80. (Dehn CHzhitao. Razmyshleniya i kontrmery po tak nazyvaemomu kitajskomu «migratsionnomu voprosu» v rossijskom prigranich'e // Mirovaya ehkonomika i politika).

6. 崔亚平: 俄罗斯外贝加尔边疆区的中国劳务 [杂志] // 俄罗斯中亚东欧市场. 2012年. 1. 页20-26. (Tsuj YApin. Kitajskaya rabochaya sila v Zabajkal'skom krae // Rossiya, Tsentral'naya Aziya i Vostochnaya Evropa).

7. 江宏伟: 俄国社会如何看待中国 [杂志] // 中国研究. 2005年. 7. 页 25-27. (Tszyan Khunvehj. Otnoshenie rossijskogo obshhestva k Kitayu // Demograficheskie issledovaniya).

8. 姜占民: 当代俄罗斯远东地区的中国移民现象探究 [杂志] // 西伯利亚研究. 2011年. 6. 页45-47. (Tszyan CHzhan'min'. Uglublennoe issledovanie fenomena «kitajskoj migratsii» na sovremennom rossijskom Dal'nem Vostoke // Issledovaniya Sibiri).

9. 崔亚平: 从历史经济学角度分析俄罗斯远东地区的中国移民 [杂志] // 人口与经济. 2003年. 6. 页32-36. (Tsuj YApin. Analiz kitajskikh migrantov na rossijskom Dal'nem Vostoke v istoricheskoy retrospektive s ehkonomicheskoy točki zreniya // Narodonaselenie i ehkonomika).

УДК 364.07

Лазарева С.И.
Lazareva S.I.

**Деятельность благотворительных организаций
и обществ по поддержке учебных заведений
в городах Дальнего Востока
во второй половине XIX – начале XX вв.**

**The activities of charitable organizations and societies
to support educational institutions in the cities of the Far East
in the second half of XIX – early XX centuries**

В статье раскрывается деятельность благотворительных организаций и обществ по поддержке учебных заведений в городах Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв.: сбор денежных средств на строительство новых школьных зданий, ремонт старых, организация бесплатного обучения детей из малообеспеченных семей, повышение зарплаты учителям и обеспечение их жильём.

Ключевые слова: *Дальний Восток, система народного образования, учебные заведения, школы, стипендии*

The article reveals the activities of charitable organizations and societies to support educational institutions in the cities of the Far East in the second half of XIX – early XX centuries: Collect funds for the construction of new school buildings, renovation of the old, the organization of free education for children from low-income families, increasing teachers' salaries and providing them with housing.

Key words: *Far East, the system of public education, educational institutions, schools, scholarships*

Сегодня, когда идёт процесс модернизации российского образования, делаются попытки создания эффективной модели обучения, способной конкурировать с системами образования передовых стран мира в начале XXI в., внимание отечественных исследователей направлено на изучение вопросов, связанных с формированием школ и высших учебных заведений в России как в дореволюционный, так и советский периоды, которые содержат немало интересного и полезного для наращивания и воспроизведения интеллектуального потенциала общества.

Большой интерес для историков представляет исследование эволюции системы образования на Дальнем Востоке в условиях социальной трансформации в конце XIX-начале XX вв., когда государственные, общественные и благотворительные организации, максимально моби-

Статья подготовлена при поддержке грантов Президиума ДВО РАН №12-1-ПЗЗ-05 и №12-ПЗ-А-11-22

ЛАЗАРЕВА Светлана Ивановна, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток).

лизовав свои силы и имеющиеся средства, направили их на решения тех задач в сфере образования, которые представлялись неотложными. Именно в этот период и были заложены основы воспитания и образования в России, обеспечившие поступательное развитие системы образования и достижение лидирующих позиций в мире.

Одной из важнейших социальных проблем в XIX в., требующей совместных усилий государственных, общественных и благотворительных организаций, было создание развитой системы народного образования на Дальнем Востоке.

В 1802 г. было учреждено Министерство народного просвещения (далее МПН), а в 1803 г. – Главное правление училищ, заботы которых в области развития образования на первых порах сосредоточилась преимущественно в европейской части России.

Все учебные заведения того времени можно было классифицировать по организационно-правовой форме на государственные, муниципальные и частные (отдельных лиц, общественных организаций, а также религиозных обществ). Аналогичная система образования складывалась и на территории дальневосточной окраины России.

Городское население Дальнего Востока к середине XIX в. было очень малочисленным – 27,6 тыс. чел., менее 1 % всех его жителей. (ГАХК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 4. Л. 31, 32). Развитие школьной сети в этот период шло медленно. Специальные и технические училища отсутствовали вообще.

Как сообщал журнал «Сибирские вопросы», правительство оставалось совершенно равнодушным к просвещению в Сибири и на Дальнем Востоке.

К 1886 г. в Амурской и Приморской областях было всего 52 школы. [15, с. 34]. Но постройка школ не решала проблемы. Часто в новых заведениях занятия не начинались из-за отсутствия педагогов. В Приамурском генерал-губернаторстве насчитывалось до 60 школ, где не было учителей. Как результат – в 1891 г. наблюдалось снижение количества учеников. [12, с. 20].

Особенно неудовлетворительная ситуация с обучением детей сложилась в районах крайнего северо-востока Приамурского генерал-губернаторства, первая церковноприходская школа на Чукотке была открыта в 1883 г. в с. Марково по просьбе самих жителей. Учителем в ней стал работать потомок юкагиров А.Е. Дьячков. Программа в школе была самой примитивной, в течение 5 – 6 лет дети обучались читать и писать по-русски [8, с. 131].

Вопрос о необходимости создании на Чукотке министерских школ был поднят Приамурским генерал-губернатором П.Ф. Унгербергером в 1910 г. Он обратился в Министерство просвещения с предложением открыть в сёлах Уногин и Уэлен школы и опытные станции по оленеводству, собаководству и рыболовству. Школы были открыты только в 1916 г., но занятия велись нерегулярно.

О том, во сколько обходилось содержание учебных заведений в крае, можно судить по Амурской области. В 1889 г. на эти расходы пришлось 103 575 руб. в год (из них за счёт казны 26 469 руб.). От населения поступило 39 342 руб., от Синода – 37 764 руб. 56 коп., миссионеры пожертвовали 200 руб., золотые прииски – 11 700 руб. По условиям расход на содержание школ распределялся следующим образом: городское – 14 250 руб., казачье 11 072, крестьянство – 3 507 руб. [11, с. 58].

В связи с развитием промышленности, транспорта, торговли городское население начинает расти быстрее, чем сельское. Его пополнение шло из разных источников. На Дальнем Востоке, имевшем большую концентрацию войск, ежегодно увольнялись в запас тысячи солдат и ма-

тросов, часть из которых оставались в крае на постоянное жительство, обзаводились семьями и детьми. В 90-е годы роль этого источника пополнения стала возрастать с принятием в 1893 г. закона, предоставлявшего пожелавшим остаться демобилизованным воинам ряд льгот. Уходящие в запас солдаты и матросы оседали, преимущественно в городах (к 1897 г. в Приамурском генерал-губернаторстве насчитывалось более 15 тыс. запасных) (ГАХК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 4. Л. 31, 32, 33), где экономическое развитие постоянно увеличивало потребности в квалифицированных кадрах для промышленности, транспорта, здравоохранения, государственной службы. Поэтому царская администрация вынуждена была время от времени проявлять «заботу» о просвещении, открывать школы и другие учебные заведения в регионе.

Мерилом всех усилий по развитию народного образования являлся ежегодный казённый кредит – в Приамурском крае в 1900 г. он увеличился по МНП на 235 тыс. руб., по военному ведомству – на 145 тыс. руб. и по духовному ведомству – почти на 27 тыс. руб. В этом была немалая заслуга Приамурского генерал-губернатора Н. И. Гродекова, с завидной настойчивостью решавшего сложную проблему. [5, с. 211].

Новые учебные заведения открывались преимущественно в крупнейших населённых пунктах, и, прежде всего, в городах.

По переписи 1897 г., грамотных среди горожан было вдвое больше, чем среди сельских жителей. Это была заслуга местного самоуправления, взявшего на себя роль организатора школьного строительства в городах региона. Городовые положения 1870 и 1892 гг. предусматривали прямое участие самоуправлений в деле просвещения. Так, согласно пункту IX статьи 2 первой главы Положения 1892 г., к предметам ведения городского общественного управления относилось «попечение о развитии средств народного образования и установленное законом участие в заведении учебных заведениями» [4, с. 147].

В городах Дальнего Востока, как и в целом в крае, постепенно складывалась единая система обучения. Первая ступень включала в себя школы низшего типа, куда входили министерские, приходские, церковно-приходские, поселковые, казачьи, частные и другие начальные учебные заведения.

Подобные школы стали открываться в городах ещё до формирования в них общественных управлений. Так, в Чите первое приходское училище открыли в 1865 г [2, с. 9, 10, 11]. В 1866 г. в Благовещенске на средства казны на базе мужского отделения частной школы, созданной кружком офицеров и чиновников, открылось первое народное училище [10, с. 41-60]. В 60-е гг. в Троицкосавске, Верхнеудинске, Нерчинске, Благовещенске и Николаевске-на-Амуре были созданы женские училища (РГИА ДВ Ф. 701. Оп. 1. Д. 11. Л. 23, 24). В 1873 г. женское училище было переведено во Владивосток, положив начало школьному делу в городе. Тогда же открылась первая школа в Хабаровске, что было связано с посещением селения великим князем Алексеем Александровичем, пожертвовавшим на эти цели деньги; по его имени школа получила название Алексеевской (ГАХК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 4. Л. 43, 44, 45).

С введением в городах края местного самоуправления часть существующих школ стала передаваться городскому управлению, появились новые учебные заведения. Так, в 1876 г. во Владивостоке открылось первое мужское элементарное училище, в 1886 г. – одноклассное приходское училище (преобразованное затем в трёхклассное), которые содержались на средства города. К 1890 г. в городе действовали уже два мужских элементарных, городское приходское трёхклассное, женское училище, а также частное приготовительное училище Филиппченко [3, с. 110].

В 1881 г. Алексеевскую школу в Хабаровске передали общественному управлению города, назначили начальника школы, который руководил и учебной, и хозяйственной частью. В 1883 г. в городе было открыто второе учебное заведение низшего типа – Иннокентьевское училище, также взятое на содержание самоуправлением. В 1889 г. в Хабаровске открывается трёхклассное городское училище для мальчиков. Оно постепенно расширяется и преобразовывается в шестиклассное, а с 1896 г. училище стало называться Николаевским. В 1890 г., после открытия трёхклассного училища, Алексеевская школа была преобразована в двухклассное женское училище (**ГАХК. Ф. 849. Оп. 1. Д. 4.Л.31, 32**).

К 1911 г. число начальных училищ в городе увеличивается с четырёх до восьми. Так, пятому городскому училищу было присвоено имя героя Русско-японской войны генерала Н.И. Кондратенко; седьмому – имя графа Н.Н. Муравьёва-Амурского. Летом 1912 г., когда страна отмечала столетний юбилей Отечественной войны 1812 г., восьмое городское училище получило имя Александра Благословлённого (Александра I – официального героя победы над Наполеоном [**13, с. 154**]).

В Благовещенске в 1890 г. на городские средства было открыто второе народное училище имени А.Н. Корфа, а в 1900 г. – трёхклассное городское училище. В 1901 г. в городе действовали городское трёхклассное, начальное женское двухклассное, четыре мужских и одно женское одноклассные училища, две воскресные школы. В 1908 – 1909 гг. открылись начальные училища имени Толстого, Тургенева и Ломоносова [**10, с. 41-60**].

К концу 90-х гг. в Верхнеудинске, благодаря усилиям городской думы, были открыты две церковноприходских школы в предместьях за реками Селенга и Уда, а городское уездное училище было преобразовано в городское трёхклассное [**6, 11**].

С 1906 по 1909 гг. в Чите построены новые каменные здания для двух начальных училищ, открыты пять новых учебных заведений: 13, 14, 15, 16 и 17-е городские приходские училища, – принято на содержание города мещанское училище (18-е городское) [**9, с. 69**].

Однако учебных заведений не хватало, поэтому в отчётах военного губернатора Приморской области В.В Флуге, направляемых в МВД за 1905 – 1907 гг., неоднократно обращалось внимание на необходимость увеличения кредитов МНП на постройку новых школ [**3, с. 110**].

Нужны были средства и на ремонт старых школ. Ощущался недостаток в учителях.

В помощи и поддержке нуждались, естественно, все учебные заведения системы образования, созданные как Министерством народного просвещения, так и иными общественными и сословными организациями, частными лицами (право на открытие школ им было дано правительством России в 1864 г.). Городские самоуправления, широкие слои общественности, прежде всего состоятельные люди, оказывали активную поддержку всем звеньям образовательной сферы. Так, инициаторами учреждения первой школы в Хабаровске были известные купцы, впоследствии гласные городской думы М.Л. Чардымов, А.Ф. Плюснин, И.Р. Рафаилов. Плюснин пожертвовал школе собственный дом, Чардымов обязался выплачивать ежегодное пособие в 800 руб., а Рафаилов взял на себя труд по организации этого учебного заведения (**РГИА ДВ Ф. 849. Оп. 1. Д. 4. Л. 43-45**).

Членом попечительского совета Николаевского-на-Амуре женского училища был крупный торговец, прусский подданный Ф. Людорф. В 1865 г. он занял должность городского старосты на один год, и по предложению военного губернатора области И. Фуругельма, оставался на этой должности несколько лет. В августе 1871 г. губернатор отмечал, что со

времени вступления Ф. Людорфа в должность городского старосты вид Николаевска-на-Амуре стал улучшаться. За годы работы в попечительском совете женского училища Ф. Людорф пожертвовал на его нужды 8 тыс. руб. (РГИА ДВ Ф. 701. Оп. 1. Д. 10. Л. 23, 34-35).

По примеру благотворительных организаций общественного призрения в городах края – Благовещенске, Владивостоке, Николаевске-на-Амуре, Чите, Хабаровске и других создавались организации попечения о народном образовании, общества вспомоществования нуждающимся учащимся и т.д. На их средства строились учебные заведения, поддерживались материально, одеждой, питанием ученики, имеющие бедных родителей. Практически до 85 % расходов на строительство и содержание школ края несло само население, в том числе участвуя в деятельности благотворительных обществ и самоуправлений городов [1, с. 14-15].

Серьёзным препятствием для выпускников начальных школ из малоимущих семей при поступлении в средние школы и технические училища была плата за обучение. Ярким показателем успешного решения этого и многих других вопросов, связанных с образованием, является деятельность Общества вспомоществования нуждающимся учащимся Алексеевской женской гимназии в Благовещенске. Основанное по инициативе начальницы Алексеевской гимназии М.Д. Маляровой, оно быстро приобрело симпатию и доверие окружающих. В первый же год своего существования (1901 г.) Общество смогло оказать материальную помощь 51 ученице. На следующий год (1902 г.) деятельность его намного расширилась: помощь стала оказываться не только деньгами, но и вещами, медикаментами. За 10 лет помощь была оказана 713 ученицам; за этот же период за обучение было выплачено 11 935 руб. 71 коп., вещей и учебников было выдано на сумму 3 189 руб. 64 коп. (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 3. Д. 383. Л. 96-97).

Во время Русско-японской войны деятельность Общества несколько замедлилась, но потом постепенно его работа восстановилась. Несмотря на то, что плата за обучение значительно возросла, в 1911 г. была оказана помощь 86 ученицам, и израсходовано за все 10 лет существования Общества (1901 – 1911 гг.) 18 470 руб. 05 коп. Денежных пособий было выдано на сумму 1276 руб. С 1906 г. стали выдаваться пособия на получение высшего образования. С 1906 по 1911 гг. на эти цели было выделено 1745 руб. (РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 3. Д. 383. Л. 96-97). Помимо этого Общество организовало при гимназии библиотеку, располагающую значительным количеством учебников по разным отраслям наук, что давало возможность с незначительными затратами снабжать учащихся необходимыми учебниками.

Подобные организации создавались и в Хабаровске. Здесь активно работали, например, Общество распространения народных развлечений и начального народного образования и Общество вспомоществования нуждающимся учащимся учебных заведений Министерства народного просвещения. Председателем Общества являлся А.А. Володской, товарищем председателя – Н.П. Долматов. Среди членов Общества были известные общественные деятели, руководитель региона, военные, их жёны: Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гондати, генерал от инфантерии А.С. Беневский, генерал-лейтенант Д.И. Субботич, жена генерал-лейтенанта А.Г. Чичагова, жена генерал-лейтенанта Д.И. Субботича – О.И. Субботич и др.

За 15 лет деятельности (1901 – 1916 гг.) Обществом было выдано пособий учебным заведениям Хабаровска в сумме 710052 руб. 62 коп., за этот же период оказана помощь 5795 учащимся. Сколько пособий и какие суммы были выданы учащимся учебных заведений в Хабаровске хорошо видно в таблице № 1.

Таблица 1. Распределение выданных пособий за период 1901 – 1916 гг.

Год	Число учащихся	Сумма пособий	На одного ученика
1901/1902	102	1702 р. 19 к.	16 р. 08 к.
1902/1903	212	2458 р. 60 к.	11 р. 06 к.
1903/1904	205	2950 р. 00 к.	14 р. 04 к.
1904/1905	229	3685 р. 06 к.	16 р. 00 к.
1905/1906	364	6385 р. 00 к.	17 р. 00 к.
1906/1907	390	6079 р. 00 к.	16 р. 00 к.
1907/1908	400	6083 р. 44 к.	15 р. 20 к.
1908/1909	398	6510 р. 14 к.	16 р. 36 к.
1909/1910	335	3676 р. 05 к.	10 р. 97 к.
1910/1911	578	5313 р. 99 к.	09 р. 20 к.
1911/1912	512	5454 р. 90 к.	10 р. 65 к.
1912/1913	549	6489 р. 82 к.	11 р. 85 к.
1913/1914	530	4960 р. 00 к.	09 р. 36 к.
1914/1915	396	2946 р. 42 к.	07 р. 50 к.
1915/1916	595	5167 р. 00 к.	08 р. 68 к.

Источник: (РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2500. л. 66).

Как показывает таблица, наибольшая помощь оказывалась учащимся в наиболее тяжёлые моменты нашей истории: в годы до и после Русско- японской войны, Первой мировой, накануне революции. Именно в эти периоды благотворительные организации особое внимание уделяли детям из семей, где кормильцы были призваны в армию. Так, в 1914 г. во многих гимназиях были освобождены «от платы за учение некоторые нуждающиеся ученики – дети запасных, взятых в действующую армию». А в реальном училище Благовещенска все учителя и служащие приняли решение «на время военных действий производить 2% отчисления от получаемого ими содержания» (всего около 50 руб. в месяц) в местное казначейство на сберегательную книжку и предназначались они для помощи двум наиболее нуждающимся реалистам, отцы которых находились на фронте. Помощь включала не только плату за обучение, но и обеспечение квартирой, снабжение учебными пособиями и одеждой [7, с. 202-203].

В тот период широко была распространена следующая форма помощи учащимся: на руки деньги не выдавались, плата за обучение вносилась прямо в учебное заведение, а необходимые вещи покупались членами правления Общества – представителями учебных заведений.

Городские самоуправления и благотворительные организации проводили большую работу по расширению круга своих стипендиатов, освобождали и от платы за обучение детей малоимущих родителей. На-

пример, в 1896 г. постановлением думы Благовещенска было ассигновано из городского бюджета 1000 руб. для образования двух стипендий им. Ф.И. Васильева и П.С. Образцова (в ознаменование 25-летия педагогической деятельности) в мужской прогимназии (**РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 3. Д. 383. Л. 89-100**). Хабаровская дума с 1899 г. выделяла 3 стипендии по 60 руб. в год для учениц Первой женской гимназии; в Николаевском училище города было 15 стипендий по 6 руб. в год. С 1904 г. городское самоуправление освободило от платы за обучение 62 ученицы Алексеевского училища, а в 1911 г. в ознаменование 200-летия со дня рождения М.В. Ломоносова учредила 7 специальных стипендий – по одной в Хабаровском реальном училище и женской гимназии и пять в городском училище им. П.Ф. Унтербергера [**13, с. 155**]. В связи со 100-летним юбилеем Н.В. Гоголя, Читинской думой было принято решение об учреждении трёх стипендий его имени преимущественно для уроженцев и жителей Читы (для оплаты обучения в высших учебных заведениях) [**9, с. 69, 70**].

В сентябре 1916 г. Хабаровская дума обсудила доклад гласного думы С.С. Бабикова о необходимости немедленного открытия в городе дополнительных классов в начальных училищах, так как «многие дети как призванные воинов, так и вообще беднейших классов населения остаются за бортом школы». Дума согласилась, что предлагаемая мера крайне важна, и обязала городскую управу выделить запрашиваемую сумму в 1 620 руб. и предпринять все возможные меры для быстрого открытия классов [**13, с. 155**].

Государственные, общественные и благотворительные организации проявили заботу и о преподавательском составе учебных заведений. Так, Благовещенская дума в октябре 1900 г. принимала решения о назначении денежного содержания учительнице женского 2-классного училища (в размере 300 руб. в год), помощнице учителя городского училища и т.д. В Хабаровске с ноября 1910 г. дума освободила учителей города от выплаты 6 % жалованья в пенсионную кассу (такая практика существовала в России), взяв на городские средства перечисление этого налога [**13, с. 155**].

Педагоги проявляли инициативу по формированию определённой системы взаимоподдержки. В 1911 г. было создано Общество взаимопомощи учащихся и учителей Приморской области, главная задача которого заключалась в оказании материальной и духовной помощи учителям. Объединив к сентябрю 1914 г. более 150 членов, Общество организовало в Хабаровске подготовительную школу для поступающих в учебные заведения, создавало в городе и сельской местности библиотеки, выписывало в школы Приамурья периодику. На взносы, пожертвования, сборы от концертов членов этого союза и учащихся с помощью городских властей, Общество построило в Хабаровске учительский дом, в котором разместились библиотека, столовая, две комнаты интерната для детей сельских учителей и гостиничные комнаты для преподавателей, приезжающих в город [**13, с. 155**].

В июле 1912 г. правительство России, наконец-то, обратило внимание на бедственное положение преподавателей учебных заведений (временами учитель получал содержание меньше сторожа) и установило им достаточно высокую оплату труда. Например, молодой учитель за 12 уроков в неделю получал жалованье 70 руб. в месяц (т.е. более 800 руб. в год), а директор гимназии со всеми добавками мог получать до 420 руб. в месяц, что было выше месячного денежного содержания городского головы Читы (320 руб.) (**РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 3. Д. 383. Л. 86-97**).

Таким образом, благотворительные организации и общества, созданные в городах Дальнего Востока, совместно с городскими органами

самоуправления, общественными организациями и частными лицами внесли весомый вклад в становление и развитие системы народного образования в регионе.

Литература

1. Белоусов А.А. На алтарь отечества. Из истории меценатства и благотворительности в России. Владивосток, 1999. 187 с.
2. Владивостокская городская управа. Отчёт за 1896 г. Владивосток, 1897.
3. Всеподданнейший отчёт военного губернатора Приморской области за 1907 год. Владивосток, 1908.
4. Городское положение (1892 г.) II учреждения государственного управления в России: опыт формирования и эволюции: сб. док. Н. Новгород, 1994.
5. Дубинина Л.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков Хабаровск, 2001.
6. Замула Ю. Верхисудинское городское самоуправление// Гуманитарные исследования молодых учёных Бурятии: сб. науч. тр. Улан-Удэ, 1996.
7. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы первой мировой войны. Хабаровск, 1999.
8. История Чукотки с древнейших времён до наших дней. М., 1989.
9. Куриленко И.В. Читинская городская дума // Читинский архивный вестник. 2001. № 2.
10. Летопись Амурской области. (Хроника событий с древнейших времён до 1917 г.). Благовещенск, 1998. Т. 1.
11. Обзор Амурской области за 1889 год. Благовещенск, 1890.
12. Отчёт о состоянии Приморской области за 1891 год. Владивосток, 1892.
13. Очерки истории родного края. Хабаровск, 1993.
14. Приамурье. 1916. 22 сент.
15. Сибирские вопросы. 1908. № 45-46.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Belousov A.A. Na altar' otechestva. Iz istorii metsenatstva i blagotvoritel'nosti v Rossii. Vladivostok, 1999. 187 s.
2. Vladivostokskaya gorodskaya uprava. Otchyot za 1896 g. Vladivostok, 1897.
3. Vsepoddannejšij otchyot voennogo gubernatora Primorskoj oblasti za 1907 god. Vladivostok, 1908.
4. Gorodskoe polozhenie (1892 g.) II uchrezhdeniya gosudarstvennogo upravleniya v Rossii: opyt formirovaniya i ehvolyutsii: sb. dok. N. Novgorod, 1994.
5. Dubinina L.I. Priamurskij general-gubernator N.I. Grodekov KHabarovsk, 2001.
6. Zamula YU. Verkhisudinskoe gorodskoe samoupravlenie// Gumanitarnye issledovaniya molodykh uchyonikh Buryatii: sb. nauch. tr. Ulan-Udeh, 1996.
7. Ikonnikova T.YA. Dal'nevostochnyj tyl Rossii v gody pervoj mirovoj vojny. KHabarovsk, 1999.
8. Istoriya SHukotki s drevnejshikh vremyon do nashikh dnei. M., 1989.
9. Kurilenko I.V. SHitinskaya gorodskaya дума // SHitinskij arkhivnyj vestnik. 2001. № 2.

10. Letopis' Amurskoj oblasti. (KHronika sobytij s drevnejshikh vremyon do 1917 g.). Blagoveshhensk, 1998. T. 1.
11. Obzor Amurskoj oblasti za 1889 god. Blagoveshhensk, 1890.
12. Otchyot o sostoyanii Primorskoj oblasti za 1891 god. Vladivostok, 1892.
13. Ocherki istorii rodnogo kraja. Khabarovsk, 1993.
14. Priamur'e. 1916. 22 sent.
15. Sibirskie voprosy. 1908. № 45-46.

УДК 314 (571.54) 1

*Бадмаева Л.В., Башкуева Е.Ю.
Badmaeva L.V., Bashkueva E.Yu.*

Трудовые мигранты в Республике Бурятия: страны исхода и зоны-аттракторы

**Labor migrants in the Republic of Buryatia:
outcome countries and zone-attractors**

В статье рассматривается миграционная привлекательность Республики Бурятия как территории расселения и проживания трудовых мигрантов с позиций конкурентоспособности данного субъекта Федерации. Установлено, что миграционную привлекательность Бурятии для внешних трудовых мигрантов определяют как экономические факторы, так и социокультурные особенности региона (этническая составляющая, толерантность социума и т.д.). Выявлены выталкивающие факторы миграции иностранной рабочей силы из стран исхода. Определены так называемые «аттракторы», анклавные зоны притяжения иностранной рабочей силы в изучаемый субъект РФ.

Ключевые слова: миграционная привлекательность, внешние трудовые мигранты, страны исхода, иностранная рабочая сила, выталкивающие факторы миграции, зоны-аттракторы

In article migratory appeal of the Republic of Buryatia as territory of moving and accommodation of labor migrants from positions of competitiveness of this subject of Federation is considered. It is established that migratory appeal of Buryatia to external labor migrants define both economic factors, and sociocultural features of the region (an ethnic component, tolerance of society, etc.). Pushing-out factors of migration of foreign labor from the outcome countries are revealed. So-called "attractors", enclave zones of an attraction of foreign labor to the studied territorial subject of the Russian Federation are defined.

Key words: migratory appeal, external labor migrants, the outcome countries, foreign labor, push factors actors of migration, zone- attractors

Глобализация мирового пространства предопределяет современную миграционную политику. В современных реалиях актуализируется и сущность иммиграционной политики. Для стран-реципиентов, принимающих иммигрантов, немаловажным является и то, что из себя представляют въезжающие мигранты, из каких стран они въезжают и с какой целью (трудовая, учебная, туризм, воссоединение семьи и т.д.), какова мотивация иммиграции, в каких отраслях экономики предполагается занятость потенциальных трудовых мигрантов и какие территории для расселения наиболее привлекательны для них. Разумеется, нельзя

БАДМАЕВА Людмила Владимировна, к.соц.н., научный сотрудник Отдела региональных экономических исследований Бурятского научного центра СО РАН (г. Улан-Удэ).

БАШКУЕВА Елена Юрьевна, к.и.н., младший научный сотрудник Отдела региональных экономических исследований Бурятского научного центра СО РАН (г. Улан-Удэ).

игнорировать и социально-демографические характеристики мигрантов: пол, возраст, национальность, образование, профессию, трудовую квалификацию и семейный статус. В рамках статьи за малым объемом не рассматриваем последнее.

Современную миграционную ситуацию в мире определяют страны с ярко выраженной иммиграционной составляющей. К числу этих стран можно отнести и Россию на геополитическом пространстве бывшего СССР. Евро-Азиатское экономическое сообщество, куда входят такие страны, как Россия, Белоруссия и республики Средней Азии, входившие в СССР, принимают активное участие в перераспределении человеческого капитала в мировой экономике. Усиление конкуренции на международных рынках труда актуализирует проблемы совершенствования, гармонизации и сближения миграционных политик как отдельно взятых государств, так и в рамках ЕврАзЭС. По устоявшемуся мнению исследователя И.В. Ивахнюк, «государства бывшего СССР, прежде всего в силу исторических условий, связаны между собой экономическими, политическими, социально-культурными, психоэмоциональными факторами, что придает устойчивость многочисленным миграционным потокам в регионе» [4].

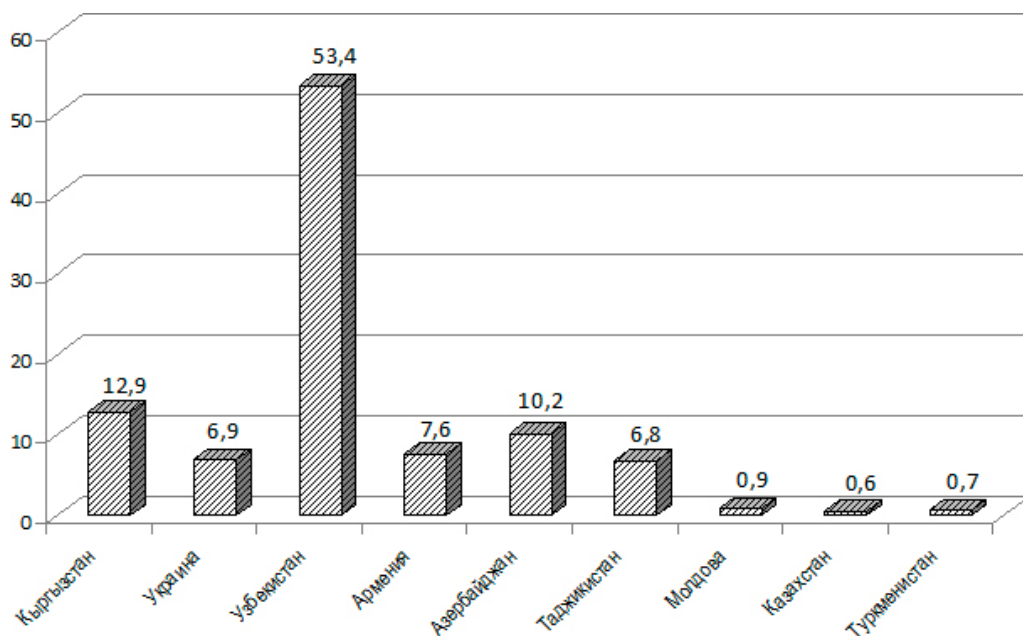
Республика Бурятия как приграничный регион Байкальской Азии, наряду с Забайкальским краем и Иркутской областью, является одним из регионов-реципиентов России, принимающих иностранных мигрантов. Ежегодно возрастающие темпы внешней трудовой миграции в РБ демонстрируют, что Бурятия как один из субъектов федерации уже испытывает миграционное давление, которое постепенно будет нарастать в силу ряда причинно-следственных связей, обусловленных глобализацией геополитического пространства, включением страны в международную экономическую конкуренцию и, наконец, вступлением России во Всемирную Торговую Организацию (ВТО), в рамках которой возникает необходимость учитывать либеральный подход к правилам перемещения рабочей силы внутри стран – членов ВТО.

Несмотря на зафиксированный показатель безработицы в 5,2 процентных пункта (2012 г.), Республика Бурятия нуждается в привлечении иностранной рабочей силы на рынок труда региона и выглядит в глазах трудовых мигрантов как относительно спокойный и привлекательный регион для расселения и осуществления трудовой деятельности.

Информационную базу исследования составляют статистические данные Управления федеральной миграционной службы России по Республике Бурятия и материалы полустандартизованного интервью с экспертами из числа трудовых мигрантов (N=65), проведенного в 2012 г. Точки опроса: г. Улан-Удэ – рынки: «Народный», «Тумэр Морин», «Туяа», «Сагаан-Морин», товарная площадь на ул. Борсоева; ряд строительных организаций и т.д. В исследовательское поле включены и данные полустандартизованного интервью с представителями государственных структур, наделенных соответствующими полномочиями по реализации миграционной политики (Республиканского агентства занятости населения, УФМС по РБ, Министерства экономики РБ и других структур, N = 25 (2012 г.)). В контексте заявленной тематики включение в исследовательский локус эмпирических результатов перечисленных неформализованных интервью представляется вполне целесообразным.

Анализ миграционной привлекательности Республики Бурятия как территории расселения и проживания трудовых мигрантов с позиций конкурентоспособности данного субъекта федерации, по сравнению с соседними регионами, выявил особенности феномена, несколько отличающиеся от традиционного понимания. Остановимся подробнее на этих особенностях несколько позже.

Диаграмма 1. Распределение привлеченной ИРС из ближнего зарубежья в Республику Бурятия по странам исхода (2011 г. , в%)

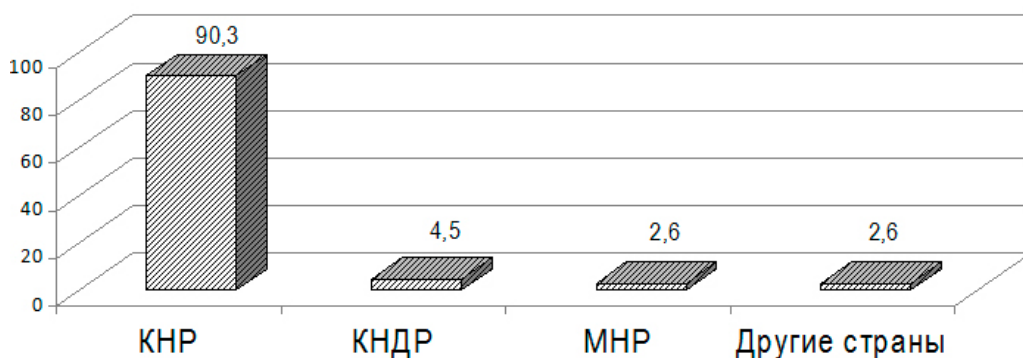
Вначале рассмотрим конкурентоспособность РБ с позиций привлекательности региона для иностранной рабочей силы. Как известно, «конкурентные преимущества обеспечивают регион ресурсами и свойствами для конкуренции (конкурентоспособностью)» [5, с. 131]. Анализируя конкурентоспособность Республики Бурятия как региона-реципиента, принимающего иностранных трудовых мигрантов, нельзя не остановиться на причинах исхода иностранной рабочей силы (ИРС) из стран ближнего зарубежья. В первую очередь, это экономическая составляющая. В настоящее время, основные показатели социально-экономического развития стран исхода ИРС в РБ (государства ближнего зарубежья) значительно отстают от соответствующих в других государствах постсоветского лагеря и заметно ниже, чем в советский период. Так, например, в Кыргызстане, одной из стран-доноров ИРС в РБ, вопреки политическим катаклизмам в стране (2005 – 2010 гг.), мировому экономическому кризису 2008 – 2009 гг., зафиксирован экономический рост, начиная с 2003 г. По показателям 2009 г. валовый внутренний продукт (ВВП) составил в стране 193423 млн. сомов, тем не менее, в перерасчете на курс доллара США произошло снижение ВВП на 11 % относительно уровня 2008 г.¹

В то же время, несмотря на наблюдаемые в последние 10 лет положительные тенденции роста экономики: рост ВВП, снижение инфляции и т.д., в стране нарастает проблема внешнего долга и фиксируется удорожание стоимости жизни, а рынок труда Кыргызстана сталкивается с рядом проблем:

- ◆ низкая занятость населения в стране, особенно в малых городах и на селе;
- ◆ низкие размеры оплаты труда во многих отраслях экономики страны, в т.ч. в бюджетной сфере; [6, с. 157]

¹ Примечание: на 21 мая 2013 г. курс киргизского сома к российскому рублю составляет: 100 сомов = 64,9106 р., 1 сом ≈ 0,65 руб. (коп.), а курс доллара к сому соответственно на эту же дату: 1 USD / 1 KGS = 48,2827, 1 доллар ≈ 48 сомов.

Диаграмма 2. Распределение привлеченной ИРС из дальнего зарубежья в Республику Бурятия по странам исхода (2011, в %)

- ♦ недостаточные размеры социальных выплат (пенсий, пособий, стипендий и т.д.);
- ♦ социальная незащищенность трудовых мигрантов в странах-реципиентах, в т.ч. и в России; [1, с. 81-85]
- ♦ утечка квалифицированных кадров за границу;
- ♦ несбалансированный приток внешних мигрантов в страну, что усугубляет и без того проблемную ситуацию на трудоизбыточном внутреннем рынке труда.

♦ Таким образом, вышеприведенные реалии экономики Кыргызстана в совокупности и являются главным выталкивающим фактором выезда жителей Кыргызстана в качестве иммигрантов в Россию, в том числе в Республику Бурятия, где они приобретают статус трудовых мигрантов. Ситуация на внутреннем рынке труда Кыргызстана в той или иной степени характерна и для других стран исхода трудовых мигрантов из бывших республик Средней Азии, поэтому не будем проводить подробный анализ в рамках статьи.

Для примера, приведем выдержки из прямой речи респондентов. Так, одна из экспертов, бывший трудовой мигрант из Кыргызстана, ныне гражданка России, проживающая в РБ уже около 10 лет, рассказала в интервью следующее: «У моей бабушки пенсия такая, что ее не хватает на мешок муки. Поэтому отправляю ей каждый месяц 3000 руб. На эти деньги она покупает подарки внукам и ездит по гостям».

В то же время, в ходе анализа эмпирических результатов исследования установлено, что миграционную привлекательность Бурятии для внешних трудовых мигрантов определяют не только экономические факторы, но и этническая составляющая принимающей среды (полиэтничность) и другие социокультурные особенности региона, в том числе и толерантность социума на мезо- и микроуровнях. Не менее значимым фактором мотивации приезда иностранных работников из ближнего зарубежья в Республике Бурятия выглядит и вовлеченность мигрантов в социальные сети, а также наличие в регионе-реципиенте национально-культурных обществ и землячеств, оказывающих своим соотечественникам существенную поддержку в процессе адаптации к новым условиям жизнедеятельности [2].

Рассмотрим далее, какие именно государства ближнего зарубежья являются донорами ИРС для Бурятии. В нижеследующей диаграмме представлено распределение привлеченной ИРС (трудовых мигрантов) из ближнего зарубежья в Республику Бурятия.

Анализ данных диаграммы 1 показывает, что свыше половины привлеченной в РБ ИРС составляют выходцы из Узбекистана (53,4%).

Таблица 1. Основные социально-экономические характеристики Байкальского региона

№ п.п.	Наименование региона	Численность населения на 1 января 2011 г., тыс. человек	Среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. человек	Среднедушевые денежные доходы (в месяц), руб.	Потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц), руб.	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	Валовый региональный продукт в 2009 г., млн. руб.	Основные фонды в экономике (по полной учетной стоимости; на конец года), млн. руб.
1.	Российская Федерация	142914,1	67576,7	18881	13200	20952,2	32072552,0	93186612
2.	Сибирский Федеральный Округ	19249,8	9027,0	14892	10079	18657,6	3390224,3	9071296
3.	Республика Бурятия	972,2	417,1	13998	9572	17999,7	124610,3	402856
4.	Забайкальский край	1105,7	490,1	14070	9083	18684,5	148381,8	592903
5.	Иркутская область	2427,9	1140,2	14965	9151	20475,6	455529,2	1641443

Источник: сайт Федеральной службы государственной статистики. <http://www.gks.ru>.

Второе место по этому показателю принадлежит представителям Кыргызстана (12,9%) (каждый восьмой трудовой мигрант). Количество же привлеченных трудовых мигрантов из Таджикистана составляет всего лишь 6,8 %. Существенной причиной исхода из этих государств, кроме экономической составляющей, является и вышеупомянутая нестабильная внутриполитическая и межнациональная ситуация в этих государствах. Так, например, в 2005 г. в узбекском г. Андижан состоялись массовые антиправительственные беспорядки; внутриполитическая ситуация в Кыргызстане после свержения в 2005 г. президента А.Акаева на сегодня остается все ещё напряженной, полной серьезными разногласиями и конфронтацией между различными политическими группировками.

Установлено, что каждый десятый привлеченный трудовой мигрант в Республике Бурятия, – выходец из Азербайджана (10,2). Привлеченная ИРС из Армении составляет лишь 7,6% от общего числа. По данным УФМС России по РБ, в 2011 г. в республику вообще не привлекалась ИРС из Грузии. Очевидно, поток трудовых мигрантов из кавказских республик в Бурятию в последнее время существенно сократился, что связано с относительной стабилизацией социально-экономической ситуации в этих государствах. Выходцы из Украины составляют всего 6,7% привлеченной ИРС – это объясняется географической удаленностью данного государства от территории Бурятии и тем, что лицам славянской национальности по сравнению с представителями бывших республик Средней Азии, гораздо комфортнее проживать и заниматься трудовой деятельностью в Центральной России и в крупных городах и мегаполисах европейской части России (г. Москва, Санкт-Петербург и т.д.). Этим же фактором, на наш взгляд, можно объяснить незначительное число молдавских трудовых мигрантов в структуре привлеченной ИРС в РБ (0,9%). Процент выходцев из Казахстана и Туркменистана в структуре привлеченной ИРС в РБ также крайне низок (0,6% и 0,7%).

Далее, рассмотрим географию исхода иностранных трудовых мигрантов из дальнего зарубежья в принимающий регион. При этом, фактор приграничного расположения субъекта федерации (соседство с Монголией) оказался не столь уж значимым в данном контексте. Так, например, из 4123 иностранных работников, привлеченных работодателями РБ из стран дальнего зарубежья в 2011 г., 90,3% составляют выходцы из КНР; 4,5% – из КНДР и лишь 2,6% – представителей ИРС из Монголии (см. диаграмму 2).

Для полноты анализа представим конкурентоспособность РБ как региона – реципиента трудовых мигрантов. Отметим, что несмотря на более высокие основные социально-экономические показатели в соседних регионах, для Республики Бурятия как субъекта РФ – реципиента трудовых мигрантов, выглядит существенным конкурентным преимуществом полиэтничность региона.

В подтверждение приведем основные социально-экономические характеристики в соседних регионах: Иркутской области и Забайкальском крае, которые выглядят более весомо, чем в Бурятии. Так, например, валовый региональный продукт (ВРП) в Иркутской области превышает соответствующий показатель по Бурятии в 3,6 раза [455529,2:124610,3 \approx 3,6 раза]; соответственно в Забайкальском крае – в 1,2 раза [148381,8:124610,3 \approx 1,2 раза] (см. табл.1, столбец № 8).

Тем не менее, по материалам экспертного опроса трудовых мигрантов (г. Улан-Удэ, 2012 г.) выявлено, что для большинства иностранных работников выбор Республики Бурятия в качестве региона проживания и осуществления трудовой деятельности, был обусловлен именно этнической составляющей. В частности, трудовые мигранты из Кыргызстана, включенные в исследовательское поле как эксперты, утверждали, что

**Таблица 2. Потребность в ИРС
в разрезе муниципальных образований РБ за 2011 г.**

№ п.п.	Название муниципального образования	В абсолютных числах (чел.)	В % от общего числа
1.	г. Улан-Удэ	884	80,2
2.	г.Кяхта	100	9
3.	МО «Бичурский район»	21	1,9
4.	МО «Джидинский район»	10	0,9
5.	МО «Заиграевский район»	13	1,2
6.	МО «Иволгинский район»	26	2,3
7.	МО «Кабанский район»	4	0,4
8.	МО «Муйский район»	3	0,3
9.	МО «Прибайкальский район»	26	2,3
10.	МО «Селенгинский район»	3	0,3
11.	МО «Хоринский район»	13	1,2
Итого		1103	100

Примечание: остальные сельские МО РБ не указаны в данной таблице, поскольку эти районы РБ не привлекали ИРС в 2011 г.

на решение выехать в Бурятию на заработки повлияли не только экономические причины. При этом среди значимых мотивов были названы следующие (выдержки из прямой речи респондентов): «внешняя похожесть на бурят», «нас особо не отличишь от бурят», «наши обычаи схожи» [1, с. 83.]. Комментируя приведенные высказывания, отметим, что, по всей видимости, для трудовых мигрантов этническая составляющая как мотивация для выезда в Россию (РБ) весьма значима на фоне интолерантного отношения к лицам неславянской национальности в регионах страны с численно доминирующим этносом [3, с. 50-51].

В то же время, в унисон к вышесказанному, добавим, что для внешних трудовых мигрантов весьма значимой оказалась и относительно толерантная среда проживания в национальном регионе по сравнению, например, с крупными мегаполисами России [3, с. 50-51]. В заданном ракурсе перечисленные факторы наряду с экономической составляющей и предопределяют привлекательность Республики Бурятия как региона для проживания и осуществления трудовой деятельности для ИРС.

Рассматривая привлекательность Республики Бурятия для внешних трудовых мигрантов, нельзя не остановиться на том, какие же именно анклавные зоны Бурятии выглядят в глазах иностранных трудовых мигрантов наиболее притягательными. При анализе системы расселения мигрантов на территории РБ, пользуясь общепринятой терминологией, мы выделяем анклавные зоны с повышенной привлекательностью для заселения ИРС. По установленной терминологии, анклавные зоны притяжения называют аттракторами. По допущению, это микрзоны,

которые отличаются наиболее комфортными природно-климатическими условиями, повышенной экономической привлекательностью за счет расположения предприятий, относящихся к традиционным для ИРС отраслям экономики. В то же время, существуют и микрозоны с пониженной привлекательностью, так называемые репеллеры, т.е. выталкиватели. Микрозоны – репеллеры – это микротерритории с неблагоприятными природно-климатическими условиями, удаленные от благ цивилизации, с низким уровнем инфраструктуры, с отсутствием, либо малым количеством предприятий в традиционных отраслях занятости трудовых мигрантов. Усугубляют эффект выталкивания высокий уровень интолерантности принимающего населения, а также этнокультурное разделение.

В рассматриваемом контексте, нами был проведен вторичный анализ уточненных сведений о рабочих местах, на которые предполагалось привлечь иностранных работников в 2011 г в РБ в разрезе муниципальных образований, что позволило определить микрозоны–аттракторы для привлечения ИРС в республику (см. таблицу 2).

Определено, что к микрозонам-аттракторам, по данным табл.2, можно причислить только столицу РБ – г. Улан-Удэ и приграничный город республиканского подчинения – г. Кяхту. Сельские же муниципальные образования, в целом, не обладают миграционной привлекательностью для ИРС, за исключением двух: Иволгинского и Прибайкальского (по 2,3%).

Установлено, что формирование так называемых микрозон – аттракторов на мезоуровне предопределено и спецификой отраслевой занятости ИРС, задействованной на рынке труда Бурятии. Так, причисление г. Улан-Удэ – столицы РБ к микрозонам-аттракторам объясняется тем, что интенсивное развитие города предусматривает, что он является основным муниципальным заказчиком выполнения различных работ по строительству и благоустройству инфраструктуры, жилья и социальных объектов. Выявлено, что формирование так называемых микрозон-аттракторов на мезоуровне определяется и спецификой отраслевой занятости ИРС, задействованной на рынке труда Бурятии. Эти работы выполняют свыше 100 строительных компаний, в том числе и постоянно нанимающие ИРС. Сюда же можно отнести и приграничный город республиканского подчинения г. Кяхту (где зарегистрирована фирма «Стамстрой» – крупный подрядчик строительного-монтажных работ в РБ). Из сельских же муниципальных образований к микрозонам-аттракторам можно условно отнести только Иволгинский и Прибайкальский МО, где ИРС привлекают в традиционные для иностранных работников отрасли – овощеводство и деревообработку.

Резюмируя, можно определить, что притягивающими факторами миграции в Бурятию, являются следующие:

- ◆ более благоприятная социально-экономическая ситуация в РБ по сравнению со странами исхода мигрантов из ближнего зарубежья;
- ◆ стабильная общественно-политическая ситуация в регионе;
- ◆ относительно толерантная принимающая среда;
- ◆ полиэтничность региона;
- ◆ этническая идентификация трудовых мигрантов из ближнего зарубежья, в частности, кыргызов, с местным населением;
- ◆ включенность трудовых мигрантов в социальные сети и т.д.

Литература

1. Бадмаева Л.В., Башкуева Е.Ю. Иностранная рабочая сила в Республике Бурятия: мотивация приезда и правовые основы пребывания // Проблемы народонаселения Сибири: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (г. Улан-Удэ, 14-17 июня 2012 г.). Улан-Удэ: Издательство БГУ, 2012. С. 81-85.
2. Бадмаева Л.В., Башкуева Е.Ю. Трудовые мигранты в принимающей среде: проблемы и барьеры адаптации // Межнациональные и межконфессиональные отношения в условиях глобализации: сборник научных трудов в 2 ч. Ч. 1. Улан-Удэ: Издательство БГУ, 2012. С. 251-253.
3. Бадмаева Л.В., Башкуева Е.Ю. Отношение принимающей среды региона-реципиента к иностранным трудовым мигрантам как показатель толерантности социума в Республике Бурятия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. № 4 (23). 2012. С. 47-54.
4. Ивахнюк И.В. Евразийская миграционная система: теория и политика. М.: МАКС Пресс, 2008. 192 с.
5. Каложнова Н.Я. Конкурентоспособность российских регионов в условиях глобализации. М.: Теис, 2003. 526 с.
6. Эргешбаев У.Ж. Миграция населения Киргизской Республики в Россию: социально-экономические последствия // Регион. № 2. 2009. С. 157.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Badmaeva L.V., Bashkueva E.YU. Inostrannaya rabochaya sila v Respublike Buryatiya: motivatsiya priezda i pravovye osnovy prebyvaniya // Problemy narodonaseleniya Sibiri: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (g. Ulan-Udeh, 14-17 iyunya 2012 g.). Ulan-Udeh: Izdatel'stvo BGU, 2012. S. 81-85.
2. Badmaeva L.V., Bashkueva E.YU. Trudovye migranty v primimayushhej sre-de: problemy i bar'ery adaptatsii // Mezhnatsional'nye i mezhkconfessional'-nye otnosheniya v usloviyakh globalizatsii: sbornik nauchnykh trudov v 2 ch. CH. 1. Ulan-Udeh: Izdatel'stvo BGU, 2012. S. 251-253.
3. Badmaeva L.V., Bashkueva E.YU. Otnoshenie primimayushhej sredy regiona-retsipienta k inostrannym trudovym migrantam kak pokazatel' tolerantnosti sotsiuma v Respublike Buryatiya // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. № 4 (23). 2012. S. 47-54.
4. Ivakhnyuk I.V. Evrazijskaya migratsionnaya sistema: teoriya i politika. M.: MAKS Press, 2008. 192 s.
5. Kalyuzhnova N.YA. Konkurentosposobnost' rossijskikh regionov v usloviyakh globalizatsii. M.: Teis, 2003. 526 s.
6. EHrgeshbaev U.ZH. Migratsiya naseleniya Kirgizskoj Respubliki v Rossiyu: sotsial'no-ehkonomicheskie posledstviya // Region. № 2. 2009. S. 157.

УДК 316.733

Сигидова Е.Ф.
Sigidova E.F.

Компьютерные игры как инструмент формирования межкультурной компетентности

Computer games as an instrument of formation of intercultural competence

Автор, анализируя различные компьютерные игры, показывает их коммуникативное, дидактическое и просветительское значение. Особый акцент сделан на использовании компьютерных игр как инструмента формирования межкультурной компетентности.

Ключевые слова: *глобализация, межкультурная коммуникация, компьютерные игры, межкультурная компетентность*

The author analyzes various computer games and shows their communicative, didactic and educational value. Particular attention is on the using computer games as a tool for the formation of intercultural competence.

Key words: *globalization, intercultural communication, computer games, intercultural competence*

В условиях глобализации мира все большее значение приобретает разработка новых способов коммуникации. В статье мы рассмотрим такой элемент межкультурной коммуникации, как компьютерная игра.

Проблемы формирования межкультурной компетентности сегодня выходят на первый план. Политика современных государств должна быть нацелена на воспитание умения устанавливать контакт и поддерживать коммуникацию с представителями других этнических, профессиональных, социальных и возрастных групп.

Становясь участниками любого вида межкультурных контактов, в том числе и организационных в рамках сети Интернет, люди взаимодействуют с представителями других культур, зачастую существенно отличающихся друг от друга. Отличия в языках, нормах общественного поведения, отношении к выполняемой работе, к досугу и, в частности, к игре затрудняют эти контакты. Все это обуславливает необходимость поиска «инструмента» («площадки»), способствующего знакомству с культурами и их представителями.

Значение игры (в частности, компьютерной) в культуре подчеркивалось многими европейскими философами и культурологами. Умберто Эко [23], Ханс-Георг Гадамер [12, с. 146-156], Эйген Финк [18, с. 357-403] усматривают источник культуры в способности человека к игровой деятельности. Игра в этом смысле оказывается предпосылкой происхождения культуры. Юрий Лотман писал, что особая психическая установка играющего, который одновременно и верит и не верит в реаль-

ность разыгрываемого конфликта, двуплановость его поведения роднят игру с искусством [14, с. 80-85]. Эстетическую значимость игры отмечает В.В. Бычков [20, с. 187]. Игровая концепция культуры целостно была сформулирована нидерландским историком и философом-идеалистом Йоханом Хейзингой (1872 – 1945 гг.) в работе, «Homo Ludens; Статья по истории культуры» [19].

Игра – это, прежде всего, свободная деятельность. Она не есть «обыденная» жизнь и жизнь как таковая. Все исследователи подчеркивают незаинтересованный характер игры. Так же необходимо отметить, что игра не отделена четкой границей от окружающей практической жизни, существуют переходные формы от игры к труду, искусству, спорту. Это наделяет ее еще большим потенциалом для исполнения роли инструмента межкультурного взаимодействия.

Компьютерная игра является одним из составных элементов виртуальной культуры, ставшей в наши дни полноправным способом коммуникации. Мы пользуемся определением виртуальной культуры, данным директором Института истории и международных отношений СГУ профессором, доктором экономических наук Татьяной Викторовной Черевичко: «Виртуальная культура – это действительная культура, но культура эфемерного, где реальность полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир. Но это и не фантазии, это действительная созидательная сила, поскольку помимо визуальных переживаний, она дает и информацию для познания культурного пространства. В виртуальном мире внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, они сами становятся знанием и опытом познания» [21, с. 105-112].

Важной характеристикой виртуальной культуры является ее мозаичность, сложившаяся из-за особенностей процесса познания, структурирования информации и ее отбора исходя из социального опыта индивида. На данный момент виртуальная культура представляет собой сочетание подчас случайных элементов культур разных народов и эпох, частично закрепляющихся в сознании индивидов, но не образующих целостного знания.

Но, что более важно, отмечает кандидат культурологии Елена Людвиговна Яковлева, «игра нередко выполняет функции тренировки способностей, необходимых для реализации в серьезном деле, упражнения в самообладании» [24, с. 150-155].

Важен и такой аспект игры, как компенсация того, что человек не обнаруживает в реальной жизни. Таким образом, игра присутствует в человеческой реальности, но всегда в той или иной мере дистанцируется от повседневности, а игровое состояние всегда есть преобразование окружающего мира. Все средства и опыт культурной жизни человечества бросаются на решение грандиозной задачи – превратить непосильные человеку вещи в символические игрушки. Границы и сложность игры устанавливаются произвольно – соразмерно конкретному человеку, его возможностям, желаниям и воле. Человек сам своей личностью и своими правилами устанавливает соразмерность. Таким образом, игра создает равносильный действительному, но не равный ему по гигантским размерам и разнообразию символический мир.

По мнению Коськова, «с развитием средств массовой информации угасает дидактическое, просветительское значение игры и становится все более актуальной ее функция обеспечения групповых неформальных контактов, живого, непосредственного общения, дефицит которого – одна из особенностей НТР» [13, с. 24]. Последнее обстоятельство заставляет обратиться к играм именно с точки зрения их коммуникатив-

ного потенциала, возможностей неформальных групповых контактов в процессе и по поводу игры.

Игровой опыт не передается словами и не вербализируется, потому он всегда соотнесен с личностными ощущениями, переживаниями, размышлениями. Игра динамична, но не только как постоянно изменяющееся действие, а еще как хрупкое соединение смыслов и значений, придаваемых тем или иным действиям и отношениям, которые легко трансформируются в иные. Игра многомерна, так как ей чужда линейная односторонность. В ней органично сочетаются и уживаются ценностное, эмоционально-волевое, интеллектуальное и действенное «измерения», реализуемые через игровую деятельность, игровое сознание и игровые отношения, которые считаются важнейшими элементами структуры бытия игры.

Компьютерные игры – это неформатная площадка, объединяющая игроков – представителей разных социальных групп, этносов, культур.

Изучая различные компьютерные игры, мы пришли к выводу, что данный вид игр может иметь дидактическое и просветительское значение – и, соответственно, может стать такой площадкой. Игры, грамотно отражающие культурные особенности различных этносов, дадут игроку наглядные представления о национальной истории, культуре и менталитете, обычаях и верованиях (см. онлайн-игру «Аллоды Онлайн», которую можно охарактеризовать как MMORPG с «русским духом» [10]). Такой способ отражения национальной культуры может использоваться и в целях формирования межкультурной компетентности. Учитывая популярность компьютерных игр, ознакомление с культурными особенностями различных национальностей будет происходить весьма эффективно.

Роль компьютерных игр в процессе межкультурного взаимодействия нам видится в улучшении понимания культуры изучаемой страны. Ко всему прочему, компьютерные игры, в частности, онлайн-игры – это увлекательная платформа для общения. Используя эту платформу, можно наладить межкультурную коммуникацию на новом уровне, укрепить чувство единства игроков – представителей разных стран, что в определенной степени, перенесется и на реальную жизнь.

Для того чтобы компьютерная игра стала для игрока инструментом межкультурного взаимодействия, мотивом к игре должно служить не только желание проведения досуга, но и желание знакомства с культурой чужой страны. При этом предоставляемая игроку визуальная, вербальная или иная информация должна грамотно и наглядно передавать мировоззренческие, исторические и другие особенности воссоздаваемой в пространстве игрового мира культуры.

Итак, мы подошли к описанию модели компьютерной игры, которая являлась бы элементом межкультурной коммуникации. Остановимся подробнее на приведенных выше ключевых элементах, которые должны быть проработаны в такой игре.

1. *Космогония*: божественные силы или природные процессы, которые привели к созданию мира. А также его физическая основа: «планета земного типа» или «плоский мир на трех слонах, стоящих на спине кита», и т.д. В случае, когда речь идет о нестандартной модели вселенной, могут потребоваться достаточно подробные разработки и описания, подчас даже научные (или псевдонаучные) выкладки.

К примеру, в MMORPG (массовая мультиплеерная онлайн-ролевая игра). Данный вид игры предполагает обязательное подключение к интернету, а также общение между игроками и совместное прохождение ими игровых заданий. В игре «Аллоды Онлайн» [11] мы обнаруживаем расколотый мир, в котором осколки (аллоды) плавают в безвоз-

душном пространстве. Но так было не всегда, «тысячи лет назад Сарнаут был цветущей планетой. Великий Катаклизм, расколовший мир на аллоды, навсегда изменил привычный уклад» [9].

В самой игре и на сайтах, посвященных ей, мы обнаруживаем достаточно подробное описание космологии мира: «До Катаклизма существовало несколько континентов, отличающихся друг от друга, как климатом, так и представленными на них расами и государствами. Одним из главных континентов был Йул – самый большой из континентов и самый густонаселенный. Географически Йул располагался в южном и северном полушариях планеты, на его территории были представлены почти все климатические пояса. Именно на Йуле возникли первые очаги цивилизации людей». События, приведшие к расколу мира, окутаны мифами и легендами: «Причины Катаклизма, расколовшего мир на аллоды, – ещё один повод для споров, на этот раз споров магов и учёных. Официальной считается позиция, высказанная Конклавом Великих магов и объясняющая Катаклизм самой природой мироустройства: «... Истоком всему был астрал – магическая субстанция, несущая в себе созидательное и разрушающее начало, что суть одно и то же» [9]. Мифы и легенды – еще один элемент, который необходимо проработать для того, чтобы создать интересующую нас игру.

2. *Легенды и истории мира.* От начала сотворения и заселения его обитателями до «современности» — момента, в который начинается игра или сюжет произведения. Легенды могут быть представлены как в качестве хронологической таблицы, так и в качестве дополняющих ее записей, комментариев, даже отдельных художественных произведений, иллюстрирующих ключевые моменты истории.

Примечателен пример серии игр «The Elder Scrolls» [5], поражающий целостностью и проработанностью игрового мира. «За время, прошедшее с выхода первого тома серии, разработчики скрупулезно проработали каждую веку истории Тамриэля, что удивительным образом сказалось на игре. Мир обрел целостность, атмосферу» [16]. По всем играм серии традиционно раскиданы многочисленные книги, в массе своей, совершенно не влияющие на текущий игровой процесс, но раскрывающие и дополняющие историю мира Тамриэля. Здесь каждая провинция, каждая хоть сколько-нибудь значимая личность, каждая, пусть даже самая незначительная, организация, имеет свою подробную и, как правило, интересную историю.

В легендах, истории, а также, современности игрового мира, мы можем встретить известных героев и злодеев: персонажей, которые влияли на развитие событий в мире. Их описанию так же необходимо уделить должное внимание.

Планета и ее жители, изменения, происшедшие в ее виде и в их судьбах, находят свое описание не только в истории мира, но и в ее географии.

3. *География мира.* Количество континентов, их описание, соотношения воды и суши — и многие другие сведения, которые позволят представить мир вторичной реальности.

В качестве примера возьмем вселенную Warcraft [6], большая часть описанных событий которой происходит на планете Азерот, напоминающей Землю.

«Мир Азерота включает в себя три крупных континента: Калимдор, Восточные королевства и Нордскол. Массив Восточных Королевств включает в себя два субконтинента – южный (на нем находятся государства Азерот и Хаз Модан) и северный континент Лордерон. Помимо этих континентов, в Азероте также расположены два крупных острова – Кезан (земля гоблинов) и Зандалар – родина цивилизации троллей.

Континенты и острова окружены Великим Морем. В середине Великого Моря находится бесконечный водоворот Маэльшторм, за которым расположен подводный город Назджатар, родина наг» [8].

Игровой мир, как правило, делится на структурные части, часть из которых доступно для посещения игроками, а часть несет декоративную функцию. Доступные для посещения части принято называть локациями.

4. *Основные локации мира.* Попадая в литературный или игровой мир, читатели или игроки путешествуют по конкретным локациям. На их проработку уходит больше всего времени и ресурсов у авторов вторичной вселенной. Но результаты этой работы порой впечатляют: мы можем прийти в несуществующий город и часами общаться с несуществующими персонажами, гулять по улицам, рассматривать дома и достопримечательности, исследовать древние руины или просто устроить пикник на склоне холма: полностью погрузиться в атмосферу игры или книги.

Локации прорабатываются в каждой компьютерной игре, однако большее признание игроков получают, как правило, миры без ограничений свободы передвижения по ним. К таким мирам относятся *WOW*, *Fallout*, *The Elder Scroll* и многие другие.

5. *Биосфера.* В ряде случаев миры обладают уникальной биосферой. Например, это планета-пустыня, в которой величайшая ценность – вода. Или наоборот, мир холода и льда, где люди с огромным трудом поддерживают огонь и величайшим даром считают тепло. В столь непохожих мирах обитают совершенно разные создания — животные, растения, монстры и волшебные существа.

Это лучше всего продемонстрировать на примере цивилизации «*Fallout*» [2]. Мир, созданный в игре, медленно возрождается после ядерной войны. Большая часть планеты превратилась в выжженную безжалостным солнцем пустыню, окружающей среде нанесен огромный урон. Благодаря радиации на свет появились различные виды животных-мутантов, населяющих пустоши. Мутациям подверглась и часть людей. Различают гулей (внешне похожих на зомби, хорошо переносящих радиацию и являющихся долгожителями) и супермутантов (существа огромного роста и физической силы, но с низким интеллектом).

Однако гораздо чаще в играх мы можем встретить вариации распространённых фантазийных рас гуманоидов.

6. *Расы мира.* Эльфы или люди, гуманоиды с собачьими головами или разумные насекомые — кто населяет мир и правит им, кто занимает высшее место в пищевой пирамиде? Расы многообразны, и даже если автор мира прибегает к распространённым штампам, каждый интересный мир привлекателен своими уникальными народами, которые населяют его.

Вторичная реальность *The Elder Scrolls* [5] насчитывает 4 группы рас, в общей сложности – 23. Примечательны аргониане (люди-рептилии) и каджиты (человекообразные кошки). Первые обладают естественным иммунитетом к болезням и ядам, могут дышать под водой и отлично взламывают замки. Кожа аргониан покрыта чешуей, и они могут плавать быстрее, чем представитель любой другой расы. Также аргонианам приписывается особая мудрость. В свою очередь, Каджиты отличаются умом, проворством, ловкостью и акробатическими способностями. Все представители этой расы умеют видеть в темноте. Имена каджитов часто содержат букву «P» и апострофы, нередко обозначающие их род занятий, возраст или положение в обществе. Средняя продолжительность жизни каджита – около 150 лет.

7. *Язык*. Если есть народы и нации, значит, существуют различные языки, культуры и общества. Описать их — хотя бы в общих чертах — задача создателя виртуальной вселенной.

Так, мир World of Warcraft [7] богат на языки и наречия. Известно несколько десятков языков, часть из которых была принесена в Азерот из иных миров, часть зародилась или образовалась из других языков самостоятельно. Для рас Альянса общим языком является Всеобщий язык, для рас Орды — Орочий.

Для того чтобы показать проработанность языковой составляющей игровых рас в данной игре, приведем описание одного из таких языков: «Талассийский (англ. Thalassian) — язык высших эльфов, полу-эльфов и эльфов крови. Существуют письменный и разговорный эквиваленты. Как и назджа, талассийский образовался от дарнасского языка. Происхождение одного языка от другого почти забыто, однако вполне вероятно, что некоторые слова могут иметь сходные значения в обоих языках. Древние слова дарнасского могут перекликаться с современным талассийским» [17].

Создателями WOW были проработаны такие элементы игрового языка, как словообразование, грамматика, крылатые выражения и другое.

8. *Культура*. Все вышеперечисленные элементы, так или иначе, знакомят игрока с культурой представленных в игре рас. Однако для того, чтобы игра стала транслятором ментальных и культурных особенностей, при создании игровой вселенной необходимо учесть и такие элементы, как творчество, мода, привычки, стереотипы поведения и прочие культурные составляющие.

Например, «Аллоды Онлайн» демонстрируют игрокам архитектуру некоторых строений, характерную для определённых периодов развития России. Кания напоминает о древней Руси, а Хадаган — явный намёк на тоталитарный строй сталинской эпохи [11].

Качественную разработку политического устройства и религии лучше всего продемонстрировать на примере игры Morrowind [3] из цикла The Elder Scrolls. Официально, в Морроувинде исповедуются две религии: Храм Трибунала и Имперский Культ, однако, существуют и неофициальные религии и культы. Имперский культ — это официальная религия Империи. Имперский культ поклоняется Девяти Богам: Аэдрам Акатошу, Дибелле, Аркею, Зенитару, Маре, Стендарру, Кинарету и Юлианосу, и Тайберу Септиму, основателю и покровителю Империи. В Морроувинде культ существует для чужеземцев, а также в миссионерских целях, и несет просветление язычникам-данмерам.

Говоря же о политическом устройстве, представленном в игровом мире, необходимо отметить его сходство с конфедерацией, причём члены этого образования (дома) пользуются большой долей автономии. Во главе государства находится король, который не позволяет домам сцепиться между собой, следит за балансом и налогообложением. Также существует Совет Великих Домов, занимающийся, в числе прочего, заключением договоров и союзов, — в остальном дома ведут свою политику, направленную исключительно на благо себе, а не Морроувинду (государству) в целом.

Таким образом, нами приведен перечень элементов, проработка которых необходима для создания интересного и достоверного игрового мира. Данный перечень не претендует на статус исчерпывающего. Не вошедшие в него элементы были приняты нами, как не имеющие приоритетного значения для создания модели компьютерной игры — инструмента межкультурного взаимодействия.

Создание такого инструмента станет возможным, если при разработке игры, транслирующей особенности той или иной культуры, учесть выделенные нами элементы. В результате мы получим вторичный мир, который будет ценен для множества других людей своими коммуникационными, дидактическими, эстетическими, развлекательными и прочими элементами.

Далее мы обратимся к опросу интернет-аудитории для получения сведений об их отношении к компьютерным играм как к инструменту, обучающему другой культуре.

В целях исследования оценки людьми дидактического потенциала компьютерных игр, выступающих в качестве инструмента межкультурного взаимодействия, было проведено анкетирование пользователей русскоязычной части глобальной сети Интернет.

Опрос проводился с февраля по март 2013 года при помощи интернет-ресурсов: Социальная сеть «ВКонтакте» <http://vk.com>, Социальная сеть «Мой мир» <http://my.mail.ru>, Компьютерный портал «Ru-Board» <http://forum.ru-board.com>, Форум 4GAME <https://4gameforum.ru>, Форум Online Game Library <http://forum.ogl.ru>, Форум журнала "Игромания" <http://forum.igromania.ru>. В анкетировании приняли участие 250 человек. Ниже приведена общая характеристика респондентов (по данным опроса).

Возраст: до 13 – 0%; от 13 до 15 – 3,2%; от 16 до 18 – 6,8%; от 19 до 23 – 55,6%; от 24 до 30 – 24%; более 30-ти – 10,4%.

Национальность: русский – 91,6%; украинец – 5,2%; другая – 1,2%; литовец – 0,8%; татарин – 0,4%; россиянин – 0,4%; латыш – 0,4%.

Пол респондентов: мужской – 56,4%; женский – 43,6%.

Как показывают результаты исследования интернет-аудитории, компьютерные игры рассматриваются людьми в качестве увлечения, обладающего большой популярностью, которое может быть использовано в качестве обучающего инструмента.

На вопрос «*Играете ли вы в компьютерные игры?*» – 59,8% опрошенных ответили утвердительно в обоих представленных в вопросе случаях – «онлайн- и в оффлайн-игры», 17,8% указали себя игроками «только в онлайн-игры», 15,2% – играют, напротив, «только в оффлайн-игры». «Нет, не играю» ответили 5,2% участвовавших в опросе. Приверженцами «только в игр в социальных сетях» отметили себя 2%.

Вопрос «*Сколько времени вы проводите за компьютерными играми?*» подтвердил популярность этого вида деятельности. Так, 43,2% аудитории указали, что играют «3 и более часа в день». «1-2 часа в день» играют 20,4% опрошенных. Вариант игры «пару раз за неделю» выбрали 12,4%, «изредка захожу в игру» – 12,8% респондентов. Затруднились ответить 3,6%. Лишь 0,4% людей, принимавших участие в исследовании, указали вариант ответа «не играю». Тремя респондентами в поле «другое» было указано, что количество времени, которое они проводят за компьютерными играми, зависит от наличия у них свободного времени.

Из приведенных выше данных (высокий показатель популярности компьютерных игр, а также, количество времени, которое игроки проводят за играми), мы приходим к выводу о высоком значении компьютерных игр в жизни человека.

Большинство опрошенных (69,2%) считает, что компьютерные игры дают им «возможность отвлечься от обыденности, отдохнуть», 12,4% ставят в приоритет «общение с друзьями по игре». «Новые знания, расширение кругозора» – как следствие своей игры в компьютерные игры отметили 6% респондентов. Затруднились ответить на вопрос 3,2% аудитории. 2,4% респондентов указали «все вышеперечисленные варианты». Вызывают интерес ответы, указанные в поле «другое»: «то же самое, что

дают нам произведения литературы или кинематографа», «возможность отвлечься от реального мира, общение с людьми, расширение кругозора» и «все варианты». И еще «незабываемые впечатления от самого игрового мира».

Таким образом, мы видим, несмотря на то, что в опросе речь шла об уже существующих играх (а не о специально разработанных компьютерных играх, обладающих дидактическим потенциалом), существует процент людей, отметивших, что играя, они получают новые знания и расширяют свой кругозор.

Отметим, что опрошенная аудитория показывает высокую степень «компьютерной грамотности» в сфере компьютерных игр. В опросе было предложено выбрать направление компьютерных игр, к которому респондент имеет особую приверженность. Самым популярным направлением оказалось «RPG (в т.ч. MMORPG)» (45,6%), на втором месте – «Action (Шутер, Файтинг и т.д.)» с показателем в 13,2%, третье по популярности направление (5,6%) – «Казуальные (Аркады, «Я ищу», Тетрис, «Офисные игры», «игры в соц. сетях) и т.д.». 4,8% аудитории указали вариант «стратегия», 4,4% – «квест», 2,4% – «симулятор». Вариант «другое» выбрали 4,8% респондентов. «Все направления» были указаны 16,8% аудитории, затруднились ответить лишь 2,4%.

Компьютерные игры формируют целый пласт знаний, которые без труда усваиваются игроками. Так, показатель степени узнаваемости предложенных респондентам примеров конкретных популярных компьютерных игр оказался высоким. По результатам вопроса: «Какие из перечисленных компьютерных игр вы знаете, видели, и можете отличить от других? Перечислите несколько игр, не вошедших в список», – игра «World of Warcraft» была указана 71,6%, «Lineage II» – 57,2%, «The Elder Scrolls» – 52,4% аудитории. Чуть менее узнаваемыми оказались «Fallout» (48%) и «Аллоды Онлайн» (32%). Наименьшей узнаваемостью среди опрошенных пользовалась игра «World of Tanks» (11,2%). Среди не вошедших в список игр (указывались в поле «другое») лидирует «Aion» – её указали 44 респондента.

На вопрос «Знаете ли Вы различные игровые расы, можете ли рассказать об их особенностях?» большинство опрошенных ответили утвердительно. Так, 25,2% указали вариант ответа «да, знаю о большом количестве рас из разных игр», 36,4% было выбрано «да, знаю, но подробно – только о расах из своей любимой игры». Вариант «да, знаю, но рассказать смогу только о самых известных расах (орки, эльфы, тролли, гоблины)» назвали 15,6%. Количество людей, указавших ответ «имею смутное представление», составило 12,4%, отрицательный ответ дали 9,2% опрошенных. Один из респондентов отметил: «знаю, но мое знание скорее из книг, чем из игр».

Вопрос «Интересуетесь ли вы историей игрового мира, его мифами и легендами?», в целом, дал положительные результаты. Более половины респондентов ответили утвердительно. Из них 37,6% выбрали вариант ответа «Да, узнаю об этом в игре (из сюжета, игровых диалогов, игровых книг и т.д.)», 18% – «Да, дополнительно читаю об игре на форумах и сайтах, посвященных игре». Еще 26,4% респондентов интересуются историей игрового мира «отчасти». Отрицательный ответ дали 16,4% аудитории.

Как показывает наше исследование, игроки проявляют большой интерес к игровому миру, его истории и мифологии. Высок и процент респондентов, изучающих игровой мир не только непосредственно в игре, но изучающих информацию об игре в дополнительных источниках.

Результаты анкетирования показали также и заинтересованность опрошенных в обучении другой культуре посредством компьютерных

игр. 32,8% респондентов указали, что им была бы интересна такая форма обучения. 44,4% ответили «да», с акцентированием на том, чтобы такой процесс обучения «не был скучным». Вариант «отчасти» указали 15,2%. Отрицательный ответ дали 5,6% опрошенных. Одним из респондентов в поле «другое» был указан ответ: «интересно узнавать о разных культурах, особенно о старинных, при этом проходя игру – куда интереснее, чем просто читать скучный серый текст».

Респонденты показали, в целом, положительное отношение к компьютерной игре как к обучающему инструменту. На вопрос «Считаете ли Вы, что компьютерные игры способны дать знания о другой культуре?» более половины респондентов дали утвердительный ответ. 47,2% из них отметили, что знания о другой культуре могут быть получены «через хорошо проработанный игровой мир, игровые классы, историю мира и т.д.», 26% – что «через общение представителей разных культур в онлайн-играх». Отрицательный ответ на вопрос выбрали 19,6% участников анкетирования. 4,8% затруднились ответить. В поле ответа «другое» заслуживающими внимания нам кажутся следующие ответы: «Играя в АссасинКрид (Assassin's Creed (прим. автора) я узнал об истории больше, чем за 11 лет школьной жизни», «[такая возможность] зависит от создателя игр, теоретически "да"», «одни [знания будут получены] – через [игровой] мир, другие – благодаря общению».

Следующий вопрос задавался только респондентам, указавшим, что компьютерные игры не способны дать знания о другой культуре, и призывал указать причину, по которой они имеют такое мнение. 49,13% указали, что «нельзя относиться к компьютерным играм серьезно», 12,61% – что «проработать игровой мир на основе реально существующих культур слишком сложно». 4,78% отвечающих на данный вопрос указали, что такое обучение не сможет заинтересовать многих людей. 17,83% затруднились ответить. В поле «другое» были указаны следующие ответы: «потому что основной контингент игроков – несовершеннолетние дети, которым на культуру, религию и все, что с этим связано – наплевать»; «проблема в постановке вопроса: сделать игру слишком похожей на реальность или с откровенным уклоном в обучение – она будет скучна»; «Разработчики игр стремятся к зрелищности, а не правдоподобию (о реально существовавших культурах)»; «основная цель игры – привлечение для большей продажи, это в основном какой-то экшн, хорошая графика. Если тратить деньги еще и на проработку реальных культур – процесс длительный и затратный! К тому же, лишь на реалиях построить игру – значит отказаться от чего-то захватывающего для игроков, поэтому возможно уже переплетение реалий и мистики, что в итоге не акцентирует внимания игроков на знакомство с культурой и историей! Но это – в общем, а исключения возможны».

Таким образом, даже среди респондентов, придерживающихся отрицательного отношения к компьютерным играм как к инструменту обучения другой культуре, не существует единой позиции.

На вопрос «*Есть ли смысл развивать компьютерные игры как инструмент обучения?*» распределение мнений оказалось следующим: большинство высказалось утвердительно. Из них 37,2% выбрали вариант ответа «да, это позволило бы совмещать приятное с полезным», 36% – «да, это позволит сделать обучение более привлекательным для молодежи». Не разделяют позицию большинства 17,2% опрошенных – они выбрали вариант ответа «нет, это не целесообразно». Затруднились ответить 3,6% респондентов. Из ответов, указанных в поле «другое» примечательны следующие: «смысл есть, важно не переборщить. Как один из элементов обучения»; «Идея Медведова с MMORPG по истории России

– очень даже ничего, грамотно бы только реализовать»; «да, но как отдельный жанр игр. С соответствующей пометкой».

Подводя итоги, можно утверждать, что компьютерная игра как увлечение имеет большую популярность. Дидактический потенциал игр подтверждается высокой степенью компьютерной грамотности в сфере компьютерных игр, а также, заинтересованностью игроков в изучении игрового мира, включая и его культурные особенности. Отношение респондентов к компьютерным играм как к инструменту обучения другой культуре оценивается нами как положительное.

На основании вышеизложенного мы можем заключить, что компьютерная игра, грамотно отражающая культурные особенности, предложенная игрокам в качестве обучающего инструмента, вызовет у них положительное отношение.

Вышеперечисленные выводы позволяют нам заключить, что компьютерные игры обладают потенциалом для осуществления обучения иной культуре. Результаты исследования рекомендуются нами к использованию при разработке компьютерных игр (и ролевых игр вообще). Содержание таких игр предполагает выполнение ими дидактической функции и обучение игроков другой культуре. Применение полученных нами данных позволит выработать гибкий и нетривиальный инструмент обучения межкультурной компетентности. Использование результатов данной работы видится нам также и в разработке компьютерной игры, объединяющей игроков – представителей разных стран и культур.

Литература

1. Азерот // Официальная энциклопедия WarCraft [Электронный ресурс]. URL: <http://us.battle.net/wow/en/game/guide/> (дата обращения: 20.04.2013 г.).
2. Аллоды Онлайн. Библия мира [Электронный ресурс]. URL: <http://allods.mail.ru/about.php?show=bible> (дата обращения: 20.04.2013 г.).
3. Аллоды Онлайн. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://allods.mail.ru/> (дата обращения: 20.04.2013 г.).
4. Аллоды Онлайн: многопользовательская ролевая онлайн-игра. Разработчик – Astrum Nival, Россия. 2009.
5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988.
6. Косьюков М.А. К теории чистой игры // *Studia culturae*. Выпуск 3. Альманах кафедры философии культуры и культурологии и Центра изучения культуры философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2002.
7. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: 1970.
8. Полевой дневник автора (данные анкетного опроса интернет-аудитории)
9. Сенюк С. На просторах Тамриэля // Сайт журнала «Мир фантастики» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mirf.ru/Articles/art74.htm/> (дата обращения: 20.04.2013 г.).
10. Талассийский язык // World of Warcraft Roleplay Wiki. Энциклопедия о вселенной Warcraft [Электронный ресурс]. URL: http://rpwiki.ru/%D0%A2%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA (дата обращения: 20.04.2013 г.).

11. Финк Э. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. Сост. Гуревич П.С. М.: Прогресс, 1988. С. 357-404.
12. Хейзинга Й. Homo ludens. М. Прогресс-Традиция, 1997. 416 с
13. Художественно-эстетическая культура XX века. / Под ред. Бычкова В.В., М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 607 с.
14. Черевичко Т.В. Туризм в контексте информационной экономики // Туризм и культурное наследие. Сб. статей. Саратов: СГУ. 2003.
15. Шилов Н. The Elder Scrolls V: Skyrim. Легенда продолжается // «Ферра. Ру». Электронное периодическое издание [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ferra.ru/ru/soft/review/The-Elder-Scrolls-5-Skyrim/> (дата обращения: 20.04.2013 г.).
16. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. СПб., 2004.
17. Яковлева Е.Л. Игра – уникальный феномен культуры // Вестник ОГУ. 2010. № 7(113).
18. Fallout 3: компьютерная игра в жанре Action/RPG, третья игра в серии Fallout. Разработчик – Bethesda Game Studios, США. 2008.
19. Fallout. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://fallout.bethsoft.com/rus/home/home.php?country=ru> (дата обращения: 20.04.2013 г.).
20. The Elder Scrolls III: Morrowind. Компьютерная ролевая игра в жанре фэнтези. Разработчик – Bethesda Game Studios, США. 2002.
21. The Elder Scrolls. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elderscrolls.com/> (дата обращения: 20.04.2013 г.)
22. The Elder Scrolls. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elderscrolls.com/> (дата обращения: 20.04.2013 г.).
23. World of Warcraft. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://eu.blizzard.com/ru-ru/games/wow/> (дата обращения: 20.04.2013 г.).
24. World of Warcraft: многопользовательская ролевая онлайн-игра. Разработчик – Blizzard Entertainment, США. 2004.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Azerot // Ofitsial'naya ehntsiklopediya WarCraft [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://us.battle.net/wow/en/game/guide/> (data obrashheniya: 20.04.2013 g.).
2. Allody Onlajn. Bibliya mira [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://allods.mail.ru/about.php?show=bible> (data obrashheniya: 20.04.2013 g.).
3. Allody Onlajn. Ofitsial'nyj sajт [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://allods.mail.ru/> (data obrashheniya: 20.04.2013 g.).
4. Allody Onlajn: mnogopol'zovatel'skaya rolevaya onlajn-igra. Razrabotchik – Astrum Nival, Rossiya. 2009.
5. Gadamer KH.-G. Istina i metod. M., 1988.
6. Kos'kov M.A. K teorii chistoj igry // Studia culturae. Vypusk 3. Al'manakh kafedry filosofii kul'tury i kul'turologii i TSentra izucheniya kul'tury filosofskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. SPb., 2002.
7. Lotman YU.M. Struktura khudozhestvennogo teksta. M.: 1970.
8. Polevoj dnevnik avtora (dannye anketnogo oprosa internet-auditorii)
9. Senyuk S. Na prostorakh Tamriehlya // Sajт zhurnala «Mir fantastiki» [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.mirf.ru/Articles/art74.htm/> (data obrashheniya: 20.04.2013 g.).
10. Talassijskij yazyk // World of Warcraft Roleplay Wiki. EHntsiklopediya o vselennoj Warcraft [EHlektronnyj resurs]. URL: http://rpwiki.ru/%D0%A2%D0%B0%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA (data obrashheniya: 20.04.2013 g.).

11. Fink E.H. Osnovnye fenomeny chelovecheskogo bytiya // Problema cheloveka v zapadnoj filosofii. Sost. Gurevich P.S. M.: Progress, 1988. S. 357-404.
12. KHyojzinga J. Homo ludens. M. Progress-Traditsiya, 1997. 416 s
13. KHudozhestvenno-ehsteticheskaya kul'tura XX veka. / Pod red. Bychkova V.V., M.: «Rossijskaya politicheskaya ehntsiklopediya» (ROSSPEHN), 2003. 607 s.
14. CHerevichko T.V. Turizm v kontekste informatsionnoj ehkonomiki // Turizm i kul'turnoe nasledie. Sb. statej. Saratov: SGU. 2003.
15. SHilov N. The Elder Scrolls V: Skyrim. Legenda prodolzhaetsya // «Ferra. Ru». EHlektronnoe periodicheskoe izdanie [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.ferra.ru/ru/soft/review/The-Elder-Scrolls-5-Skyrim/> (data obrashheniya: 20.04.2013 g.).
16. EHko U. Otsutstvuyushhaya struktura. Vvedenie v semiologiyu / U. EHko. SPb., 2004.
17. YAkovleva E.L. Igra – unikal'nyj fenomen kul'tury // Vestnik OGU. 2010. № 7(113).
18. Fallout 3: komp'yuternaya igra v zhanre Action/RPG, tret'ya igra v serii Fallout. Razrabotchik – Bethesda Game Studios, SSHA. 2008.
19. Fallout. Ofitsial'nyj sayt [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://fallout.bethsoft.com/rus/home/home.php?country=ru> (data obrashheniya: 20.04.2013 g.).
20. The Elder Scrolls III: Morrowind. Komp'yuternaya rolevaya igra v zhanre fehntezi. Razrabotchik – Bethesda Game Studios, SSHA. 2002.
21. The Elder Scrolls. Ofitsial'nyj sayt [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.elderscrolls.com/> (data obrashheniya: 20.04.2013 g.).
22. The Elder Scrolls. Ofitsial'nyj sayt [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.elderscrolls.com/> (data obrashheniya: 20.04.2013 g.).
23. World of Warcraft. Ofitsial'nyj sayt [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://eu.blizzard.com/ru-ru/games/wow/> (data obrashheniya: 20.04.2013 g.).
24. World of Warcraft: mnogopol'zovatel'skaya rolevaya onlajn-igra. Razrabotchik – Blizzard Entertainment, SSHA. 2004.

УДК 327.8, 355.015

Ячин С.Е.
Yachin S.E.

Христианская культурная парадигма

The Christian cultural paradigm

В статье речь идет о христианском культурном наследии в его парадигмальном измерении, т.е. как о наследуемом способе мышления, способе постановки и решения жизненно важных для человека задач, относительно независимо от самого содержания христианского вероучения. Автор показывает, как мыслимое в христианской культуре событие Боговоплощения формирует особую парадигму мышления, для которой характерно отношение к явлению как откровению сущности. Эта парадигма мышления делает возможным становление европейской науки как экспериментально-теоретического естествознания и других специфичных форм культурной и социальной жизни.

Ключевые слова: культурная парадигма, христианская культура, структура мышления, европейская наука, метакультурный подход

The article considers the Christian cultural heritage in its paradigmatic dimension dealing with it as with a tradition of thinking, of asking questions crucial to humanity and giving answers to these questions. This approach has come to be relatively independent from the actual content of the Christian doctrine and faith. The author shows how Incarnation, the event central to Christian culture, generates this special paradigm of thinking, where phenomena are seen as revelations of the essence. This thinking paradigm makes possible the formation of European science as experimental theoretical science and other specific forms of social and cultural life.

Key words: Cultural paradigm, Christian culture, the structure of thought, European science, metacultural approach

Введение

Данная статья продолжает ранее поднятую нами тему культурной парадигмы, как особого измерения логики культуры [13]. Основная идея парадигмального подхода к осмыслению исторического истока и особенностей родовых культур, т.е. культур способных устойчиво воспроизводить себя в истории, состоит в том, что только наличие *поучительного примера, образца* (таково буквальное значение – *παράδειγμα*), а в общем случае таковыми являются деяния исторического лица (гения рода или героя), т.е. лица, которое имеет своих последователей, только это и обеспечивает жизненность культуры. Для последователей парадигма обязана иметь статус конкретного исторического События, «события, которое понуждает решиться на *новый способ быть*» [4, с. 64], поскольку она предлагает новый способ самопонимания человека. В конечном ито-

ге коренное различие родовых культур основано на разном понимании *идеально должного* для человека. Культура решает, каким должно быть образцовое человеческое бытие. Этот образец может быть только живым и конкретным, иначе он не будет «работать». Чем более *живым* для современников является образец, тем устойчивей будет культурная традиция (тем больше у него будет последователей), тем более жизненной будет культура. По этой причине каждая культура «заинтересована» в том, чтобы у неё были свои *гении рода* и *герои*, в том числе целенаправленно (идеологически) формируя для этого тот или иной культ. В общем случае *хранение образца* лежит в основе устойчивости любой культурной традиции. Это утверждение является тривиальным в той части, что оно соответствует обычному опыту жизни каждого человека. Мы хорошо знаем, что воспитательный эффект имеет почти исключительно живой пример, а не разного рода «поучения». Сами по себе «поучения» мало значимы, но если они имеют в виду, опираются на живой пример – то их значение становится определяющим, как в воспитательном процессе, так и в исторической преемственности эстафеты опыта культуры.

Важно заметить (и это уже не совсем тривиально), что использование кого-то в качестве «примера для подражания» может происходить только на рефлексивном уровне, т.е. субъект всегда знает, кому он подражает, *кто* для него является примером. (Это верно даже в случае «идола толпы»). Именно рефлексивностью культурная парадигма отличается от культурных стереотипов и паттернов поведения. Будучи рефлексивной – парадигма способна порождать *рациональные схемы* мышления и деятельности. Успешность трансфера образца от одного поколения к другому (а значит и жизненность культуры) прямо зависит от того, насколько живой пример может трансформироваться в рационально понятую схему поведения. Отсюда следствие: только такой образец может устойчиво воспроизводить себя в истории, который допускает свою рационализацию (схематизацию) в системе норм и правил мышления и деятельности. Потому «идолы толпы» преходящи, что они не способны порождать парадигмальных схем, функционирующих на рефлексивном уровне. Только связка образца и схемы в конечном итоге обеспечивает жизненность культуры.

Таким образом, под *культурной парадигмой* мы предлагаем понимать *образец и схему, рефлексивно используемые людьми для решения жизненных задач* в рамках той или иной культуры.

Самое интересное далее. Мы обращаем внимание на то, что рефлексивная схема жизнедеятельности, отчуждая себя от образца, способна пуститься в «самостоятельное плавание». Эта схема, выражаясь словами Ю.М. Лотмана, выполняет роль «штампующего устройства», которое тиражирует образец и структурно организует целостность мира данной культуры [14, с. 328.]. С одной стороны, этот процесс тиражирования парадигмы неизбежен и продуктивен, но с другой – в этой неизбежности содержится значительный риск. Это всегда чревато для судьбы культуры, чревато утратой корней и кризисом культуры. Кризис родовой культуры проявляется в том, что её носители предают забвению парадигмальный исток культуры и это обрекает схему, которой они, тем не менее, продолжают пользоваться, на своеобразное вырождение. Отрываясь от живого примера – схема становится мёртвой. Для обозначения этого «вырожденного» состояния схемы сегодня используют специальный термин – симулякр, но более классично и точно следует именовать такое состояние схематизма мышления и деятельности – превращённой формой.

Более яркого примера такой исторической логики порождения культурной парадигмы, а затем отчуждения схемы от образца, нежели судьба христианской культуры – трудно подобрать.

В этой статье речь пойдёт о христианском культурном наследии в его парадигмальном измерении, т.е. как о наследуемом способе мышления, способе постановки и решения жизненно важных для человека задач, относительно независимом от самого содержания христианского вероучения. Подчеркну – независимо. Общий тезис состоит в том, что христианская культурная парадигма независимо от породившего его истока и даже независимо от того, как мы трактуем этот исток, продолжает воспроизводить себя, но, как правило, в уже превращённой форме, во всей ткани того, что мы называем европейской культурой. Моя цель состоит в том, чтобы показать возможность вычленения парадигмальной схемы в «чистом» виде, так, как она присутствует и определяет категориальную структуру мышления. Будем исходить из того, что категориальная структура мышления является носителем парадигмальной схемы в её собственной «чистоте» (в форме «чистого разума»).

Почему парадигма христианской культуры остаётся в тени

Парадигмальный подход к логике культуры акцентирует внимание на *механизме* трансляции некоторого содержания, на *способе* его хранения. Этот подход позволяет заметить, что даже те культурные продукты (художественные произведения, научные теории, философские учения и др.), которые содержательно дистанцируют себя от образца, тем не менее сохраняют с ним парадигмальную связь. Подход к исторической логике культуры с содержательной стороны (со стороны традиции как таковой) указанное обстоятельство значительно прикрывает.

Совсем не странно, что вопрос о христианской культурной парадигме (в особенности это касается парадигмы мышления) не ставится самим христианскими философами и богословами. Они смотрят на христианство преимущественно с содержательной стороны и считают христианским в культуре только то, что прямо указывает на её религиозные убеждения. Писатель, как, например, Ф.М. Достоевский, считается христианским, поскольку он исповедует эту религию и прямо говорит об этом в своих произведениях. Философ, как, например, В.С. Соловьёв, является христианским по тем же самым причинам. Христианским по истокам и по содержанию будет считаться живопись на евангельские сюжеты. В этом ключе может рассматриваться педагогическая практика или политическая идеология.

Именно содержательное или «идейное» отношение к христианской вероучению мешает рассмотреть, что его парадигма проникла во все поры европейской культуры и цивилизации и именно во всей своей формальной «чистоте» представлена как раз в тех аспектах и разделах культуры, которые прямо себя с этой религией не связывают или даже пытаются ему идейно противостоять. Так, сама атеистическая критика религии (как например, у Фейербаха, Маркса, Ницше и Фрейда – о чём ниже) носит парадигмально христианский характер. Новоевропейская наука, пытается ли она заявить о своей светскости и атеистичности или же считает себя нейтральной – в самом непосредственном виде базируется на христианской парадигме мышления.

Поэтому пусть не покажется странным, что христианскую парадигму отчётливее видят те, кто смотрит на христианскую *тему* извне. Они лучше понимают, каково влияние христианской идеи на нерелигиозные сферы культурной и общественной жизни, находясь вне её веры как таковой. Три примера тому – С. Жижек, А. Бадью и А. Кожев.

Так, С. Жижек, коммунист и атеист, в работе, название которой говорит само за себя: «Хрупкий Абсолют или почему стоит бороться за христианское наследие» – считает главным в христианском наследии стремление к разрушению всяких, и в первую очередь, социальных иерархий.

«Христианство вводит в глобальный уравновешенный космический Порядок один принцип, ... который, с точки зрения языческой космологии, является его «чудовищным искажением». «Это принцип, согласно которому у каждого индивида есть непосредственный доступ к универсальному (Святому Духу или, сегодня, к правам и свободам человека)» [9, с. 128]. Ещё более определён на принцип универсальности, как определяющий христианское мышление и мировоззрение, указывает А. Бадью («Апостол Павел. Обоснование универсализма» [3]). Основная мысль А. Бадью относительно проповеди Ап. Павла состоит в том, что тот «создал теорию универсального субъекта». Европейская демократия (её не нужно отождествлять с античной), равно как и принцип прав человека, по их убеждению, свои корни имеют именно в этом христианском принципе.

А. Кожев, такой же воинствующий атеист, в работе под названием «Христианское происхождение науки», утверждает, что «найётся немного исторических фактов столь же трудно оспоримых, как факт взаимозависимости науки, современной техники, христианской религии и даже теологии» <...> «ни один нехристианский народ не смог (или не захотел) переступить границы эллинской науки» [11, с. 416, 417].

Эти авторы (как и многие другие из тех, кто дистанцирует себя от самого христианского вероучения) предлагают отчётливо схематизированное понимание христианской мировоззренческой парадигмы. Но как для самих христиан, так и для их «неверующих» оппонентов вполне очевидным является то, что вся европейская культура опирается на особое понимание человека. Признание этой основы хорошо просматривается в определении тех ценностей, на которых Европа строит (или пытается строить) свой Союз. Провозглашая ценности человеческого достоинства, свободы, демократии, равенства и приоритета прав человека, проект Конституционного договора ЕС (Статья 1.2) исходит (и насколько можно судить, в этом мало кто сомневается) из христианского понимания человека, но в то же время установить это признание легитимно из соображений политкорректности всё же не решается.

Если содержательное (собственно религиозное) рассмотрение христианской культуры мешает отчётливо рассмотреть парадигмальную схему, то атеистический подход препятствует усмотрению парадигмальной связи между схемой и образцом. Понятно, что таким образом является личность Иисуса Христа, как бы она не рассматривалась в культуре: просто как этический идеал человека или как Событие Боговоплощения.

Новоевропейская наука как наиболее характерное проявление христианской культурной парадигмы

А. Койре, авторитетный историк европейской науки, характеризует её установку двумя взаимосвязанными чертами: крушением античного Космоса и геометризацией (математизацией) природы [12, с. 130]. Хотя среди историков и философов науки нет согласия относительно достаточного и необходимого набора признаков, возникшей в XVI веке математической физики, но эти два – признаются всеми. Согласно этому общему пониманию, суть новоевропейской науки состоит в возможности применения математических числовых формул и *идеальных* геометрических фигур для описания подвижных и несовершенных процессов природы. Такого рода использование математики было невозможно для античной физики, которая устанавливала непроходимую пропасть между миром небесным и земным, божественным и человеческим. Математика применялась, но только для описания идеального движения небесных светил.

Что должно было случиться для того, чтобы идеальное и небесное стало пониматься как естественно присутствующее в мире земном? А. Кожев считает, что решающим условием является образ Боговоплощения, вошедший в ткань культуры. Бог, сошедший на Землю и *ставший человеком* (прошедший путь человека), становится идеально-реальным эталоном, как для оценки человеческих деяний, так и принципом, позволяющим использовать идеальную меру для описания и измерения «грубых» физических процессов. Идеализация – метод, на котором до сих пор держится вся математическая физика, а вслед за ней и все теоретические науки. Вера в возможность бесконечного приближения реального к идеальному лежит в основе движения от «мира приблизительности к универсуму прецизионности» (согласно А. Койре), а также математизированного эксперимента и создания точной машинной техники.

Можно допустить, что Событие Боговоплощения, как парадигма культуры, не является достаточной причиной рождения теоретического экспериментального естествознания. (Противники гипотезы Кожеева законно спрашивают, почему понадобилось полторы тысячи лет, для того, чтобы родился такой способ научного познания). Но важно заметить, что все необходимые для этого условия постепенно вызревают в лоне той парадигмы отношения идеального и реального, которые установлены Событием, рождающим христианскую культуру. Они вызревают в логике схоластических споров, в том способе передачи знаний, который сложился в средневековых университетах и др. Так, П.П. Гайденок, в принципе, соглашаясь с позицией А. Кожеева, считает, «что у истоков новоевропейского естествознания стоит не только христианство, но и герметизм» [6, с. 92]. Зададим, однако, вопрос. Находится ли возрожденческий неоплатонизирующий герметизм целиком вне христианской парадигмы? Или же своим появлением он обязан возрождению герметических идей на базе принципа единства идеального и реального? И во всех остальных случаях, ссылаемся ли мы на вклад античной науки или иудаизма – следует всегда иметь в виду ту идейную почву, на которой происходило их возрождение. Нет потому смысла удваивать, например, влияние античной философии на рождение теоретической физики: сначала отдельно, а потом в той форме, которую она обретает в преломлении христианства.

Равным образом сказанное касается и социальной обусловленности или практической необходимости появления новой науки и связанной с ней машинной техники. Наивность некоторых историков науки (она соответствует позиции обыденного сознания) состоит в том, будто необходимость сама по себе рождает решение. Ничего подобного. Между требованием практической жизни (а жизнь всегда пребывает в условиях нехватки) и решением лежит *мыслимая возможность*, которая предполагает *идею* того, как проблему можно решить. Затруднение само по себе даже не выходит на уровень осмысленной проблемы, если нет соответствующего теоретического сопровождения. А. Койре (яркий представитель интерналистского подхода к истории науки) подчёркивает, что решения таких насущных проблем, как точность измерения координат корабля в океане, точность измерения времени и пространства, родились не в умах мореплавателей, но в лабораториях физиков, которые, конечно знали о заботах моряков, но при этом решали свои теоретические задачи.

Таким образом, есть веские основания согласиться с А. Кожевом, что событие Боговоплощения (в его терминологии – «догмат») одно «несёт ответственность на современную науку» [11, с. 424]. Оно является рамочным, вбирающим в себя все остальные условия рождения математической физики. Автор ссылается на это Событие («догмат») как на историко-культурный факт (достаточно того, что в него верили), но он

никак не проясняет, какие происходят изменения в мышлении, принимаящее это Событие как факт. Наш подход обязывает спросить, какие парадигмальные сдвиги в мышлении, а не только в мировоззрении, производят центральное для всей культуры историческое Событие?

Новоевропейская наука демонстрирует это изменение наиболее ярко и концентрированно. Ф. Бэкон, Р. Декарт, Н. Коперник, Г. Галилей и И. Ньютон – отчётливо мыслят иначе, нежели античные мыслители, и достаточно близко тому, как мыслили средневековые схоласты. Коротко говоря, они мыслили, веруя, что зримый нами мир есть *откровение* Бога, этот мир не видимость или бледная копия совершенных (конечных) сущностей, как в целом полагала античная мысль; они верили, что динамика естественных процессов есть сущностное явление физических (установленных Творцом) законов. Этот способ мысли самым непосредственным образом воплощался в убеждении, что правильно поставленный («чистый») эксперимент обладает доказательной силой. Подобное отношение к явленности было немыслимо для античной науки, равно как и другим культурам, не знавшим *События* *Бого-явления*. (Для ясности следует добавить, «То, чем является Воплощение для христиан, не имеет ничего общего с так называемыми «воплощениями», которые встречаются в языческих мирах и библейских историях: *становиться и быть* Человеком совсем не то, что принимать человеческую (или иную) форму (или вид). Это великолепно увидел Св. Августин и ясно показал христианам» [11, с. 508]).

Этот же способ мышления (и познания) мы легко увидим в проблематике соотношения сущности и существования (*essentia-exsistentia* схоластики, в особенности у Св. Формы), начало которой было положено экзистенциалистской установкой исповедального дискурса Бл. Августина.

П. Дюгем в рамках своей общей позиции, что наука (естествознание) ничего не объясняет, но только описывает (создаёт модели), утверждает, что начало новоевропейской науки было положено в XIII веке, после соборного осуждения церковью основных положений аристотелевской метафизики, как обоснования физики. Отказ от метафизического, дедуктивного по своей логике, обоснования естественных процессов привёл к торжеству *индуктивного метода* и рождению эксперимента. Я полагаю, что общая позиция Дюгема слишком категорична. Учитывая диалектическую зависимость процедур объяснения и описания, не думаю, что науке следует целиком отказать в праве на объяснение и понимание мира. Стоит также обратить внимание на недостаточность такого обоснования причин торжества индуктивного метода (якобы он рождается церковным запретом на метафизическое обоснование (см. также [10]). Индуктивный метод познания действительно сущностно характеризует способ движения естественнонаучной мысли. Но аргументация от частного к общему (индукция) может быть принята в качестве доказательства только при том условии, что частное (и многое) мыслится как явление (откровение) сущности (закона). Недоверие к метафизическим дедукциям античной философской мысли с необходимостью порождалось самим строем христианизированного мышления, которое вначале смутно, а затем всё яснее стало понимать сей мир как *откровение* Бога. Этот способ мышления ярче и полнее воплощается в эксперименте, нежели в индукции, которая является только его предпосылкой. Отсюда, правильнее вести непосредственный отчёт новоевропейской науки с XVI века, со времени постановки осмысленных экспериментов, понимаемых учёными (вплоть до сегодняшнего дня) как «откровение закона».

Метакультурный подход к интерпретации культурных различий

Явно или неявно, но принятая исходная установка на содержательное рассмотрение любых культурных различий, а равным образом и любых идейных разногласий, ведёт в методологический тупик, поскольку возникает впечатление, что между сравниваемыми позициями нет ничего общего. При этом часто остаётся неосмысленным собственно логическое правило, что всякое сравнение предполагает общее основание или что всякое различие – полагает какое-то единство. Опасения против единства, которые, как правило, высказывает современная философия, опять-таки вызваны тем, что оно заранее полагается чем-то содержательным.

Выход из методологического тупика «конфликта интерпретаций» состоит в том, чтобы подходить к основополагающему единству формально, как к «чистой» форме, допускающей разное содержательное наполнение. В этом суть метакультурного подхода, который предлагает: при анализе содержаний культуры следует вначале вообще покинуть пределы культурной формы, как таковой, и начинать с «голой» возможности этой формы, коей является человеческая природа в облике имманентных человеческих способностей (возможностей). Именно *формальное* единство человеческой природы обуславливает содержательную возможность множественности родовых культур. А теоретическое признание такого формального единства открывает возможность корректного сравнения культурных различий.

Не вникая в методологические детали подхода (см. [19]), для понятности я приведу значимый образец, который предлагаю именовать «аргументом Сократа». Когда к Сократу подходят люди с разными представлениями о том, что есть красота, справедливость, добродетель и т.д., то общая логика аргументации Платона/Сократа состоит в том, чтобы показать: ваши представления об этом могут быть разные, но идея (как знание регулятивного принципа) красоты, справедливости и т.д. есть у всех.

Каким образом в рамках одного и того же регулятивного принципа («чистой формы») могут появляться разные, культурно обусловленные представления (содержания)? Этот вопрос мы и ставим перед культурной парадигмой, предполагая, что парадигмальная схема может возникнуть только как трансформация некоторой базовой структуры человеческой способности. Поскольку парадигма предполагает рефлексивную позицию субъекта, то будет последовательным считать, что она представляет собой некоторую транспозицию универсальной структуры мышления. Мышление в своей структурной определённости и формальной способности человека инвариантно относительно его любой культурной специфики. Попытки антропологов доказать обратное – логически противоречивы. Ведь говоря, допустим, о пралогическом мышлении первобытных народов (Л. Леви-Брюль), они всё же говорят о мышлении.

О том, что значит мыслить, едва ли не закончено сказал Платон. Это двоякая способность. С одной стороны, сущность мышления состоит в способности души «открывать общее во всех вещах» [Теэтет, 184c], т.е. единого во многом, а с другой – «беззвучный диалог с самим собой, происходящий внутри души» [Софист, 263e]. Все диалоги Платона есть образцовое выражение всей полноты мышления, т.е. одновременно и как <понимающего> диалога, и как процесса познания общего. Определение Платона можно выразить более современно, но суть останется та же.

Христианская культурная парадигма как особенный способ мышления

Имея в виду инвариант способности мышления, заданный координатами Единое-Многое и позицией сторон диалогичного отношения, можно заметить, что культуры предлагают разные транспозиции указанных сторон, используя для описания разные концепты. Античная, а равным образом все дохристианские и внехристианские культуры с большей или меньшей определённой (рефлексивностью) устанавливают (1) логический приоритет Единого (Общего или сущности) над многим (частным или существующим) и (2) диалогичное неравенство сторон общения (если на эту сторону мышления вообще обращают внимание). Если говорить о Платоне, то его достаточно «пренебрежительное» отношение ко многому как явленному чувственному миру и «бледной копии» идеальных образцов – хорошо известно. Что касается диалогичной стороны мышления, то всегда следует иметь в виду, что Платон просто выдумал свои диалоги. Как пишет Г.-Г. Гадамер, ссылаясь дополнительно на Гегеля, что «Платон придумал своих слушателей», «способных спокойно следить лишь за существом дела» и «никак не проявляющих своих собственных рефлексий» [5, с. 42].

Я ограничусь этой краткой и частной характеристикой внехристианского мышления, но имею в виду, что можно развёрнуто показать, каким образом та же самая, что и у Платона установка определяла мысль его учеников (Аристотеля), сочувствующих последователей (стоиков) и оппонентов (атомистов). Конечно, следует особо говорить о неевропейских культурах. Их культурные парадигмы значительно отличались от античной, но в указанной специфике: приоритета общего и редуцированной диалогичности – «составляли ей одну компанию».

Именно на фоне такого рефлексивного единодушия нехристианских культур и обнаруживается революция в мышлении, которую производит христианство.

А. Бадью обозначает эту революцию как «обоснование универсализма» [3]. Будучи последовательным защитником атеизма, он выводит это обоснование не столько из христианского вероучения (Нового Завета), сколько из той его интерпретации, которую несёт проповедь Ап. Павла. Апостол учит: «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского...» (Гал. 3,28). Тем самым эта «декларация не-различия иудея и грека устанавливает потенциальную универсальность христианства; обоснование субъекта как разделения, а не как поддержания традиции, придаёт этой универсальности субъективное начало, упраздняя частные предикаты культурных субъектов» [3, с. 56]. Но такого рода упразднение культурных идентичностей возможно только потому, что человек становится «соратником у Бога» (Кор. 3,9), что он вступает с Ним в отношение «сыновства».

Я полагаю, что Бадью преувеличивает независимость проповеди Ап. Павла от смысла Евангелия, поскольку эта проповедь была бы невозможной, если бы она не опиралась (в сознании слушателей) на живой образ Богочеловека. Если эту связь удерживать, то принцип универсализма может получить другое толкование. Сам универсализм будет выступать только как проявление христианского экзистенциализма, что означает *процессуальный приоритет* существования (или явления) над сущностью, многого над единым, процесса общения над его результатом.

Вместе с тем, универсализм, как общий принцип христианизированного мышления, определён А. Бадью точно. Этот принцип особым образом преодолевает дихотомию Единого и многого, в котором всегда кружилась философская, а вместе с ней и научная мысль. Универсализм

означает, что на место Единого, своей полнотой и совершенством подавляющего многое – ставится единство <многого>. (Христианство самого Бога понимает в этой логике, как Св. Троицу). Бадью только наиболее радикально и терминологически строго выражает интуиции немецкой классики и фактически идёт вслед системе философии «Всеединства» В.С. Соловьёва (не имея это в виду).

Таким образом, в классических категориях христианский универсализм, как транспозиция универсальной природы мышления, состоит в перестановке позиций сущности и существования, когда существование, мыслимое как *полноценное* явление сущности, ставится в приоритетное отношение к сущности с точки зрения порядка следования. Сущность имеет место, но сама по себе (без явленности) она не значима. Для христиан сущность Бога принимается как непостижимая, но *целиком явленная* в Его благодатных энергиях (действиях). (В частности этот схематизм мысли узнаётся в специфическом статусе «вещи-в-себе» Канта). За этой перестановкой координат мышления без труда видится парадигмальная схема События Бого-явленния. Находясь в лоне этой парадигмы, Гегель пишет: «Сущность не остаётся позади или по ту сторону явлений, а скорее, как бы по своей бесконечной доброте, отпускает свою видимость в непосредственность и дарит ему радость существования» [7, с. 295].

Христианская коммуникативная парадигма

Вторая сторона мышления – тот внутренний диалог, в котором всегда пребывает душа человека. Философская интуиция Платона в этом отношении не только получила полное научное подтверждение (в аналитической психологии Ж. Лакана – преимущественно), но позволила ввести в аналитику человеческого бытия *инстанцию Другого*, которого Платон только угадал. «Другой» это тот *Неназванный* Платоном, с которым душа ведёт незримый разговор. В отличие от Платона, современная философия понимает диалог как реальное intersубъективное отношение, и Другого – не только и не столько как внутреннюю инстанцию мышления, но как реального собеседника, Лицо, к которому обращена моя речь. Идея собеседника как реального Лица, с которым можно встать лицом к лицу, имеет сугубо христианское происхождение. И А. Бадью не случайно обнаруживает у Ж. Лакана мотивы, близкие дискурсу Ап. Павла.

Между платоновским и христианскими дискурсами общения существует принципиальная общность. И тот и другой подразумевают, что собеседники так или иначе причастны Истине. Сам по себе разговор значим лишь постольку, поскольку он служит её познанию. Отличие же состоит в том, что в христианской парадигме собеседник берётся в его жизненной конкретности (как живое лицо, как Ближний). Диалогичность мышления – только следствие интериоризации того intersубъективного отношения, в которое «по природе» погружено человеческое существо. Соответственно, принцип общения (и диалога, как его дискурсивного выражения), который обосновывает христианство, – иной, нежели тот, который демонстрируют нам «Диалоги» Платона. Хотя послания Ап. Павла не написаны в форме диалогов, но они отчётливо подразумевают отношение к Другому в его реальной жизненной полноте как Ближнему. (Это не выдуманные персонажи Платона). Коротко говоря, христианская парадигма общения это дискурс любви (греч. *аганэ* – ἀγάπη) как полноты соучастного отношения и заботы.

Обратимся опять к науке, как квинтэссенции духа европейской культуры. Современная коммуникативная парадигма (возьмём в качестве авторитетной позиции «теорию коммуникативного действия» Ю. Хабермаса [17]) рассматривает научное сообщество в качестве такой ком-

муникативной общности, правила которой максимально приближены к идеальным. Он полагает, что именно достижение согласия в идеальном коммуникативном сообществе является критерием продвижения познания к истине. Отсюда «этика дискурса», которую обосновывает Хабермас, и за идеалистичность и утопичность которой его критикуют (но зря!) многие (включая Х. -Г. Гадамера, Н. Лумана, Ж. Лиотара, М. Фуко, Ж. Деррида и др.). Они, впрочем, как и сам Ю. Хабермас, не хотят увидеть того, что предлагаемая «этика дискурса» идеального коммуникативного сообщества свои корни имеет в идеалах христианского общения и, отчасти, в практике выработки соборного согласия членов церкви. (Ключевая иллюстрация – способ, каким принимались положения и символы веры (догматы) в истории христианской церкви). Обращаясь к коммуникативной практике научного сообщества, нельзя не увидеть поразительного подобия логики дискурса общения учёных с принципом достижения согласия внутри церковного собора. Принцип, на котором держится этика научного дискурса, по сути тот же самый, на котором основано (в идеале!) христианское общение людей. Говоря исключительно об этике научного дискурса, об «этике логики» К.-О. Апель формулирует этот принцип следующим образом: это «*требование взаимного признания личностей в качестве субъектов логической аргументации*» [2, с. 302]. Но того же требует христианский дискурс. (В качестве образца я бы предложил рассматривать проповеди и беседы нашего современника митр. Антония Сурожского, как например: «Диалог атеиста с христианином» или «Диалог верующего с неверующим» [1]).

Но и вне науки, в других сферах современной общественной жизни, мы находим те же формы общения (диалога), которые акцентируют субъектные позиции сторон. Одно из ярких свидетельств тому – это институты так называем «процедурной демократии», которые Хабермас удачно именует процедурами «вовлечения Другого» [18].

Таким образом, понимание человеческого бытия как общения составляет неотъемлемую черту христианской культурной парадигмы, и эта парадигма сегодня образует основу современного гуманитарного познания.

Парадигмальная схема мышления в «самостоятельном плавании»

Отщепление парадигмальной схемы от образца – условие существования и развития культуры как целого. Само стремление человека действовать «по образу и подобию» (даже в случае подражания «идолу толпы») предполагает некие соображения о схеме действия применительно к частным ситуациям, действие в которых не может прямо опираться на данный нам Образец. В общем случае схема выходит в социальные практики, где она выступает как набор или совокупность норм, адаптированных к той или иной ситуации.

Если говорить конкретно о христианской культуре, то исходным нормирующим культурным механизмом, который транслировал и тиражировал христианскую парадигму, является принятый ею тип образования, институализированный европейским университетом (время возникновения – IX – XI века). Именно эта модель образования, главной особенностью которой являлась позиция учителя как транслятора *частного* теоретического знания, с одной стороны, обозначает процессуальный приоритет многого над единым, но, с другой, формирует духовную установку *поиска* универсального (единого) во многом. Вплоть до сегодняшнего дня классический предметный способ членения знания, деления преподавателей по кафедрам, подготовка и защита диссертаций («тезисов») сохраняют верность тому способу организации знания и структурирования мышления, который возник в те давние времена.

Хотя попытки преодоления этого нормативного института становятся всё более настойчивыми.

Во всех случаях трансфер образца в схему действия не происходит бесконфликтно. Хрупкость ситуации вызывается тонкой и противоречивой связью между попытками построить реальное по образу идеального (пример – прецизионная техника) и процессуальным приоритетом существования над сущностью.

С.Л. Франк, свидетель тектонических социальных трансформаций начала XX века, обратил внимание на то, что социалистическая идея (основанная на идеалах социального равенства) по своему происхождению носит христианский характер [16]. Но, как полагает Франк, если христианский принцип имеет в виду равенство людей перед Богом, равную возможность доступа к универсальному (Ср. Жижек и Бадью) и, как таковой, имеет религиозно-этический смысл, то социалистическая идея предполагает идеал равного доступа людей к социальным благам и может вести только к кровавому перераспределению этих благ и насильственному усреднению людей. Добавим, что вплоть до сегодняшнего дня социалистическая идея (в современной Европе) питается христианскими этическими идеалами, но оторванными от их истока. Получается странный эффект. Например, в русле этой тенденции завет Ап. Павла: «... нет ни мужского, ни женского» (см. выше), если его вырвать из религиозного контекста, можно понять как обоснование однополых браков («родитель 1 и родитель 2»).

Возможность и необходимость отделения схемы от образца не может не вести к появлению превращённых форм культурной парадигмы. Одно из самых ярких превращений этого рода – европейский атеистический экзистенциализм. Экзистенциальное понимание человека принципиально для христианского вероучения в силу его убеждения, что человеком мало родиться, им ещё нужно стать. Никто не является христианином по рождению, чтобы им стать – необходимо личное свободное усилие. Экзистенциальная проблематика свободы, понимание человека как проекта самого себя – всё это мы впервые находим в христианском дискурсе (прежде всего это, конечно, Бл. Августин). Поэтому, когда Ж.-П. Сартр ставит человеческую экзистенцию впереди его сущности, то в категориальном смысле он ничего нового не говорит христианскому мышлению. Но, как атеист, он выражает эту позицию уже в превращённой форме. Человеческое бытие зависает у него в ничто. Дальше больше. Ж.-Л. Нанси, выражая умонастроение современных интеллектуалов, говорит: «В отличие от Сартра, для которого существование идёт «первым», здесь [для нас – С.Я.] сущность не приходит никогда» <...> «Ничто не предшествует существованию, ничто не идёт за ним следом» <...> «Оно приходит как пребывание *этим*, здесь и теперь, как *haecceitas* («этость» – пер.) Дунса Скота» [15, с. 155]. (Стоит обратить внимание на ссылку автора на средневекового схоласта, что свидетельствует о ясном понимании источника самой идеи существования).

Для полноты картины добавлю, что атеистическая критика христианства, как она представлена у Фейербаха, Маркса и Ницше парадигмально базируется на радикальной трактовке человека как того или иного способа существования. Во всех случаях основная линия критики состояла в редукции теологии к антропологии, а антропология понималась как учение о человеческом бытии, деятельности, экзистенции. Общая логика секуляризованной мысли состоит в том, чтобы вначале ослабить, а затем противопоставить сущность и существование человека.

Заключение

То, что мы именуем «Европейской культурой» (при всей многоликости объединённых этим понятием народов) цементировано одной общей ценностью – достоинством человека. Это достоинство (1) мыслится европейским индивидом как в принципе равное право *доступа к универсальному* <Благу> и оно же (2) институционально поддерживается реальным доступом к образованию, равным доступом к научным истинам, участием в управлении государством, системами социального обеспечения и пр. Если здесь не всё складывается гладко (или совсем не гладко), то это мало затрагивает саму идею и идеал *доступа к универсальному*. Мало кто сомневается в том, что истоком этой идеи является исторический образ и учение Иисуса Христа. Хотя современное секуляризованное сознание готово признать историческую роль образа Иисуса Христа в становление христианской культуры, но, как правило, высказывает сомнения в значимости Его Благой вести для нынешнего времени. В этой работе я старался показать, что парадигмальная схема, снятая с образца, продолжает, хотя и в превращённой форме, фундаментировать всю европейскую культуру и те культурные ареалы, на которые она оказывает влияние своими институтами. Суть этой схемы в особом понимании явленности как откровения сущности. Эта схема останется значимой ровно настолько, насколько современная цивилизация будет продолжать использовать парадигму теоретической экспериментальной науки. Именно европейская наука и неразрывно связанное с ней научное образование несут основную нагрузку хранения этой культурной парадигмы (поскольку речь идёт о секуляризованной культуре). Впрочем, попытки низвержения этой парадигмы и возврата к языческим корням культуры предпринимались постоянно и сегодня приобретают всё больший размах. Думается, что если парадигмальная схема мышления (познания) полностью порвёт связь с Образцом (пока же она сохраняется носителями христианской веры), если изменится самосознание человека, то цивилизация приобретёт иной облик. Альтернатива – неоязыческая идея «почвы и крови». Многие тенденции нашего времени указывают на эту «рискованную» перспективу.

Литература

1. Антоний, митрополит Сурожский. Вера. М.: Фонд «Духовное наследие митр. Антония Сурожского», 2013.
2. Апель К.-О. Априори коммуникативного сообщества и основания этики / Апель К.-О. Трансформация философии. М.: Логос, 2001.
3. Бадью, А. Апостол Павел. Обоснование универсализма. М.-СПб.: Московской философский фонд; Университетская книга, 1997.
4. Бадью, А. Этика: Очерк о сознании зла. СПб.: Machina, 2006.
5. Гадамер, Г.-Г. Диалектическая этика Платона (феноменологическая интерпретация «Филеба»). СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.
6. Гайденок, П.П. К проблеме становления новоевропейской науки // Вопросы философии. 2009. №5. С.80-92.
7. Гегель, Г. Энциклопедия философских наук. Т.1. М.: Мысль, 1975.
8. Дюгем, П. Физическая теория, её цель и строение. М.: КомКнига, 2007.

9. Жижек, С. Хрупкий Абсолют или Почему стоит бороться за христианское наследие. М.: Художественный журнал, 2004.
10. Катасонов, В.Н. Христианство, наука, культура. М.: Изд-во ПСТГУ, 2005.
11. Кожев, А. Христианское происхождение науки // Кожев, А. Атеизм и другие работы. М.: Праксис, 2006. С.416-428; 506-509.
12. Койре, А. Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий. М.: Прогресс, 1985.
13. Конончук, Д.В., Ячин, С.Е. Культурная парадигма: опыт концептуального осмысления // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012, № 2. С. 7-13.
14. Лотман, Ю.М. О современном механизме культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1993.
15. Нанси, Ж.-Л. Сегодня // Ad marginem'93. Ежегодник. М.: Ad marginem, 1994. С. 148-164.
16. Франк, С.Л. Ересь утопизма // По ту сторону правого и левого. Париж, 1972.
17. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие СПб.: Наука, 2000.
18. Хабермас, Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. М.: Наука, 2001.
19. Ячин, С.Е. Состояние метакультуры. Владивосток: Дальнаука, 2010.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Antonij, mitropolit Surozhskij. Vera. M.: Fond «Dukhovnoe nasledie mitr. Antoniya Surozhskogo», 2013.
2. Apel' K.-O. Apriori kommunikativnogo soobshhestva i osnovaniya ehtiki / Apel' K.-O. Transformatsiya filosofii. M.: Logos, 2001.
3. Bad'yu, A. Apostol Pavel. Obosnovanie universalizma. M.-SPb.: Moskovskoj filosofskij fond; Universitetskaya kniga, 1997.
4. Bad'yu, A. Ehtika: Ocherk o soznanii zla. SPb.: Machina, 2006.
5. Gadamer, G.-G. Dialekticheskaya ehtika Platona (fenomenologicheskaya interpretatsiya «Fileba»). SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2000.
6. Gajdenko, P.P. K probleme stanovleniya novoevropejskoj nauki // Voprosy filosofii. 2009. №5. S.80-92.
7. Gegel', G. Ehtsiklopediya filosofskikh nauk. T.1. M.: Mysl', 1975.
8. Dyugem, P. Fizicheskaya teoriya, eyo tsel' i stroenie. M.: KomKniga, 2007.
9. Zhizhek, S. KHrupkij Absolyut ili Pochemu stoit borot'sya za khristianskoe nasledie. M.: KHudozhestvennyj zhurnal, 2004.
10. Katasonov, V.N. KHristianstvo, nauka, kul'tura. M.: Izd-vo PSTGU, 2005.
11. Kozhev, A. KHristianskoe proiskhozhdenie nauki // Kozhev, A. Ateizm i drugie raboty. M.: Praksis, 2006. S.416-428; 506-509.
12. Kojre, A. Ocherki istorii filosofskoj mysli. O vliyanii filosofskikh kontseptsij na razvitie nauchnykh teorij. M.: Progress, 1985.
13. Kononchuk, D.V., YAchin, S.E. Kul'turnayaparadigma: opyt kontseptual'nogo osmysleniya // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2012, № 2. S. 7-13.
14. Lotman, YU.M. O sovremennom mekhanizme kul'tury // Lotman YU.M. Izbrannye stat'i: v 3 t. Tallin: Aleksandra, 1993.
15. Nansi, ZH.-L. Segodnya // Ad marginem'93. Ezhegodnik. M.: Ad marginem, 1994. S. 148-164.
16. Frank, S.L. Eres' utopizma // Po tu storonu pravogo i levogo. Parizh, 1972.
17. KHabermas, YU. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie SPb.: Nauka, 2000.
18. KHabermas, YU. Vovlechenie drugogo: Ocherki politicheskoy teorii. M.: Nauka, 2001.
19. YAchin, S.E. Sostoyanie metakul'tury. Vladivostok: Dal'nauka, 2010.

УДК 303.8

Журбей Е.В.
Zhurbey E.V.

«Мозговые центры» и внешнеполитический процесс Сингапура: история вопроса

«Think tanks» and foreign policy process of the Singapore: Background

Статья посвящена истории возникновения института «мозговых центров» и их роли во внешнеполитическом процессе Сингапура. Возрастающее влияние исследовательских центров, институтов в области внешней политики заставляют обратиться к общности и специфике «мозговых центров» Сингапура и их зарубежных аналогов. В статье рассматривается организация, специфика деятельности и каналы влияния на проводимую сингапурским руководством внешнюю политику.

Ключевые слова: *мозговые центры, исследовательские институты, внешняя политика, общественная дипломатия*

The article is devoted to the history of the institute of "think tanks" and their role in the foreign policy process in Singapore. Increasing influence of research centers and institutes in foreign policy makes appeal to generality and specificity of "think tanks" centers of Singapore and their foreign counterparts. The article discussed the organization, specific activities and channels of influence on the ongoing Singapore's foreign policy leadership.

Key words: *think tanks, research institutes, foreign policy, the public diplomacy*

В июле 1996 года в Сингапуре создаётся ещё один «мозговой центр», входящий в настоящее время в число ведущих мировых центров по проблематике международных отношений, национальной и международной безопасности. Центр получил название «Институт оборонных и стратегических исследований» (IDSS). Институт был основан нынешним, седьмым президентом Сингапура Тони Таном, который в то время занимал должность вице-премьера и министра обороны страны. С 1 января 2007 года, через десять лет после своего создания, IDSS официально стал частью «Школы международных исследований С. Раджаратнама». В новой школе IDSS остаётся в качестве ключевого института, подразделения, проводящего научные исследования в сфере комплексной безопасности. Деятельность IDSS включает в себя публичные лекции, коллоквиумы по стратегическим тенденциям в XXI веке, годовую Азиатско-Тихоокеанскую Программу старших офицеров (APPSMO), Азиатско-Тихоокеанскую Программу старших сотрудников националь-

Окончание: начало см. Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2013. № 4. С. 84-92.

ЖУРБЕЙ Евгений Викторович, к.и.н., доцент кафедры социальных технологий филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка. **E-mail:** cpr2001@gambler.ru

ной безопасности (APPSNO), раз в два года IDSS проводит Азиатско-Тихоокеанскую конференцию по безопасности.

Существует мнение, что институционально и функционально IDSS напоминает американскую корпорацию РЭНД, которая концентрирует исследовательскую деятельность в области военной безопасности, а главным заказчиком интеллектуальных продуктов является Министерство обороны США. Достаточно долгое время IDSS получал спонсорские средства на проведение научно-исследовательских программ со стороны Министерства обороны Сингапура.

IDSS задействует в своей работе практически все известные форматы деятельности: проводит исследования и анализирует военную проблематику в регионе, консультирует правительство Сингапура по актуальным вопросам текущей политики в области безопасности, привлекает к работе разнообразных действующих лиц, в рамках проводимых конференций и семинаров, в том числе из-за рубежа. Исследовательские результаты включают такие интеллектуальные продукты, как аналитические отчёты, обзорные комментарии, монографии и академические статьи. Если монографии и статьи возможно и не являются целевым продуктом для сингапурского руководства по причине нехватки времени для прочтения и академической специфики, то аналитические отчёты и обзорные комментарии являются более доступной формой доведения важной информации до сингапурской элиты и бюрократии.

Учёные из IDSS доводят результаты своих исследований и через более прямые каналы, а именно через личные встречи со штатными сотрудниками министерств и ведомств сингапурского правительства и депутатами парламента, а также излагая выводы заинтересованным аудиториям в рамках многочисленных конференций, круглых столов и семинаров.

Специализация института отложила отпечаток на взаимодействие с широкой общественностью через средства массовой информации. Традиционная модель функционирования мозговых центров заставляет последние быть наиболее открытыми в своей работе со СМИ, так как политики в демократических странах многое узнают из СМИ. Следовательно, мозговой центр в демократической стране прилагает максимум возможностей и усилий к тому, чтобы представить результаты собственных исследований на страницах газет, журналов и экранах телевизоров, в социальных сетях. Проблематика военной безопасности IDSS, низкая конкуренция со стороны иных мозговых центров (фактически её отсутствие) и специфика сингапурской демократии минимизируют потребность активного сотрудничества со СМИ, так как иные каналы донесения информации более эффективны, надёжны и традиционны для Сингапура.

В настоящее время в IDSS действуют в общей сложности 9 активных научно-исследовательских программ (4 функциональных, 5 региональных): программа морской безопасности, программа военных преобразований и военных наук, программа многостороннего регионализма, исламская программа, китайская программа, индонезийская программа, малазийская программа, южно-азиатская программа, программа по изучению США.

Работа по выбранным региональным приоритетам и их исследования позволили IDSS провести тщательный анализ вопросов военной безопасности в регионах Восточной и Южной Азии. В настоящее время IDSS в своей исследовательской деятельности затрагивает проблему терроризма, как угрозу стабильному и поступательному развитию страны. Практического опыта у IDSS в этом направлении не было, но благодаря тому, что в 2007 году институт был инкорпорирован в новую структуру

под названием «Школа международных исследований С. Раджаратнама», «террористическая проблематика» получила новое развитие в рамках «Международного центра по политическому насилию и исследованию терроризма», который был создан в рамках новой школы, нового национального «мозгового центра».

Аспекты современной безопасности, в том числе военной безопасности, сегодня претерпевают изменения. Наличие современного оружия и новых систем вооружений, по мнению специалистов, уже недостаточно для того, чтобы эффективно бороться с теми же террористами, которые активизировали свою деятельность в регионе (Индонезия, Филиппины, Шри-Ланка) и действуют не на традиционном поле боя. Руководство Сингапура понимает, что поддержание привлекательности страны для инвесторов, туристов возможно только при сохранении высокого уровня безопасности, а для этого государство должно лучше понять, что собой представляет сегодня международный терроризм, как действуют террористы и чем они руководствуются в выборе направлений удара, как можно повлиять на террористические группы и т.д. Кроме того, идёт попытка осознания слабых и наиболее уязвимых мест безопасности страны (например, авиа и морское сообщение). В этой ситуации «мозговые центры» Сингапура и те аналитические исследования, которые они проводят, играют важную роль в аспектах выбора адекватной государственной стратегии, совершенствовании проводимой политики и процесса принятия решений в наиболее важных областях жизни страны, в частности в области национальной безопасности.

«Школе международных исследований С. Раджаратнама» удалось в весьма короткие сроки построить «тематическую сеть» и привлечь к партнёрству ведущие академические и исследовательские заведения мира (Школа перспективных международных исследований Университета Джона Хопкинса, Школа государственного управления Джона Ф. Кеннеди Гарвардского университета, Корпорация РЭНД и др.) и таких учёных, как Стивен Уолт (Гарвардский университет), Джек Снайдер (Колумбийский университет), Алистер Джонсон (Гарвардский университет), Джон Миршаймер (Университет Чикаго).

С момента своего создания Школа переживает устойчивый рост численности и качества проводимых исследований, а также численности сотрудников и обучающихся. В первой образовательной программе, которая была запущена ещё в 1998 году в IDSS, на обучение поступило всего 10 студентов, все из Сингапура. В настоящее время в Школе обучаются 20 докторантов и почти 200 студентов по программе магистратуры по таким направлениям, как стратегические исследования, международные отношения, международная политическая экономия и азиатские исследования.

Участие студентов также диверсифицировано, примерно 60% студентов из-за рубежа. С 2000 года количество научно-исследовательских программ, увеличилась с 3 до 19, в то время как общая численность персонала выросла с 28 человек до 150. «Мозговой центр» постепенно становится кузницей кадров в сфере международных отношений и безопасности для региона Юго-Восточной Азии.

46 строчку рейтинга «мозговых центров» в разделе «Безопасность и международные дела» занимает «Институт исследований Юго-Восточной Азии» (ISEAS). Институт был основан в 1968 году и специализируется на изучении социальных, политических и экономических тенденций в регионе Юго-Восточной Азии. Цель данного «мозгового центра» состоит в том, чтобы создать международную сеть учёных, заинтересованных в регионе и желающих заниматься исследованиями в области социологии, антропологии, политологии, истории и экономики. Институт ставит сво-

ей целью не только стимулировать научные исследования и дискуссии в научных кругах, но и повысить осведомлённость общественности о регионе ЮВА и облегчить поиск эффективных решений в разнообразных задачах, стоящих перед регионом.

Исследовательские программы Института направлены на решение стратегических задач в рамках региона Юго-Восточной Азии и АТР, а также для того, чтобы понимать динамику происходящих политических изменений в рамках региональных государств (например, актуальной является проблематика происходящих изменений в Мьянме, связанных с передачей военными более широких полномочий гражданскому правительству и освобождению лидера оппозиции). Результаты исследований по большей части затрагивают вопросы безопасности и стабильности в регионе и отношения с крупными державами (Китаем, США, Австралией и др.).

Институт издаёт международный рецензируемый журнал «Современная Юго-Восточная Азия», который выходит три раза в год. На страницах журнала публикуются научные исследования по таким темам, как регионализм, безопасность, внутривнутриполитические события и международные отношения в регионе.

Подведём итоги и ответим на вопрос: какую же роль играют «мозговые центры» Сингапура в политическом и внешнеполитическом процессе страны.

Во-первых, исторические и политические традиции Сингапура весьма отличаются от Соединённых Штатов, где впервые появились «мозговые центры» и где их влияние весьма сильно. Истоки культуры «мозговых центров» в Сингапуре связаны с традициями и ценностями конфуцианства – ориентация населения на единый институционально-политический центр власти; идеологизация власти, представляющей собой комплекс властных практик и идеологических теорий; наличие жёстко заданной системы неформальных культурных ограничений, как для населения, так и для чиновников; патриархально-патерналистическая забота о населении со стороны бюрократического аппарата; групповое сознание, т.е. приоритет групповых и общегосударственных интересов над личными; патриархальная и кланово-клиентская структура общества, которая сдерживает развитие демократических тенденций. Любые вопросы и проблемы политической, социально-экономической или культурно-религиозной жизни страны решаемы, но решаемы не с позиций демократической политической борьбы или конкуренции, а с позиций сугубо технократического, прикладного характера. Технократичность механизмов принятия решений придаёт особую значимость аналитическим (мозговым) центрам в системе консультирования, посредничества политической власти с обществом. Внешняя политика не является исключением, что вовлекает сингапурские центры в процесс выработки и принятия внешнеполитических решений.

Во-вторых, появление «мозговых центров» в Сингапуре и рост их влияния обусловлены мировой тенденцией, от которой Сингапур не мог отгородиться. Тенденция заключается в том, что происходит количественный рост аналитический центров по всему миру и прежде всего в развивающихся странах. Аналитические центры по-прежнему более сильны в своём воздействии на политическую элиту в англо-саксонских странах, но такие страны, как Сингапур, восполняют пробелы в этой сфере.

В-третьих, политика прошлых лет пусть и работала эффективно, производя мощное впечатление на население и мировое сообщество, но для будущего она может оказаться неподходящей. Социологические опросы показывают всю большую неуверенность жителей страны в сво-

ём будущем. В этой связи сингапурское руководство нуждается в новых идеях, оно уже не столь самоуверенно и нуждается в советах, которые, как показывает мировая практика, могут предложить аналитические центры. Именно «мозговые центры» способны ставить задачи в новой конфигурации, тогда как традиционная бюрократия более комфортно себя чувствует в режиме стандартных процедур и правил.

В-четвёртых, «мозговые центры» Сингапура вовлечены во внешне-политический процесс путём распространения актуальных результатов политических и внешнеполитических исследований внутри правительства и среди политической элиты страны, а также среди СМИ и общественности страны. Аналитические отчёты и записки ложатся на стол сингапурским чиновникам, которые опираются на результаты исследований «мозговых центров» в принятии тех или иных решений по вопросам безопасности, международных отношений и прочим направлениям государственной политики.

В-пятых, «мозговые центры» Сингапура умеют создавать тематические сети из учёных и различных родственных институтов любой точки мира, т.е. собирать и привлекать лиц, заинтересованных в решении проблем. Сотрудники «мозговых центров» по мнению Д. Макганна «имеют более полное представление о средствах реализации поставленной цели, чем государственные бюрократии, которые раздроблены по департаментам и областям специализации», а в рамках «мозгового центра» существует кооперация усилий всех научных подразделений для достижения научной цели или цели поставленной «заказчиком», например Министерством обороны или МИД Сингапура [6].

В-шестых, в число ведущих мировых «мозговых центров» в сфере безопасности и международных отношений вошли три центра из Сингапура, а именно «Сингапурский институт международных дел», «Институт безопасности и стратегических исследований» и «Институт исследований Юго-Восточной Азии». Все три центра занимаются исследованием международной проблематики и вовлеченности Сингапура в современную мировую и региональную системы международных отношений и безопасности. По своей институциональной структуре и функциональной направленности эти центры не отличаются от своих американских или европейских аналогов. Приоритетными направления исследований являются региональные вопросы политической, экономической и военной безопасности. У истоков становления «мозговых центров» страны стояли сингапурские политики первой величины (президенты, министры), что обусловило тот факт, что государство выступало заказчиком множества исследований и естественно выступало финансовым донором этих центров. Если неполноценно, то частично институт «вращающейся двери» сингапурской политической системы инкорпорирует «мозговые центры» в политическую систему страны. Именно подобные центры обеспечивают приток экспертов в структуры сингапурской бюрократии, в том числе и через систему обучения на образовательных программах центров, а также центры становятся той институциональной средой, попадая в которую, политики, уходящие в отставку, могут применить свой накопленный опыт и формировать прямые каналы коммуникации «мозговых центров» с государственными структурами.

Литература

1. Алексеева Т.А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ: Учеб. пособие для студентов вузов / Т.А. Алексеева, А.А. Казанцев. М. : Аспект Пресс, 2012. 223 с.
2. Эйбелсон Д. «Мозговые центры» и американская внешняя политика: история вопроса [Электронный ресурс]. URL: <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpr/pj73abelson.htm> (дата обращения 4.03.2007 г.).
3. Boucher, Stephen, et al., Europe and its think tanks; a promise to be fulfilled. An analysis of think tanks specialized in European policy issues in the enlarged European Union, Studies and Research No 35, October, Paris, Notre Europe, 2004
4. IPS must continue innovating in social media space: ESM Goh [Электронный ресурс]. URL: <http://www.todayonline.com/singapore/ips-must-continue-innovating-social-media-space-esm-goh> (дата обращения: 15.10.2013 г.).
5. Kotkin J. Singapore Needs A New Sling [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.com/sites/joelkotkin/2013/07/18/singapore-needs-a-new-sling/> (дата обращения: 15.10.2013 г.).
6. Mc Gann. Think Tanks and the transnationalization of foreign policy // [Электронный ресурс]. URL: <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpe/pj73mcgann.htm> (дата обращения 1.03.2007 г.).
7. Mc Gann, James G., The Global 'Go-To' Think Tanks, The Think Tanks and Civil Societies Program 2011, Think Tanks and Civil Societies Program, International Relations Program University of Pennsylvania, Philadelphia, 2012. 128 p. [Электронный ресурс]. URL: http://gotothinktank.com/dev1/wpcontent/uploads/2013/07/2012_Global_Go_To_Think_Tank_Report_-_FINAL-1.28.13.pdf (дата обращения 15.10.2013 г.).
8. Singapore Institute of International Affairs. Annual report for the year 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://www.siaaonline.org/userfiles/file/FY2012_Annual_Report.pdf (дата обращения: 15.10.2013 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Alekseeva T.A. Vneshnepoliticheskij protsess. Sravnitel'nyj analiz: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / T.A. Alekseeva, A.A. Kazantsev. M. : Aspekt Press, 2012. 223 s.
2. Eйbelson D. «Mozgovye tsenry» i amerikanskaya vneshnyaya politika: istoriya voprosa [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpr/pj73abelson.htm> (data obrashheniya 4.03.2007 g.).
3. Boucher, Stephen, et al., Europe and its think tanks; a promise to be fulfilled. An analysis of think tanks specialized in European policy issues in the enlarged European Union, Studies and Research No 35, October, Paris, Notre Europe, 2004
4. IPS must continue innovating in social media space: ESM Goh [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.todayonline.com/singapore/ips-must-continue-innovating-social-media-space-esm-goh> (data obrashheniya: 15.10.2013 g.).
5. Kotkin J. Singapore Needs A New Sling [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://www.forbes.com/sites/joelkotkin/2013/07/18/singapore-needs-a-new-sling/> (data obrashheniya: 15.10.2013 g.).
6. Mc Gann. Think Tanks and the transnationalization of foreign policy // [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/ijpe/pj73mcgann.htm> (data obrashheniya 1.03.2007 g.).
7. Mc Gann, James G., The Global 'Go-To' Think Tanks, The Think Tanks and Civil Societies Program 2011, Think Tanks and Civil Societies Program, International Relations Program University of Pennsylvania, Philadelphia, 2012. 128 p. [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://gotothinktank.com/dev1/wpcontent/>

uploads/2013/07/2012_Global_Go_To_Think_Tank_Report_-_FINAL-1.28.13.pdf (data obrashheniya 15.10.2013 g.).

8. Singapore Institute of International Affairs. Annual report for the year 2012. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.siaonline.org/userfiles/file/FY2012_Annual_Report.pdf (data obrashheniya: 15.10.2013 g.).

УДК 001.89

Рубан Д.А.
Ruban D.A.

Международная научная активность ВУЗов в российских регионах: некоторые географические закономерности

International scientific activity of high education institutions in Russian regions:
some geographical regularities

Мировые рейтинги ВУЗов могут быть использованы для установления некоторых географических закономерностей в организации российской науки. Значительная часть ВУЗов, проявляющих заметную на международном уровне активность, располагается в Европейской части страны, тогда как меньшее их количество находится в Сибири и на Урале. Одни регионы, в которых действуют эти университеты, образуют три группы, а другие располагаются "обособленно". Вышеотмеченные группы могут рассматриваться в качестве территорий, пригодных для формирования надрегиональных научных кластеров. Стратегия развития отечественной вузовской науки должна учитывать географические особенности.

Ключевые слова: *география науки, университет, регион, научная система, рейтинг научной активности*

World university ranking can be employed for establishment of some geographical regularities in the organization of the Russian science. The majority of universities demonstrating scientific activity significant on the international level are located in the European part of the country, and only a little portion of them are situated in Siberia and the Urals. Some regions with these universities constitute three groups, and the others occur "individually". The above-mentioned groups can be seen as territories suitable for development of supraregional scientific clusters. A strategy of the development of the national university-based science should take into account the geographical peculiarities of the latter.

Key words: *geography of science, university, region, scientific system, scientific activity ranking*

Составление всевозможных мировых рейтингов ВУЗов создаёт предпосылку к изучению географии высшего образования и связанной с ним науки [6]. Подобные исследования представляют весьма актуальными, в частности, в связи с необходимостью корректного определения потенциала региональных образовательных и научных систем в контексте их социально-экономического значения и возможностей позиционирования на национальном и международном уровнях для усиления конкурентоспособности регионов [1-4]. Так, проведённый ранее анализ выявил весьма благоприятную (с точки зрения перспектив повышения инвестиционной привлекательности территорий) концентрацию российских ВУЗов, осуществляющих заметную на международном уровне на-

Рис. 1. Российские регионы, в которых расположены ВУЗы с заметной международной научной деятельностью (по данным [5; 7])

учную деятельность, в регионах с достаточно высокой инновационной составляющей в развитии [5].

Целью настоящей работы является краткий анализ географии отечественной науки на основе данных о международной научной деятельности ВУЗов (= университетов *sensu lato* (зд. и далее). За основу взяты данные из последней версии (август 2013 г.) мирового рейтинга (перечня) SCImago Research Group [7], который отражает публикационную активность сотрудников ВУЗов. Попадание в этот перечень само по себе может рассматриваться в качестве индикатора успешности научной деятельности как отдельного университета, так и региональной научной системы в целом [5]. Ограниченность такой трактовки рассматривалась ранее [5], а потому отметим лишь, что публикационная активность является важнейшим, но не единственным мерилем научной активности, и в качестве такового больше подходит для естественных наук.

В общей сложности, 30 отечественных ВУЗов попали в рассматриваемый перечень [7]. Они располагаются в 14 регионах, а именно, в городах Москве и Санкт-Петербурге, Республике Татарстан, Красноярском крае, Белгородской, Воронежской, Ивановской, Иркутской, Нижегородской, Новосибирской, Ростовской, Саратовской, Свердловской и Томской областях [5]. Университеты (за исключением их отдельных структурных подразделений и филиалов) находятся в административных центрах перечисленных субъектов Российской Федерации. Как можно увидеть, наиболее успешными с точки зрения научной деятельности ВУЗов оказываются регионы, располагающиеся в Европейской части России, в сравнении с таковыми Сибири и Урала (рис. 1). Диспропорция эта оказывается несколько меньшей с учётом того, что в Новосибирской и Том-

Рис. 1. Выделенные группы регионов

ской областях расположены по два ВУЗа из перечня [7], тогда как в регионах Европейской части России располагается в основном по одному такому ВУЗу (за исключением городов Москвы и Санкт-Петербурга) [5]. Однако сопоставление размера территории регионов с числом соответствующих им ВУЗов (рис. 1), наоборот, говорит о значительной диспропорции в пользу Европейской части России, где университеты концентрируются на меньшей площади. Сопоставление числа университетов и населения субъектов Российской Федерации даст, по всей видимости, менее однозначный результат, обсуждение которого находится вне задач настоящей работы.

Интересно проследить географическое расположение вышеуказанных регионов относительно друг друга (рис. 1). С одной стороны, имеет место явная концентрация регионов, в которых располагаются ВУЗы, проявляющие заметную международную активность. Так, выделяются следующие группы граничащих регионов: 1) Белгородская, Воронежская, Ростовская и Саратовская области (могут быть выделены в качестве Южного научного "пояса"); 2) Ивановская и Нижегородская области (если к ним отнести также близлежащие, хотя и не граничащие с ними г. Москву и Республику Татарстан, то можно будет обозначить Центральный научный "пояс"); 3) Красноярский край, Иркутская, Новосибирская и Томская области (они могут рассматриваться в качестве Сибирского научного "ядра"). С другой стороны, два региона, а именно г. Санкт-Петербург и Свердловская область, располагаются "обособленно". Таким образом, география отечественной университетской науки определяется как концентрированностью (надрегиональный уровень), так и разрозненностью. Первая из них преобладает. Иными словами, в едином пространстве сосуществуют своего рода "научные регионы" сразу двух иерархических уровней (рис. 2). Безусловно, это должно учитываться при разработке государственных стратегий развития университетской

науки в России. Сам факт наличия вышеупомянутых групп регионов позволяет обратить внимание на сильную сторону последней, т.к. их отсутствие свидетельствовало бы о фрагментарности передовой вузовской науки и достаточной "случайности" в пространственном распределении (как было показано выше, в действительности этого не наблюдается).

Стоит уделить внимание отмеченным выше группам регионов. Входящие в Южный научный "пояс" регионы принадлежат трём разным федеральным округам (Белгородская и Воронежская – Центральному, Ростовская – Южному, Саратовская – Приволжскому). Более того, их административные центры, в которых располагаются ВУЗы из рассматриваемого перечня [7], располагаются на значительном удалении друг от друга (за исключением городов Белгорода и Воронежа). В целом, аналогичная степень географической разобщённости характерна для Центрального научного "пояса". Там, с одной стороны, регионы принадлежат двум федеральным округам (г. Москва и Ивановская область – Центральному, а Республика Татарстан и Нижегородская область – Приволжскому), а расстояние между административными центрами не столь велико (хотя Москва и Казань всё-таки заметно удалены друг от друга). Но с другой стороны, только два из входящих в этот "пояс" регионов имеют общую границу. Что касается Сибирского научного "ядра", то образующие его Красноярский край, Иркутская, Новосибирская и Томская области располагаются в одном федеральном округе. Административные центры Новосибирской и Томской областей (в каждом из которых располагается по два ВУЗа с заметной международной научной активностью) относительно близки географически, а вот административные центры Красноярского края и Иркутской области находятся на некотором удалении. Иными словами, для Сибирского научного "ядра" также фиксируется определённая географическая разобщённость.

В связи со сказанным выше стоит отметить, что концентрация регионов с расположенных в них ВУЗами, демонстрирующими заметную международную научную активность, не соответствует в полной мере ни историческим их связям, ни современному делению на федеральные округа. Например, такие регионы Поволжья, как Республика Татарстан и Нижегородская область, относятся к Центральному научному "поясу" (первый из них – с определённой долей условности), а другой – Саратовская область, – к Южному научному "поясу". Более того, две отмеченные группы включают регионы из разных федеральных округов, о чём говорилось выше. Иначе ситуация обстоит на юге Сибири. Всё это создаёт дополнительный вызов для планирования научной деятельности на государственном уровне.

Отмеченные выше географические закономерности международной научной активности ВУЗов в российских регионах выявляют существенную предпосылку использования территориально-кластерного подхода к развитию отечественной науки [2]. Надрегиональные "кластеры" могут быть сформированы в вышеупомянутых Южном и Центральном научных "поясах" и Сибирском научном "ядре". Кластеры меньшего порядка возможны для "одинокых" регионов. Ранее также обращалось внимание на важность развития науки в приграничных и единственном эксклавному регионах России [1; 2]. Из числа тех регионов, где располагаются ВУЗы с заметной международной научной активностью, приграничными являются Белгородская, Воронежская, Новосибирская, Ростовская и Саратовская области и условно г. Санкт-Петербург (рис. 1). Это лишь сравнительно небольшая часть приграничных регионов России, причём в ряде из них (например, в Воронежской области) длина государственной границы невелика. Следовательно, развитие университет-

ской науки в приграничных регионах России требует дополнительного стимулирования.

Говоря о географических закономерностях организации вузовской науки на уровне страны, следует отметить, что связь научных систем и отдельных университетов в современных условиях обеспечивается не только (и, возможно, даже не столько) близостью их географического расположения. Высокая степень глобализации в рассматриваемой сфере, а также наличие прочных информационных связей внутри неё обеспечивают виртуальную близость научных систем даже весьма удалённых в географическом отношении регионов и университетов. Хотя само по себе это не свидетельствует о меньшей географической диспропорции в размещении регионов с заметной международной научной деятельностью, возможности виртуального сближения региональных научных систем могут способствовать выравниванию научной активности по территории страны, что является важной задачей для России [2].

Подводя итог сказанному, можно сделать следующие общие выводы. Во-первых, российские регионы со значительной международной научной активностью ВУЗов распределены несколько диспропорционально по территории страны. Во-вторых, значительная их часть объединяется в группы: Южный и Центральный научные "пояса", а также Сибирское научное "ядро", характеризующиеся некоторой географической разобщённостью. В-третьих, установленные географические закономерности в размещении передовых университетов должны учитываться при разработке государственной стратегии развития российской науки в целом.

Безусловно, сделанные выводы носят весьма предварительный характер и нуждаются в последующем обсуждении. Сам же анализ международной научной активности в российских регионах может быть существенно расширен за счёт привлечения других показателей и других рейтингов, а также учёта данных по невузовским элементам региональных научных систем (научно-исследовательским институтам, музеям и т.п.). В целом же, настоящая работа подтверждает перспективность географии российской науки как объекта для всестороннего анализа.

В заключение автор выражает благодарность Е.А. Носачевской за обмен мнениями и помощь с литературой.

Литература

1. Бильчак В.С., Носачевская Е.А. Развитие научно-исследовательской деятельности в регионе. Калининград, Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. 265 с.
2. Носачевская Е.А. Наука как фундаментальная отрасль экономики. Москва, Просвещение, 2012. 168 с.
3. Рубан Д.А. Регион как исследовательский бренд в условиях научной глобализации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2012. № 4. С. 120-124.
4. Рубан Д.А. Управление в сфере науки: постановка сверх-задач в условиях глобализации // Вестник Института экономики и управления НовГУ. 2013. № 1. С. 52-56.
5. Рубан Д.А. Позиционирование региональных систем высшего образования посредством публикационной активности: инвестиционно-инновационный контекст // ВУЗ. XXI век. 2013. № 3. С. 107-116.

6. Jöns H., Hoyler M. Global geographies of higher education: The perspective of world university rankings // *Geoforum*. 2013. V. 46. P. 45-59.

7. SCImago Research Group. SIR Global 2013 – Rank: Output 2007-2011. [Электронный ресурс] URL: scimagoir.com (дата обращения: 06.08.2013 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bil'chak V.S., Nosachevskaya E.A. Razvitie nauchno-issledovatel'skoj deyatel'nosti v regione. Kaliningrad, Izd-vo RGU im. I. Kanta, 2010. 265 s.

2. Nosachevskaya E.A. Nauka kak fundamental'naya otrasl' ehkonomiki. Moskva, Prosveshhenie, 2012. 168 s.

3. Ruban D.A. Region kak issledovatel'skij brend v usloviyakh nauchnoj globalizatsii // *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2012. № 4. S. 120-124.

4. Ruban D.A. Upravlenie v sfere nauki: postanovka sverkh-zadach v usloviyakh globalizatsii // *Vestnik Instituta ehkonomiki i upravleniya NovGU*. 2013. № 1. S. 52-56.

5. Ruban D.A. Pozitsionirovanie regional'nykh sistem vysshego obra-

6. zovaniya posredstvom publikatsionnoj aktivnosti: investitsionno-innovatsionnyj kontekst // *VUZ. XXI vek*. 2013. № 3. S. 107-116.

7. Jöns H., Hoyler M. Global geographies of higher education: The perspective of world university rankings // *Geoforum*. 2013. V. 46. P. 45-59.

8. SCImago Research Group. SIR Global 2013 – Rank: Output 2007-2011. [Электронный ресурс] URL: scimagoir.com (дата обращения: 06.08.2013 г.).

УДК 301.085(510)(092)

Ли Суйань
Li Sujian'

Имидж России в глазах общественности КНР

Image of Russia in the eyes of the public of the People's Republic of China

В сообщении автор кратко представляет российским читателям основные результаты своего исследования эволюции имиджа России в сознании китайского общества в период с образования КНР до конца первого десятилетия XXI в.

Ключевые слова: СССР, Россия, КНР, российско-китайские отношения, образ, общественное мнение, формирование имиджа

In the message the author briefly presents the main results of his research on the evolution of Russia's image in the minds of Chinese society in the period since the founding of the PRC until the end of the first decade of the XXI century.

Key words: Soviet Union, Russia, China, Sino-Russian relations, image, public opinion, creating an image

Как общественное мнение Китайской Народной Республики оценивает своего великого северного соседа? Как изменялся имидж России в глазах китайцев в течение более 60 лет? В своей монографии «Образ России в Китае (1949 – 2009 гг.)»¹, опубликованной в ноябре 2012 г., я попытался дать ответы на эти важные вопросы.

Для исследования этого темы мной были изучены архивные документы, научные книги, статьи, литературные и художественные произведения, учебники, мемуары, письма, веб-сообщения, интервью и другие источники. Я стремился найти ценную информацию, чтобы мои выводы были выстроены на прочном фундаменте.

Я разделил шестидесятилетнюю историю КНР на три периода и рассмотрел вышеназванную тему по следующим аспектам:

- ◆ двусторонние отношения между Китаем и СССР/ Российской Федерацией этого периода;
- ◆ образ, который СССР/РФ и Китай надеялись создать;
- ◆ подход к созданию этого образа у Китая и СССР/РФ;
- ◆ соответствующие действия, предпринимавшиеся сторонами;
- ◆ образ СССР/РФ, созданный в китайских учебниках, литературных произведениях и искусстве;
- ◆ «советский комплекс», сложившийся у китайцев;

ЛИ СУЙАНЬ, научный сотрудник, зав. сектором по исследованию истории китайско-российских отношений, помощник директора Института истории Академии общественных наук (г. Харбин, КНР).

¹ Ли Суйань. Образ России в Китае (1949 – 2009 гг.). Харбин, 2012. 487 с.

Китайские учебники 1950-х годов

- ◆ как китайцы оценивают природу, культурные достижения, уровень цивилизации, национальный характер россиян;
- ◆ имидж российских женщин, скинхедов и полиции в Китае;
- ◆ как китайцы оценивают положительный/отрицательный опыт, уроки истории;
- ◆ реакции китайцев на сообщения СМИ России о «китайской угрозе»;
- ◆ как китайцы предсказывают будущее России и будущее китайско-русских отношений;
- ◆ сравнение образа России в Китае и образа Китая в России.

Исследование изменения имиджа России в Китае в течение 60 лет позволило в итоге сделать следующие выводы:

1. Имидж России в КНР сложился под воздействием множества факторов: общественная ситуация в СССР/РФ, общественная ситуация в КНР, состояние двусторонних отношений, степень осведомлённости в Китае о России.

2. Хорошие отношения между странами могут способствовать формированию положительного имиджа каждой из них в глазах соседа. Положительный имидж страны может, в свою очередь, улучшить отношения между двумя странами. В этом его позитивное влияние. В противном случае, имидж может привести к негативным результатам.

3. Имидж России в Китае отражает имидж китайцев в Китае. Исходя из восприятия и оценки России в Китае, можно узнать об обычаях, идеях, ценностях, уровне жизни, моральных нормах, степени цивилизованности, а также эмоциях, ментальности, психологии, мотивации, потребностях самих китайцев.

Текст «Героиня Зоя Космодемьянская»

Текст «Своей грудью закрыть дзот противника», повествующий об истории Василия, героя Советской армии, участвовавшего в боях на Северо-Востоке Китая в августе 1945 г.

Имидж России в Китае как зеркало, которое отражает собственную тень китайцев.

4. В течение шестидесятилетней истории КНР имидж СССР/РФ изменялся вместе с изменением отношений между двумя странами. В этом процессе можно выделить три стадии:

- ◆ положительный имидж («медовый месяц», с 1949 г. до начала 1960-х гг.) – ещё один союзник, глава большой социалистической семьи, волшебное царство, «старший брат»;

- ◆ негативный имидж (период конфронтации, начало 1960-х гг. – 1989 г.) – «советский ревизионизм», советская гегемония, сверхдержава, угрожающая безопасности Китая;

- ◆ более объективный имидж (1989 г. – настоящее время) – дружеский партнёр по стратегическому взаимодействию.

- ◆ На протяжении первых двух этапов, будь то этап дружеских отношений или этап ожесточённой конфронтации, имидж Советского Союза в Китае был в некоторой степени искажён. Разница только в том, что в 1950-х годах имидж Советского Союза приукрашивался, а в 1960-1980-х годах – очернялся. В ходе третьего этапа имидж России становится в основном реалистичным и объективным.

5. За 60 лет существования КНР образ России в глазах китайцев претерпел значительные исторические изменения.

Имидж России очень сложен, что обусловлено сложностью отношений двух стран. Оставляя в стороне запутанные отношения между Китаем и Россией в течение более чем трёхсот лет (с XVI в. до 1949 г.), можно сказать, что даже в течение недавних шестидесяти лет (1949 – 2009 гг.)

Ху Хяньсу (24.5. 1894 – 16.7.1968)

Ли Цзинцзун (27.10. 1912 – 20.10. 2003)

двусторонние отношения сильно изменялись: от «медового месяца» к острой конфронтации; от образа "старшего брата" до самого опасного врага.

6. Причина трансформации имиджа России в Китае в том, что Россия меняется.

В течение 60 лет, наш сосед пережил сложные изменения. В 1950 году СССР – это первая в мире социалистическая страна, «первая скрипка» социалистического лагеря. В период 1960-1980-х гг. – сверхдержава, борющаяся с США за контроль над миром. В 1991 году Россия, как правопреемник СССР, отказалась от социалистического режима и выбрала капиталистический путь. Так в России начался трудный переходный период. И до сих пор мир видит её слабую экономику и могучие вооружённые силы. Россия превратилась в один из полюсов многополярного мира, и, хотя РФ стремится к возрождению, пока это не вполне удаётся. При таких радикальных изменениях неизбежно должен был измениться и имидж России в глазах китайцев.

7. Изменения имиджа СССР/РФ отражают социальные изменения в Китае, собственное развитие китайцев.

В течение 60 лет китайское общество, сами китайцы претерпели сложные изменения. Наряду с этими изменениями, китайцы наблюдали, оценивали СССР/РФ, каждый раз используя новые нормы, новые точки зрения и позиции. В результате Россия имела несколько образов в зеркале китайского общественного мнения.

В эпоху Мао Цзэдуна, в Китайской Народной Республике анализировали обстановку в мире на основании идеологии, различая друзей и врагов. Китайские люди обращали внимание на характер общества СССР, особенно в период конфронтации. В то время китайское общественное мнение было сосредоточено на вопросе: СССР – это социалистическая страна или ревизионистская страна? В 1990-х годах в Китае больше не обращали внимания на идеологию России, и имидж северно-

го соседа стал иным: ни союзник и ни враг, а дружественный стратегический партнёр.

До 1980-х годов китайская промышленность являлась очень отсталой, требовала очень мало энергоресурсов. Тогда китайцы не осознавали, что Россия является сверхдержавой по наличию ресурсов. За последние 20 лет в Китае произошла быстрая индустриализация, поэтому потребность в иностранных энергоносителях резко возросла. В результате Китай обращал всё больше и больше внимания на энергоресурсы России, и начал воспринимать её как «энергетическую сверхдержаву».

8. В Китае был взят курс на создание имиджа советского государства с помощью всесторонней крупномасштабной пропаганды. В рамках этого курса порой принимали принудительные меры, т.е. использовали государственный диктат, чтобы заставить общественное мнение принять определённый образ Советского Союза.

В 1950-х годах во время китайско-советской дружбы, китайское правительство запрещало любое отрицательное мнение о Советском Союзе. Если кто-то отзывался отрицательно о СССР, то он подвергался политическим преследованиям. В то время в Китае всё «антисоветское» приравнивалось к политическому преступлению. Когда один из китайских историков заявил, что царская Россия вторглась в Китай, он был назван «правым».

В 1950-х гг. два китайских учёных усомнились в правильности теории Т.Д. Лысенко, которая стала популярной в СССР. В результате они были подвергнуты политическому преследованию.

Ху Хянсу – китайский ботаник, педагог, один из основателей современной биологии Китая. В своей книге он выразил сомнение в теории Лысенко, и вместе с другом известном биологом Тан Джаджэн выступил за развитие генетической доктрины Менделя-Моргана. Китайские чиновники критиковали его, и характеризовали его подход как «антисоветский», «антикоммунистический», говорили, что он проповедовал

Казнь обвиненных в сочувствии "советскому ревизионизму". г. Харбин, 1968 г. Эпизод 1.

Казнь обвиненных в сочувствии "советскому ревизионизму". г. Харбин, 1968 г. Эпизод 2.

"идеологическую, метафизическую доктрину Менделя-Моргана". Тан Джаджэн также встретил политическую критику властей.

Ли Цзинцзун – генетик-биостатистик. Он не доверял теории Лысенко, поэтому он подвергся жестоким политическим гонениям и был вынужден бежать за границу.¹

В период китайско-советской конфронтации ситуация изменилась: если кто-то давал положительную оценку Советскому Союзу, то его участь была прискорбной. Один китайский интеллигент, у которого было своё собственное, независимое мнение о СССР и советско-китайских отношениях, во время «медового месяца», заявил: «Советский Союз не так хорош, как пропагандируют». Он был арестован за это. После ухудшения китайско-советских отношений, он сказал: «Советский Союз не так плох, как пропагандируют». Он был осуждён ещё раз.

В Харбине в эти годы было сфабриковано примечательное судебное дело. В январе 1968 г. У Бин-юань и Ван Юнчжен редактировали и расклеивали на улицах свою газету «На Север». Харбинские власти посчитали, что «Север» – это Советский Союз, который расположен к северу от Китая, а также решили, что в газете «На Север» У Бинюаня и Ван Юнчжена выражали тоску по «советскому ревизионизму» и желание переехать в СССР. Таким образом, эти два харбинца были осуждены как «действующие контрреволюционеры» и брошены в тюрьмы.

Приводимые мной фотографии² показывают, как полиция повела этих двух несчастных харбинцев на казнь в пригород, где они оба были расстреляны. Имена У Бинюаня и Ван Юнчжена до сих пор не реабилитированы.

¹ Фотографии и материал см. <http://www.baidu.com/>

² См. <http://club.kdnet.net/dispbbs.asp?id=3337947&boardid=1>

Казнь обвиненных в сочувствии "советскому ревизионизму". г. Харбин, 1968 г. Эпизод 3.

9. Имидж страны является важной составной частью «мягкой силы» государства, и Россия придаёт большое внимание заботе о своём имидже.

В 1950 году Китай провёл массовую кампанию: «пропагандировать Советский Союз, учиться у Советского Союза». Она чрезвычайно способствовала укреплению «мягкой силы» СССР, поэтому Советский Союз активно отвечал на эту кампанию, старался создать свой положительный, красивый образ вместе с Китаем. Таким образом, Советский Союз значительно усилил своё влияние в КНР. В 1960 – 1980 годах, во время конфронтации, СССР не мог участвовать в деятельности по формированию своего образа в Китае, а наоборот, эти две страны занимались взаимной клеветой, что серьёзно исказило их образы. После нормализации двусторонних отношений, Советский Союз, а затем Россия, вновь участвовала в деятельности по формированию своего образа в Китае, например, вместе с Китаем организовала «Год государства», «Год языка» и т.д. Действия Советского Союза и России доказали: активное участие в деятельности по формированию своего положительного образа в другой стране – это важный способ нарастить свою «мягкую силу» и развить двусторонние отношения.

10. Образ России в Китае, образ Китая в России. Сравнение.

Образы двух стран улучшились за последние 20 лет. Китай в глазах русских или Россия в глазах китайцев – какой из этих образов лучше? Думаю, что образ России в Китае лучше, чем образ Китая в России. Причины состоят в нижеследующем:

(1) В последние два века Россия обладала многими преимуществами перед Китаем. Китай выше ценит Россию, чем Россия – Китай.

(2) Россия обращает большое внимание на Европу и США, её редко интересует Китай, а Китай всегда привлекает Россия.

(3) В XX веке СССР/Россия стала примером для Китая. В 1950-х годах у СССР стали активно учиться.

Казнь обвиненных
в сочувствии "советскому ревизионизму".
г. Харбин, 1968 г. Эпизод 4.

(4) Для граждан обеих стран информация асимметрична. Китай и Россия имеют разные социальные режимы, поэтому российские СМИ могут свободно и открыто публиковать различные замечания о Китае, такие как «китайская угроза», «жёлтая опасность», в таком случае у русских легко создаётся не очень положительный имидж Китая. А в Китае СМИ строго подконтрольны правительству, то есть существует только один голос по требованию властей: китайско-русские отношения стратегического партнёрства непрерывно развиваются в очень доброжелательном и очень гармоничном виде, народы двух стран уважают и любят друг друга... Такая информация является односторонней, поэтому китайцы не знают реальную ситуацию в России и подход российских СМИ к Китаю.

Очень важно, чтобы обе страны, Китай и Россия, делали всё, чтобы создать и улучшить свой имидж в сердцах жителей соседа. Это требует совместных усилий двух стран.

В XXI веке Китай и Россия продолжают углублять взаимное доверие и улучшать отношения стратегического партнёрства между двумя странами. В такой атмосфере обе страны должны быть полностью осведомлены о важности имиджа друг друга. Необходимо дать общественности как можно более объективную, беспристрастную и всеобъемлющую информацию о своём соседе, запретить искажённую, одностороннюю, враждебную информацию.

Приложение

*Оглавление монографии:
Ли Суйань. Образ России в Китае. Харбин, 2012. 487 с.*

Предисловие

Глава I.

1. Китайско-советские отношения в 1950-х годах
2. Формирование образа СССР: как это делалось в Китае
3. Формирование образа СССР: «советский старший брат»
4. Образ СССР в китайских учебниках
5. Образ СССР в китайских произведениях литературы и искусства
6. Советский комплекс

Глава II.

1. Раскол в китайско-советских отношениях
2. «Советский ревизионизм»
3. «Советский гегемонизм»
4. Образ СССР в китайских учебниках
5. Образ СССР в китайских произведениях литературы и искусства
6. Советский комплекс
7. Последние годы СССР

Глава III.

1. От нормализации китайско-советских отношений к установлению китайско-российского стратегического взаимодействия и партнёрства
2. Стремление познать Россию
3. Общее впечатление: красивая природа, блестящая культура, цивилизованный народ
4. Русский характер
5. Русские женщины
6. Страна, у которой можно получить опыт успехов
7. Страна, у которой можно получить уроки поражений
8. Сосед, смотрящий с подозрением
9. Небезопасная страна
10. Сравнение образа России в Китае и образа Китая в России
11. Образ России в китайских учебниках
12. Образ России в китайских произведениях литературы и искусства
13. Советский комплекс
14. Будущее России
15. Будущее китайско-российских отношений

Заключение

Послесловие

УДК 316.334.3 (091)

*Кажанов О.А.
Kazhanov O.A.*

**Кому выгодна земская власть в Сибири:
политико-социологический анализ
соотношения социальных сил в регионе
(на примере работы Д. Илимского)**

**Who benefits zemskaja power in Siberia:
the political and sociological analysis of the balance of social forces in the region
(on the example of the article of D. Ilmskij)**

Статья посвящена одной из малоизученных страниц истории политической социологии в дореволюционной России. Рассматривается прогноз публициста-сибириеведа Д. Илимского относительно результатов муниципальных выборов, в случае реализации идеи введения краевого местного самоуправления. Описан предпринятый автором политико-социологический анализ соотношения социальных сил в регионе и его критика идей сибирского областничества.

Ключевые слова: *публицистика, областничество, местное самоуправление, политико-социологический анализ, социальная структура, крестьянство*

Article is devoted to one of the little-known pages of the history of political sociology in pre-revolutionary Russia. Are forecasted publicist-sibirieveda D. Ilmskogo on the results of the municipal elections in the case of realization of the idea of the regional administration of local government. Undertaken by the author describes the political and sociological analysis of the balance of social forces in the region and his criticism of ideas Siberian regionalism.

Key words: *journalism; regionalism; local government; political and sociological analysis; social structure, peasantry*

Как показывает знакомство с российской публицистикой периода первой русской революции, особенно выборов в Государственную Думу (1906 – 1912), объектом внимания политических аналитиков того времени нередко становилась социально-классовая структура общества с позиций властных отношений. Тот факт, что она представляла собой сложный конгломерат социальных групп: от распадающихся сословных до формирующихся классовых, – сказывался на выборе различных социальных сегментов электората. Реальные политические ориентации, демонстрируемые их представителями в период избирательных кампаний, нередко противоречили стереотипным взглядам партийных идеологов, чьи организации участвовали в борьбе за депутатские мандаты. Так, например, Трудовая группа, возникшая в стенах I Государственной Думы и ориентировавшаяся на объединение под своими знамёнами широких слоёв многомиллионного крестьянства, пользовалась достаточ-

но большой популярностью у деревни на ранних этапах формирования представительной власти в стране. Однако уже на выборах в III и IV Государственные Думы ситуация стала меняться не в лучшую сторону: социально-классовая дифференциация сельских избирателей сказалась на уменьшении электоральной базы трудовиков [4].

Всё это ориентировало публицистов на обращение к серьёзному политико-социологическому анализу динамики социальной структуры, как всего российского общества, так и его отдельных регионов, где формировались представительные органы власти.

Одно из таких исследований было проведено журналистом Д.И. Кутузовым (лит. псевдоним Дм. Илимский) после выборов в IV Государственную Думу (1912). Оно касалось проблемы земского самоуправления в Сибири [5]. Ряд представителей общественности края выдвигали идею областничества, согласно которой регион должен был превратиться из колониального придатка Российской Империи, управляемого из центра, в автономную область, самостоятельно решающую свои социально-экономические проблемы. Представители региона в III Государственной Думе даже попытались разработать законопроект введения в Сибири земства по типу губерний Европейской России и утвердить его в Государственном Совете. Попытка оказалась неудачной, однако популярность идеи «областничества» в крае не уменьшилась.

На выборах в IV Государственную Думу призывы к введению самоуправления привлекали внимание широких слоёв избирателей в регионе. Об этом свидетельствовали, по мнению Дм. Илимского, многочисленные наказания избирателей как выборщикам, так и депутатам¹, в которых общественные настроения жителей восточной окраины страны фокусировались на одном требовании. «Сибирь всех сословий и классов хочет иметь земство, – писал он впоследствии, – и выборы в IV Государственную Думу лишний раз подчеркнули, как сильно это желание, какие жизненные нужды лежат в основе его» [5, с. 132].

Такая ситуация актуализировала вопрос о будущих земских силах в обширном и разноплеменном регионе, о том, кто станет хозяином положения в новых структурах самоуправления, определит основные направления их деятельности. Тот или иной полученный ответ мог иметь практическую значимость в случае реализации идеи «областничества». От него зависела тактика поборников и будущих работников земства в самой Сибири и возможные отношения самоуправляющегося края с аналогичными организациями в Европейской России. Интересна эта проблема была широкой общественности, считавшей, что «... Сибирь – страна молодая, страна, оригинально сложившихся экономических условий, та страна, где всякий социальный эксперимент даёт плоды особенно рельефные и всегда поучительные для социолога и общественного деятеля» [5, с. 133].

Объективный политико-социологический анализ социальной структуры регионального сообщества был необходим в связи с тем, что идеологи «областничества» распространяли в общественном сознании далёкую от действительности мысль о социально-экономической специфике края. Так, один из представителей этого направления П. Головачев утверждал, что Сибирь – страна крестьянская по преимуществу, не знавшая притом крепостного права, со слабо развитой промышленностью; здесь нет деления общества на классы, а всё различие между людьми определяется лишь большей или меньшей степенью экономического обеспече-

¹ Напомним, что думские выборы в Российской Империи (1906 – 1912 гг.) носили многоступенчатый характер, хотя, по избирательному закону 3 июня 1907 года, были и исключения: в крупных городах страны городские избиратели получили право напрямую вотировать депутатов. – *Прим. авт.*

ния [см.: 2, с. 129-130]. Идея социально однородного «мужицкого царства», не имевшего классового врага в лице помещика-землевладельца и конкурента в лице промышленного рабочего, наводила областников на определённые политические выводы. Местный радикальный патриотизм требовал признания за Сибирью «рекорда демократичности», который и был гарантом установления в крае «самоуправления для всех».

За годы политических пертурбаций Первой русской революции и постреволюционного периода наивный оптимизм сменился более реалистичной, признававшей процесс классового расслоения в сибирской деревне точкой зрения, сторонники которой утверждали, что выборы в органы самоуправления неизбежно принесут победу средним, трудящимся слоям крестьянства. Они и решат судьбу земства в крае, обеспечив ему самую блестящую «мужицкую» будущность.

Такой умозрительный подход, по мнению Дм. Илимского, нуждался в определённой корректировке, так как не учитывал реалий динамики социальной структуры населения Сибири и расстановки сил на политической арене. Углублённый анализ проблемы на основе материалов статистических исследований и монографических публикаций на социально-экономическую тематику известных учёных-сибириеведов того времени¹ приводил автора к иным социально-политическим прогнозам.

В начале XX века сибирская деревня была далека от социальной гомогенности и делилась на четыре группы с хорошо выраженными классовыми признаками и вполне обособленными условиями жизни.

Первое место по сплочённости и возможности влиять на сельский «мир» в Сибири занимали кулаки-торговцы. Тот факт, что они были полными хозяевами положения на местах, определялся территориальными особенностями края. «Редкость населения, отсутствие путей сообщения, необходимость обслуживать потребности личные и хозяйственные исключительно привозными товарами, поразительно малое количество денег в стране и слабое развитие мелкого кредита, – отмечал Дм. Илимский, – всё это создаёт богатую почву для процветания торговцев» [5, с. 134]. Сельская торговля носила централизованный характер, представляя собой структурную цепочку: крупные снабженческие фирмы – мелкие деревенские лавочки – потребители – крестьяне. Влияние небольшого числа «оптовиков» в крае было огромно, так как недостаток финансовых средств на покупку товаров фактически превращал представителей среднего звена этой цепочки в приказчиков крупных фирм, а отсутствие денег у покупателей стимулировало натуральный обмен, позволявший владельцам торговых предприятий концентрировать в своих руках продукцию местных промыслов и производства (пушнина, масло, мёд и воск, рыба, дичь). Будущее земство, несомненно, считает исследователь, столкнётся с властью торговца над деревней, которая в таких условиях огромна и крепка.

Вторую, не менее влиятельную группу в социальном составе местного крестьянства составляли так называемые «заимочники». Это, по мнению Дм. Илимского, сибирский аналог российских помещиков-землевладельцев, существование которых в крае упорно отрицали либеральные областники. Представителей этой социальной группы отличали два экономических признака: с одной стороны, они земледельцы-предприниматели, ведущие хозяйство на земле преимущественно с помощью наёмных рабочих рук, с другой – торговцы-скупщики,

¹ Автор, например, ссылается на работу Н.П. Макарова «Крестьянское кооперативное движение в Западной Сибири», опубликованную в Москве в 1909 году и посвящённую изучению одного из прогрессивных направлений в развитии крестьянского хозяйства края [5, с. 135].

аккумулирующие сельскохозяйственную продукцию, произведённую местной округой. Такая двойственность позволяла займочникам адаптироваться к любым попыткам государства ограничить рост землевладения в Сибири. Установление 15-десятинной подушной нормы, при том что на двор реально приходилось 150 – 250 десятин земли, заставило этих крестьян резко расширить операции торгового капитала, ускоряя процесс «буржуазивания». По мнению Дм. Илимского, займочник отличается от русского помещика тем, что сохраняет тесные связи с деревней, живёт «чисто деревенской жизнью», что совершенно нетипично для последнего в Европейской России. Именно эта категория сибирского крестьянства обладала огромным влиянием в крае, что явно недооценивалось в местной прессе.

Численное большинство населения составляла крестьянская масса, состоящая наполовину из старожилов и переселенцев. Относительно недавно стало складываться влияние этой группы на общественную жизнь в регионе, что объяснялось, в первую очередь, хозяйственной разнородностью и экономическим бесправием её представителей. «Сюда входит, – писал Дм. Илимский, – и маслодел Алтая, и землероб Акмолинских степей, и кустарь Томской округи, и охотник ангарско-ленского края, и ямщик якутского тракта. И все эти люди одинаково закабалены у займочника и торговца, одинаково задавлены тяжестью податей и повинностей, однако игнорируются теми, кому их судьбу ведать надлежит» [5, с. 134-135]. Территориальная разбросанность, низкий образовательный уровень, наряду с уже названной экономической разнородностью, замедляли процесс организации социально-экономической активности. Лишь в последние годы это стремление стало выражаться в создании потребительских кооперативов, охотничьих артелей или в развитии механизма земельного передела.

Наконец, четвёртую группу составляют сотни тысяч переселенцев, которые в результате столыпинской аграрной реформы за 3 – 4 года наводнили Сибирь, так и не определившись в хозяйственном отношении. Часть из них пытается слиться с общей массой местного крестьянства, другие стоят на границе пролетаризации, а третьи – осаждают чиновничьи канцелярии, осуществляющие переселенческую политику, просьбами о пособии. По мнению Дм. Илимского, эта группа наименее влиятельна в общественной жизни края.

Анализируя потенциал каждой из данных социальных групп в борьбе за власть в будущем сибирском земстве, исследователь абстрагируется от участия в этом процессе политических структур, или, как он выражается, партийных «желаний», беря в расчёт накопленный опыт российского земства с коррективами на местные условия. С этих позиций три фактора определяют победу той или иной общественной силы в крае: экономическое влияние, социальная организация и сплочённость, а также наличие опыта общественной деятельности. По мнению Дм. Илимского, всем этим условиям в Сибири соответствуют лишь крестьяне-займочники.

Обосновывая свой выбор, исследователь ссылается на наблюдения за местной деревенской жизнью. Участие займочников в работе сельских и волостных сходов показывало их способность действовать сообща, сохраняя это качество даже за пределами своей волости. Среди проблем, которые сплывают и организуют крестьян этой социальной группы, – противостояние передельным стремлениям сельских низов, наплыву переселенцев из Европейской России, борьба с потребительской кооперацией и т.д. Ещё одним качеством, определяющим их доминирующее положение в будущем сибирском земстве, Дм. Илимский считает инициативность, ориентированную на защиту собственных групповых инте-

ресов. Среди примеров такого рода он называет создание системы сдачи почтовой гоньбы в аренду отдельным лицам, основание маслодельной кооперации в Сибири, поддержку хуторских стремлений сибирских землеустроителей. Экономическое влияние займочников в регионе усиливается их высоким для того времени образовательным уровнем (поголовной грамотностью), широким практическим кругозором и тесной связью с землёй.

На основе социального анализа Дм. Илимский делает однозначный вывод: на первых порах в будущей земской жизни доминирование гласных от этой социальной группы неизбежно. Для него, представителя неонароднической идеологии, это печальный факт. «Займочники способны только на узкую своекорыстную политику, они радикальны на словах и крепостники на деле, им чужды действительные нужды деревни. Их владычество будет чёрной полосой в истории новой сибирской деревни» [5, с. 136].

Дм. Илимский – противник радикальных политических мер, способных искусственно изменить соотношение социальных сил в сибирском земстве. С позиций социального эволюционизма он предрекает наличие длительного исторического периода, в процессе которого масса трудового крестьянства окрепнет как в экономическом, так и в общественном отношении, прежде чем земская власть «перейдёт в руки тех, кому она принадлежит по справедливости».

Общество не может отменить законы исторического развития, но оно может ускорить процесс их протекания. С этих позиций Дм. Илимский предлагает «политизировать» работу будущего сибирского земства, ставя в центр деятельности её прогрессивных представителей борьбу за введение всеобщего избирательного права. Приобщая трудящиеся массы к общественной жизни и превращая краевое самоуправление в механизм формирования политического сознания и самосознания трудового крестьянства, можно было сократить срок «неизбежного владычества» эксплуататорских классов в общественной жизни Сибири. «Перед Сибирью стоит дилемма: или демократическое земство – и тогда власть займочников и лавочников будет кратковременна, и со свержением её процветёт деревня, или земство куцее – и тогда Сибирь повторит историю земской России» [5, с. 136].

В целом, исследование Дм. Илимского свидетельствует о продуктивности методологической установки относительно того, что контуры политической жизни страны во многом определяет структурная динамика социальной структуры общества. Применённый автором политико-социологический подход показал всю сложность социально-классовых процессов, происходивших в сибирском обществе в начале XX века, и их влияние на соотношение социальных сил в региональной политике. Это лишь один пример эмпирических исследований такого рода, проводившихся в стране в период думских избирательных кампаний начала XX века [см. 1; 3; 6; 7; 8; 9], который указывает на достаточно высокий уровень политико-социологической аналитики того времени.

Литература

1. Бородин Н.А. Государственная Дума в цифрах. СПб.: Издание Товарищества «Общественная Польза», 1906.

2. Ветошкин М. Сибирское областничество // Современный мир. 1913. № 3. С. 119-139.
3. Горн В. Избирательный закон 3 июня и вероятный состав 3-й Думы (Политико-статистический этюд) // Современный мир. 1907. № 7-8. С. 1-35.
4. Иванович С. Безнародная демократия (отрудовой группе) // Современный мир. 1912. № 6. С. 272-281.
5. Илимский Дм. Земские силы Сибири // Северные записки. 1913. № 2. С. 132-136.
6. Ленский. Некоторые итоги избирательной кампании (Городская и рабочая курии) // Вопросы момента. М., 1906. С. 129-161.
7. Лосицкий А.Е. Избирательная система Государственной думы: С диаграммами. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, [1906]. 40 с.
8. Орловский П. Некоторые итоги первой Думы // Образование. 1906. № 9. С. 23-43.
9. Смирнов А. Как прошли выборы во 2-ю Государственную Думу. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1907. 294 с.
10. Соболев М. Экономические интересы и группировка политических партий в России. М.: 1906. 34 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Borodin N.A. Gosudarstvennaya Duma v tsifrakh. SPb.: Izdanie Tovarishhestva «Obshhestvennaya Pol'za», 1906.
2. Vetoshkin M. Sibirskoe oblastничество // Sovremennyy mir. 1913. № 3. S. 119-139.
3. Gorn V. Izbiratel'nyj zakon 3 iyunya i veroyatnyj sostav 3-j Dumy (Politiko-statisticheskij ehtyud) // Sovremennyy mir. 1907. № 7-8. S. 1-35.
4. Ivanovich S. Beznarodnaya demokratiya (o trudovoj gruppe) // Sovremennyy mir. 1912. № 6. S. 272-281.
5. Pimskij Dm. Zemskie sily Sibiri // Severnye zapiski. 1913. № 2. S. 132-136.
6. Lenskij. Nekotorye itogi izbiratel'noj kampanii (Gorodskaya i rabochaya kurii) // Voprosy momenta. M., 1906. S. 129-161.
7. Lositskij A.E. Izbiratel'naya sistema Gosudarstvennoj dumy: Sdiagrammami. SPb.: Izd-vo O.N. Popovoj, [1906]. 40 s.
8. Orlovskij P. Nekotorye itogi pervoj Dumy // Obrazovanie. 1906. № 9. S. 23-43.
9. Smirnov A. Kak proshli vybory vo 2-yu Gosudarstvennuyu Dumu. SPb.: Tipografiya t-va «Obshhestvennaya pol'za», 1907. 294 s.
10. Sobolev M. EHkonomicheskie interesy i gruppirovka politicheskikh partij v Rossii. M.: 1906. 34 s.

**Методологический семинар
«Возможна ли справедливость в международных
отношениях?»
(Владивосток, 22 ноября 2013 г.)**

**Methodological seminar "Is justice possible in international relations?"
(Vladivostok, 22 November 2013)**

Вопросам методологии социального познания, критики и развития её средств принадлежит центральное место в сфере интересов нашего журнала. Поэтому редакция «Ойкумень» не могла обойти вниманием небольшое по масштабу, но значимое событие, которое состоялось во Владивостоке 22 ноября 2013 г. В этот день в Школе гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (ШГН ДВФУ) был проведён междисциплинарный методологический семинар на тему «Возможна ли справедливость в международных отношениях?». Инициатором и ведущим семинара выступил заведующий кафедрой философии ДВФУ, д.ф.н., профессор С.Е. Ячин. Наряду с преподавателями кафедры философии (А.С. Бурлак, к.ф.н. О.Л. Грановская), магистрантами и студентами ШГН, к участию в обсуждении поставленной проблемы были приглашены представители Школы региональных и международных исследований ДВФУ, международники и политологи (А.И. Козинец, д.и.н. А.М. Кузнецов, к.полит.н. А.А. Киреев).

В открывавшем семинар вступительном слове, С.Е. Ячин дал своё обоснование необходимости проведения подобных методологических дискуссий с участием философов и специалистов в данной отрасли знания. По мнению профессора, подходы философа и специалиста к любой проблеме, включая и проблематику международных отношений, хотя и различны, но носят взаимодополняющий характер. Если специалист занимается предметом, то задачей философа является работа с понятиями. Разумеется, учёный-специалист не может не использовать понятия, но отличие логики работы с понятиями от логики работы с предметами для него, как правило, не очевидно. В качестве примера С.Е. Ячин привёл хрестоматию по теории международных отношений под редакцией П.А. Цыганкова. Рассматривая в этой книге проблему справедливости международных отношений, учёные-международники не разбирают самого понятия справедливости. Оно кажется им априорно понятным, хотя спор о том, что такое справедливость идёт уже две с половиной тысячи лет и до сих пор не закончен.

Формулируя свою позицию, С.Е. Ячин указал на то, что разрешить проблему справедливости в международных отношениях без определения того, что понимается под самой справедливостью, невозможно. Более того, именно ситуация неопределённости данного понятия и приводит к общему кризису в теории международных отношений, который фиксирует П.А. Цыганков. Представители всех трёх основных противоборствующих подходов к международным отношениям – реалисты, либералы и неомарксисты – вынуждены говорить об этике. Сторонники разных под-

ходов могут обвинять друг друга в игнорировании этики, но при этом многие из них, включая и реалистов, и либералов, ссылаются на Канта, его идеи должностования и прав человека. Предельно обострило ситуацию в теории международных отношений то, что произошло в Югославии, в Косово, когда ради неких гуманных целей была начата война.

Сложившаяся ситуация, с одной стороны, предельно практична, но с другой, является очень теоретической, даже философской. К этой мысли, по словам С.Е. Ячина, его привело знакомство с работой американского философа Джона Ролза. В своей книге Ролз утверждает, в частности, следующее: «Справедливость – это первая добродетель общественных институтов. Точно также как истина – первая добродетель систем мысли. Теория, как бы ни была она элегантна и экономна, должна быть отвергнута или подвергнута ревизии, если она не истинна. Подобным же образом, законы и институты, как бы они ни были эффективны и успешно устроены, должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы». Не соглашаясь в полной мере с точкой зрения Ролза, С.Е. Ячин подчеркнул, что этот автор является чрезвычайно уважаемой фигурой в западной политологии. Кроме того, Ролз теоретически корректен, и некоторые из его теоретических посылок и следствий из них заслуживают рассмотрения.

По мнению С.Е. Ячина, в своей теории справедливости Дж. Ролз исходит из презумпции первоначального равенства людей. Это допущение С.Е. Ячин оценил как теоретически возможное, но фактически неверное.

Трактовка профессором взглядов Дж. Ролза вызвала возражения некоторых участников семинара. Так, О.Л. Грановская высказала мнение, что Ролз всё же не считает людей равными по природе. Он говорит лишь об их равенстве в исходной ситуации заключения общественного договора, когда они не знают своих возможностей, не осознают своего действительного неравенства. Условиями заключения справедливого договора по Ролзу является то, что стороны заключают его не для себя, и не знают о том, какие преимущества этот договор может им дать. На то, что условиями справедливости договора (или закона) в теории Ролза выступают исключение собственных интересов и незнание будущих преимуществ, указал и А.С. Бурлак.

С.Е. Ячин согласился с тем, что договор не должен создаваться «под себя», но выразил сомнение в основополагающем значении допущения о незнании. Главной же идеей в ролзовской теории справедливости он назвал честность. Из честности вырастает всё остальное. На честности основано и равенство сторон. Если человек понимает, что от сотрудничества с другим человеком он получит больше, чем от борьбы, то заключая с ним соглашение, он будет честным. Но в основе справедливого соглашения лежит именно честность, а мотив выгоды является производным.

С точки зрения О.Л. Грановской, противоречия в понимании теории Ролза связаны с тем, что в её развитии были ранний и поздний этапы. Ранний вариант теории был создан в период с 1954 по 1960 гг. Этот вариант встретил широкую критику, как со стороны либертарианцев, будущих неоконсерваторов, стремившихся сохранить классический либерализм, так и со стороны коммуитаристов, не соглашавшихся с кантовской трактовкой Ролзом личности. В результате Ролз пересмотрел свою позицию. Сначала он понимал справедливость как обеспечение справедливого доступа к осуществлению возможностей в обществе, к получению приоритетных благ. Но при этом справедливость в интерпретации Ролза была похожа скорее на благо, чем на средство. Либералы, считающие главным благом не справедливость, а свободу, уличали его в социализме. Отрицая это и пытаясь уместить справедливость в теорию

либерализма, Ролз стал определять её не как благо, но как регулятивный принцип. Что же касается выгоды, то в основе справедливости по Ролзу находится максимин, т.е. максимизация минимума. Чтобы общество было справедливым, оно должно максимизировать минимум выгоды самого уязвимого.

Ведущий семинара высказал мнение, что допущение об исходном равенстве акторов, заключающих договор, в общем случае не следует считать обязательным. О необходимости других допущений, говорил и сам Ролз, когда отказывался от применения своей теории к международным отношениям. Однако, по убеждению С.Е. Ячина, не существует другой сферы, которая в большей степени соответствовала бы ролзовскому подходу, чем сфера международных отношений. Именно международные субъекты изначально находятся в принципиальной позиции равенства. Если индивиды изначально находятся в отношении неравенства, то государства, как сообщества людей, взявших на себя ответственность за свою судьбу, в рамках международных договоров выступают как равные. Позиционирование общности как государства фактически означает взятие коллективной ответственности и презумпцию равенства с другими государствами. Можно заметить, что некоторые этнические общности, которые выступают за создание своей государственности, – поступают безответственно, поскольку не обладают ресурсами для культурного и экономического самовоспроизводства. Поэтому сфера, где можно использовать теорию Ролза и говорить о справедливости в исходном смысле, – это именно сфера международных отношений.

А.С. Бурлак отметил, что в этой сфере нельзя применить принцип «завеса незнания». Ведь государства всегда знают, чего хотят, и международные отношения – это всегда борьба за преимущества для самого себя.

Эту критику поддержал и А.И. Козинец, указавший на двойственность современной системы международных отношений. С одной стороны, в уставе ООН, воспринимаемом в качестве каркаса международных договоров, говорится о равенстве государств. Однако, с другой, в той же ООН существует разделение на общий пул государств и пятёрку постоянных членов Совета Безопасности ООН, которые могут заблокировать любое решение. Кроме того, согласно договору о нераспространении ядерного оружия, этой пятёрке государств разрешено иметь такое оружие, а всем остальным запрещено. Таким образом, имеет место неравенство.

С.Е. Ячин признал, что современная международная система лицемерна. Ситуация, когда, с одной стороны, провозглашается равенство сторон в рамках договоров, а с другой, фиксируется их неравенство, и обуславливает кризис. Он явно выражается в том, что делают США и другие страны. И, тем не менее, профессор вновь повторил свой тезис о том, что наилучшей сферой применения теории Ролза являются международные отношения, а не отношения людей внутри государства. В последнем случае, допущение об исходном равенстве сторон, заключающих договор, если не совершенно ошибочно, то требует обоснования. Это было показано ещё Марксом, а затем Лениным. Ленин жестоко критиковал заявления о равноправии капиталиста и рабочего, который имеет право заключить трудовой договор или не заключать его и умереть.

Ту же проблематику, что и Дж. Ролз, по мнению С.Е. Ячина, разрабатывает и такой философ, как Аксель Хоннет. Этот представитель третьего поколения Франкфуртской школы известен созданной им теорией признания. В своей ключевой работе «Борьба за признание» А. Хоннет показывает, что все отношения (между людьми и между государствами) строятся на борьбе не за равенство, а за признание. Справедливость – это

когда вас признают именно в том качестве, в котором вы есть. Это честно. Здесь уместно вспомнить определение революционной ситуации, данное Лениным. Хоннет во многом повторяет его сюжет. Он утверждает, что сами по себе бедствия никогда не ведут к революционной ситуации и вообще к изменениям в обществе. Эти изменения возникают только в тот момент, когда некая группа начинает воспринимать отношения к ней других субъектов как несправедливые. Хоннет приводит в качестве примера Жакерию. Когда в войне французских и английских рыцарей французы проиграли и по условиям договора должны были заплатить англичанам большой выкуп, они переложили его на крестьян. И крестьяне возмутились этой несправедливостью. Потому что это было кастовое общество с распределёнными обязанностями, где рыцари должны были воевать, а крестьяне – пахать землю. Получилось же, что военные проиграли, а расплачиваться должны были крестьяне. Этого они не вынесли, и поднялась Жакерия. Это яркий пример того, как несправедливость, разрушение традиционных отношений признания выливается в социальное движение.

С.Е. Ячин отметил, что на его взгляд, позиция А. Хоннета имеет более универсальный характер. Кроме того, важно, что Хоннет членит отношения справедливости на три уровня – экзистенциальный, символический и институциональный (в терминологии Ячина). Тем самым он показывает, что эти отношения представляют собой систему.

После сказанного С.Е. Ячин предложил вернуться к самому понятию справедливости. Он поставил перед участниками семинара вопрос о том, как они определяют это понятие.

А.И. Козинец определил справедливость как чувство честности во взаимоотношениях.

Сходную точку зрения высказал и А.С. Бурлак. Несмотря на то, что люди не могут договориться о справедливости на теоретическом уровне, что такое справедливость на бытовом уровне понимают все. Ведь справедливость – это, прежде всего, ощущение, экзистенциал. Всё остальное есть лишь наложение на это ощущение.

С.Е. Ячин выразил сомнение в том, что такой эмпирический подход может привести к общему пониманию справедливости и разрешить связанные с ней споры. Ошибка во многих спорах возникает потому, что понятия сразу начинают рассматриваться содержательно. Каждая из сторон изначально вкладывает в них некий свой смысл. В данном случае С.Е. Ячин предложил использовать принцип, который он назвал «аргументом Сократа». Когда перед Сократом сталкивались разные мнения, например, о красоте, он говорил о том, что хотя представления людей о красоте могут быть разными, её идея есть у всех. Это касается и идеи справедливости, которая есть даже у маленьких детей. Но одной этой идеи недостаточно, чтобы они поняли друг друга.

По мнению С.Е. Ячина, в рамках кантианской традиции слово «идея» следует понимать как регулятивный принцип. Справедливость – это регулятивный принцип отношений между людьми. Все люди, если они вменяемы, изначально руководствуются этим принципом. Если сначала зафиксировать формальную структуру справедливости, а потом начать наполнять её содержанием, то возможно нам удастся о чём-нибудь договориться.

А.С. Бурлак задал вопрос о том, идёт ли речь именно о фиксации, или о создании.

С.Е. Ячин ответил, что справедливость – это некая априорная, изначально данная структура, которую в дальнейшем мы наполняем своим содержанием.

Затем ведущий предоставил слово для выступления А.И. Козинцу как представителю специалистов-международников.

В своём выступлении А.И. Козинец прежде всего отметил, что наука о международных отношениях, в т.ч. упоминавшиеся теории реализма, либерализма и различных вариантов марксизма, имеет определённые философские основания. Так, реалисты делают упор на «войну всех против всех», говорят об агрессивной природе человека и экстраполируют её на уровень отношений государств. С их точки зрения, все государства, так или иначе, заинтересованы в поглощении или уничтожении друг друга и своём максимальном усилении. Существуют национальные интересы, и именно в рамках их противоборства и строится международная политика. Либеральное направление очень часто ссылается на Канта. Либералы говорят об экономическом сотрудничестве, выгоды от которого перевешивают желание завоёвывать соседей. И это представление также основано на определённом толковании природы человека. Именно о природе человека ведётся один из ключевых споров между этими двумя парадигмами. Исходя из того, что принимается за природу человека – конфликтность или дружелюбность – выстраивается теория и приводятся различные аргументации. Одна из сторон приводит в качестве аргументов бесчисленные войны между государствами. Другая указывает, что в последнее время создаётся всё больше союзов, интеграционных группировок, таких организаций, как ООН, делая вывод, что таким образом государства движутся к сотрудничеству. Что касается марксистов, то они отталкиваются от либералов, но, вместе с тем, критикуют их, подчёркивая, что в ходе экономического сотрудничества более могущественные государства создают интеграционные объединения с целью выкачивания ресурсов, и в результате возникает неоколониализм. Также ведут себя ТНК. Хотя их считают наднациональными акторами, но в большинстве случаев можно докопаться до материнского государства. Когда говорят, что ТНК могут обрушивать государственную экономику, то они могут сделать это с каким-то маленьким африканским государством, но обрушить экономику США или Японии одна корпорация не в состоянии. В данном случае скорее государство может повлиять на корпорацию.

Идеи о справедливости, по мнению А.И. Козинца, чаще всего выступают как вторичные по отношению к политическим идеям. Если мы считаем, что тот, кто сильнее, должен обязательно уничтожать слабых, то получается, что победитель может диктовать волю побеждённому. Отсюда та система в рамках ООН и Совета Безопасности, которая была выстроена после 1945 г. пятью победителями во второй мировой войне. В этой системе есть пять государств, которым позволено больше, чем другим, т.е. всем остальным 193-ем членам ООН, не способным оказывать решающего влияния по ключевым вопросам – вопросам войны и мира, вмешательства во внутренние дела государств и т.п.

Как указал А.И. Козинец, с точки зрения либеральной теории, такая ситуация вызывает вопросы относительно своей справедливости и честности. Однако в современном мире либеральные ценности демократии и прав человека уже используются для осуществления действий, которые могут казаться неэтичными другим. Допустим, говорится о том, что в Иране или Ираке диктатура. Диктатура – это аморально по отношению к населению, которое следует защищать в первую очередь. Тем самым мы можем обосновать вмешательство в дела этого государства и суд над диктатором. Однако если мы считаем, что все государства равны, и политик, выступает как лицо, представляющее государство, то получается, что это несправедливо. То, что произошло в Ираке или Ливии,

оказывается аморальным. Проблема состоит в точке отсчёта. В политике не существует общей идеи о том, что справедливо.

Вопросом, по словам А.И. Козинца, является и то, насколько идея демократии, западная по происхождению, применима к азиатским обществам. Этот вопрос сложен. И, тем не менее, эта идея разделяется на международном уровне, потому что даже такие государства, как Северная Корея, не будучи демократическими, используют слово «демократия» в своём названии. Даже самые одиозные диктаторы не станут утверждать, что у них в стране диктатура, но будут пытаться делать вид, что у них какая-то особенная, своя демократия. Таким образом, слова используются всеми, но по-разному понимаются. Вопрос в том, насколько допустим такой релятивизм и возможно ли общее определение. Как раз в отношении определений в теории международных отношений наблюдаются значительные расхождения.

По итогам заслушанного выступления С.Е. Ячин предложил присутствующим высказаться о том, как можно было бы решить проблему справедливости в международных отношениях.

Излагая свой взгляд, А.И. Козинец подчеркнул, что основная проблема заключается в том, что справедливость и равенство в международных отношениях являются мнимыми. Суверенитет разных государств неодинаков. Максимальный государственный суверенитет есть только у США. Только они могут полностью обезопасить себя от жёсткого вмешательства. Таким образом, следует признать, что равенства нет, и выстраивать отношения необходимо исходя из того, что субъекты разные.

С.Е. Ячин призвал участников семинара обратить внимание на соотношение понятий «справедливость» и «честность». Они не синонимичны. Честность – это особая трактовка справедливости. Отсюда вытекает новая формулировка вопроса – возможны ли честные международные отношения. Если вспомнить об обыденном понимании честности, то она есть тогда, когда мы не обманываем. Сейчас же в международных отношениях мы часто сталкиваемся с обманом.

Возражая ведущему, А.С. Бурлак выразил мнение, что главная проблема теоретиков, рассуждающих о справедливости в международных отношениях, состоит в том, что они говорят о мире, которого уже нет. Говорить о международной политике сегодня становится всё более бессмысленно, поскольку государства представляют собой устаревающие фикции. Человечество как никогда интернационализировано, события в других странах касаются нас непосредственно. Если государств и народов по существу уже нет, если нет международных отношений в прежнем смысле, то, как можно говорить о справедливости в международных отношениях.

Не соглашаясь с высказанным мнением, А.А. Киреев обратил внимание на то, что происходящие изменения означают только смену субъектов международных отношений.

С.Е. Ячин напомнил, что, согласно Н. Луману, все системы существуют в рамках своих самоописаний. Если запустить в самописание системы некоторую идею, то система изменяется. Если в международный дискурс ввести идею честности и справедливости, то ситуация изменилась бы уже потому, что об этом стали бы говорить.

Ряд участников семинара восприняли этот тезис скептически. Так, О.Л. Грановская выразила уверенность, что люди не хотят менять сложившийся в мире порядок, который скорее соответствует не Ролзу, а теории реализма, и основан на принципе – что мне выгодно, то и справедливо.

А.С. Бурлак предложил разделить международную политику и международные отношения. Международная политика – это деятель-

ность конкретных людей, которые борются за ресурсы и власть. Именно их политическое взаимодействие, а не отношения самих народов и рядовых граждан, является источником международных проблем. Поэтому для того, чтобы достичь справедливости в мире, необходимо устранить всякую политическую власть и оставить только власть экономическую.

А.И. Козинец и С.Е. Ячин высказали сомнение в реалистичности подобного подхода.

В свою очередь О.Л. Грановская поддержала предложенную дифференциацию. По её мнению, в то время как на уровне государств за справедливость в международных отношениях никто не борется, на экзистенциальном уровне такая борьба идёт. Она происходит, например, в форме огромных миграций из стран Юга в страны Севера, где условия жизни лучше. Такие процессы трансформируют мир. Люди сами устанавливают в нём справедливость без помощи политических институтов.

С.Е. Ячин указал на то, что понятия межгосударственных и международных отношений трудно отчётливо развести. Это связано с тем, что правящие заинтересованы в смешении этих понятий. Но если мы введём идею справедливости как честности в международные отношения, то народы получат возможность давить на своих правителей, чтобы они приняли эту идею.

А.А. Киреев заметил, что и правители могут использовать данный концепт как орудие давления на народы. Например, призывая их к ведению справедливых войн.

А.С. Бурлак обратил внимание участников семинара на события, связанные с проектом «Викиликс» и Э. Сноуденом. По его мнению, они свидетельствуют о том, что современный мир – это мир борьбы людей против совершающих несправедливости правительств.

С.Е. Ячин предложил участникам семинара высказаться о концепции прав человека, которая является сегодня приоритетной в международном законодательстве и международных отношениях. Признание прав человека фактически уже стало критерием справедливости в международных отношениях. Если права человека ставятся выше государственных, то, по мнению С.Е. Ячина, это должно обнадёживать.

Позиция ведущего вызвала целый ряд возражений. Так, О.Л. Грановская высказала сомнение в действенности доктрины прав человека. Страны, провозглашающие эту доктрину, такие, как США, не собираются, исходя из неё, перераспределять свои блага в пользу слабых государств или отказываться от обогащения за их счёт.

А.С. Бурлак подчеркнул, что под правами человека на самом деле подразумеваются права западного человека.

А.А. Киреев указал на необходимость прояснения того, кто именно интерпретирует содержание прав человека. Такой интерпретацией занимаются не граждане, а государства, и это вполне конкретные государства.

Отвечая на возражения, С.Е. Ячин согласился с тем, что права человека могут пониматься различно. Но важно то, что в западном законодательстве закреплено само определение справедливости как соответствия естественным правам. Это лучше концепции позитивного права, утверждающей приоритет закона, каким бы он ни был.

Присоединившийся к семинару профессор А.М. Кузнецов усомнился в значимости правовых регуляторов международных отношений. С его точки зрения, международное право служит последним прибежищем для слабых, но на сильные государства оно всерьёз повлиять не способно.

С.Е. Ячин призвал вновь вернуться к самому понятию справедливости. По его мнению, одной из проблем, связанных с этим понятием,

является то, что многие понимают справедливость как равенство. Эта ошибка, уходящая корнями в лозунги Великой французской революции, имела катастрофические последствия для России. Однако если в духе А. Хоннета заменить понятие равенства понятием взаимности, признания, то всё становится на свои места. В этом смысле нужно бороться за взаимные отношения. Семейные отношения, например, не должны быть равными, но должны быть взаимными.

О.Л. Грановская и А.С. Бурлак не согласились с утверждением ведущего, настаивая, что и в семье, и в международной сфере взаимность не исключает подавления слабых.

С.Е. Ячин отметил, что слабое государство и не должно соперничать с США, но на взаимность рассчитывать может. Идею же прав человека можно признать работающей.

А.М. Кузнецов предложил перевести обсуждение темы в антропологическую плоскость. Все названные концепции упираются в проблему человеческой природы. Типичный западный либерал, сторонник прав человека, воспитан на том, что каждый по природе индивидуалист, что жизнь есть борьба и выживает сильнейший. Отсюда и Дарвин с его теорией естественного отбора. И не случайно, что в пику ему российский учёный П.А. Кропоткин выдвинул идею кооперации как основного фактора эволюции. Действительно, по мнению А.М. Кузнецова, в процессе антропогенеза выжили именно те группы, в которых была развита кооперация.

С.Е. Ячин высказал мысль, что придать теории справедливости международную значимость можно, если соединить её с теорией кооперации. Так, сторонники устойчивого развития говорят о необходимости перехода от губительной для человечества парадигмы конкуренции за ресурсы к кооперативной парадигме. В любом случае о справедливости следует больше говорить. Интеллектуальная элита должна запускать этот регулятивный принцип в масс-медиа, в контур самоописания общества.

По мнению А.А. Киреева, реализация такого подхода может привести просто к обновлению языка. То, о чём ранее говорили в терминах силы, интереса и т.п., будут представлять в терминах справедливости/несправедливости. Содержание же останется неизменным.

Не соглашаясь с этим, С.Е. Ячин выразил уверенность, что введение новых терминов и смыслов ведёт к изменению отношения к предмету.

А.М. Кузнецов заметил, что ведущий излишне привержен лингвистической философии, которая сегодня опровергается научными исследованиями, показывающими зависимость уровня развития языка от развитости соответствующих практических сфер жизни общества.

Подводя итог обсуждению темы семинара, С.Е. Ячин призвал к дальнейшему изучению проблемы справедливости в международных отношениях и, в частности, возможностей применения в этой области теории Дж. Ролза. Эта актуальная проблема вполне могла бы стать предметом диссертационных исследований. Проведение же методологических семинаров, подобных состоявшемуся, должно быть продолжено.

*Латушко Ю.В.
Latushko Yu.V.*

О встрече с руководством ФАНО, помощником Президента А.А. Фурсенко и руководителем РНФ А.В. Хлуновым

**On the meeting with the leadership of FASO,
Assistant to the President A.A. Fursenko and the head of RSF A.V. Khlunov**

13 февраля 2014 г. в кампусе Федерального университета состоялась встреча молодых учёных Дальневосточного отделения Российской академии наук (ДВО РАН) и ДВФУ с помощником Президента РФ А.А. Фурсенко, руководителем ФАНО России М.М. Котюковым и главой РНФ А.В. Хлуновым. На встрече также присутствовали губернатор Приморского края В.В. Миклушевский, председатель ДВО РАН, академик В.И. Сергиенко, ректор ДВФУ С.В. Иванец и другие официальные лица. Собравшимся предложили обсудить интеграцию научно-исследовательской деятельности академических институтов и университета, а также их взаимосвязь с реальным сектором экономики.

Мною был представлен доклад о работе Совета молодых учёных ДВО РАН как примере самоорганизации академической молодёжи. От Федерального университета выступил доцент Школы естественных наук Александр Самардак. Он подробно изложил принципы совместной работы ДВФУ и ДВО РАН на примере научно-образовательного центра «Нанопизика и нанотехнологии» и рассказал о достигнутых результатах деятельности.

– Эта встреча для меня – отправная точка, с которой мы начинаем нашу совместную работу. Подобное общение обязательно продолжится в дальнейшем. Хочу пожелать вам больше работать вместе и реализовывать интересные, амбициозные проекты, – сказал руководитель Федерального агентства научных организаций Михаил Котюков.

– Одна из задач реорганизации российской науки связана с тем, чтобы сделать наши исследования более современными и конкурентоспособными. Мы должны менять историю, и делать это предстоит вам – молодёжи, – призвал Андрей Фурсенко.

Коротко об общем впечатлении от встречи. Молодые учёные ДВО РАН задавали по большей части конкретные вопросы, порождённые реформой, детали которой многие коллеги и по сей день не до конца понимают. Обстановка в академических институтах сегодня, по понятным причинам, крайне нервная, что служит питательной средой для слухов и домыслов и не способствует научному творчеству.

Коллеги из университета в основном благодарили за университет, спрашивали про геополитику. Из самых острых вопросов университетской молодёжи, на мой взгляд, был следующий – почему даётся так мало времени на реализацию новых научных проектов в университете, при том почти сразу требуется, чтобы данные проекты были выполнены на мировом уровне.

В целом, я думаю, что стратегия властей может заключаться в желании создать на Дальнем Востоке научный кластер, где ДВФУ будет главной инфраструктурной площадкой.

Вопросы на встрече поднимались самые разные. Разговор шёл и о центрах коллективного пользования, и о жилье для молодёжи, и об авторских правах, и о публикационной активности и т.п. Был и острый вопрос о том, почему университет просто покупает статьи у академических учёных и ими отчитывается. Причём, данный вопрос поднял сам М.М. Котюков, сославшись на ситуацию на Урале. Ректор ДВФУ С.В. Иванец сказал, что в ДВФУ это в прошлом.

А.А. Фурсенко отметил архаичность нашей науки и возложил надежды на новые принципы её организации. Смысловые цитаты: в случае неуспеха в получении денег научным коллективом, учёным нужно задуматься о смене коллектива или рода деятельности, все границы сегодня открыты; наша задача – не открыть новые направления, а закрыть старые.

Дискуссионным оказался и вопрос, заданный мне М.М. Котюковым – кого поддерживать грантом – непосредственно молодого учёного или научный коллектив, где он работает? Моё мнение (которое я и высказал на встрече) состоит в том, что такое противопоставление кажется мне искусственным – часть грантов могла бы пойти на прямую поддержку молодёжи (особенно тех, кто делает самые первые шаги в науке), часть – коллективов, которые привлекают молодых учёных. Докладчик из университета заявил о том, что деньги нужно давать лабораториям. А.В. Хлунов отметил, что он противник грантов «для молодёжи», равно как и для других групп, ранжированных по возрасту, полу или иному социальному статусу.

В заключении М.М. Котюков, на мой вопрос о будущем советов молодых учёных, сказал, что он полагает, в деятельности советов не должно быть никаких границ, кроме юридических и у них большое будущее.

Сокращения

ГАХК
РГИА ДВ

Государственный архив Хабаровского края
Российский Государственный исторический архив
Дальнего Востока

Сведения о членах редакционной коллегии

- Римская Татьяна Григорьевна** (*главный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Бурлаков Виктор Алексеевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры журналистики и издательского бизнеса Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Ганопольский Михаил Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН (*г. Тюмень*)
- Демьяненко Александр Николаевич** – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*)
- Журбей Евгений Викторович** (*ответственный редактор*) – кандидат исторических наук, доцент филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка
- Золотухин Иван Николаевич** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Калугина Марина Альбертовна** – кандидат политических наук, заместитель директора по науке филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Караман Вадим Николаевич** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (*г. Владивосток*)
- Киреев Антон Александрович** – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кирсанова Лидия Игнатьевна** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Кожевников Владимир Васильевич** – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Кузнецов Анатолий Михайлович** – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Латушко Юрий Викторович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (*г. Владивосток*)
- Лукин Артем Леонидович** – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Литошенко Денис Александрович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Наумов Юрий Анатольевич** – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка
- Севастьянов Сергей Витальевич** – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)
- Чой Нак Джун** – Ph.D., приватный доцент кафедры русского языка и литературы института литературы и лингвистики университета Санг Мёнг (*г. Чхонан, Республика Корея*)
- Шестаков Ольга Игоревна** – кандидат исторических наук, заведующая лабораторией социологических исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (*г. Владивосток*)
- Ячин Сергей Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*)

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования".

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге "Пресса России" (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта "Ойкумены" (www.oikum.ru) и перейти по ссылке в раздел "Редакция журнала".

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также заинтересованных исследователей опубликовать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Регион в ракурсе предметного анализа : структуры и процессы
- ◆ Мировая система и межрегиональные отношения
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Эмпирика
- ◆ Аналитика
- ◆ Прагматика
- ◆ Науковедение
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Научная жизнь
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Программы учебных курсов
- ◆ Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале "Ойкумена. Регионоведческие исследования", соответствует следующим разделам рубрикатора ГРНТИ:

00.00.00	Общественные науки в целом
03.00.00	История. Исторические науки
04.00.00	Социология
11.00.00	Политика. Политические науки
13.00.00	Культура. Культурология
23.00.00	Комплексное изучение отдельных стран и регионов

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Формат файла txt, MS Word, OO Writer.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы, простановка буквы ё обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1, 5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1, 5 см., левое – 2, 5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов), название статьи, аннотация, ключевые слова (не менее 5-ти на русском и английском языках), текст статьи, список литературы.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5).
7. Расшифровка сокращений и аббревиатур (кроме общепринятых) обязательна. Например: **ГАПК -Государственный архив Приморского края**.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после на других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2012 г.)**.
9. Объем – 0, 5 п. л. (20 тыс. зн. с пробелами).
10. Рисунки, карты, графики и т.п. принимаются в наиболее распространенных (cdr, eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу на основании которой этот график сделан.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50%).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации. **E-mail: oikomene@rambler. ru; ojkum@rambler. ru**
13. Название (не более 2-х строк), текст статьи, сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), аннотацию (6 – 8 строк) на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке и написание своей фамилии латиницей присылать в одном файле.
14. Присылаемому файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
15. К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не публиковавшиеся в русскоязычных изданиях.

**Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.**

Ойкумена. Регионоведческие исследования:
научно-теоретический журнал

2014 № 1 (28)

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01. 08. 2001 г.
Подписано к печати 02. 12. 2013 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 13,6. Уч. -изд. л. 11,82. Тираж 200 экз. Заказ 24
Цена свободная

Издательство "Дальнаука" ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

Отпечатано в Информационно-полиграфическом хозрасчётном центре
ТИГ ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

ASIAE NOVA
DESCRPTIO